

В.В. ВОЛКОВ

**Россия:
interregnum**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

ЧАСТЬ II

**Санкт-Петербург
2011**

УДК 93/99
ББК 66.3 (2 Рос)3
В 67

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Бесов Александр Григорьевич; доктор исторических наук Смирнов Николай Николаевич

Волков В.В. Россия: interregnum. Исторический опыт модернизации России (вторая половина XIX – начало XX в.). Часть II. – СПб.: Политехника-Сервис, 2011. – 249 с.

Актуальность исследования В.В. Волкова обусловлена потребностью дальнейшего изучения и переосмысления сложившихся ранее представлений на характер и направленность исторического развития России второй половины XIX – начала XX в.

Ход исследования закономерно привел к постановке вопроса об объективных предпосылках и характере революции 1917 г., задавшей вектор последующего развития страны. Весьма существенным в этом плане явилось установление узловых противоречий и главных тенденций российской модернизации, что позволило автору показать, что в России далеко не завершился переход к буржуазной общественной формации и поэтому российское общество представляло из себя своеобразный межформационный interregnum (междуцарствие).

Глава IV. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ БУРЖУАЗНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В УС- ЛОВИЯХ САМОДЕРЖАВНО-АВТОРИТАРНОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Исследование модернизации экономического строя и социальных отношений России обусловило обращение к изучению идейных позиций и политических действий главных субъектов российской модернизации по отношению к реформированию страны. При этом использовались результаты анализа отечественной и зарубежной историографии, источниковой базы исследования.

§ 1. Зарождение государственной идеологии формирования буржуазного общества

Проходивший в Новое время процесс декорпорирования общества, а также рационализации и бюрократизации, поставил проблему социальной идентичности и поиска массами и элитами новых социальных ориентиров. Эта проблема приобрела универсальный характер в период возникновения промышленного капитализма в связи с его огромным конфликтным потенциалом в обществе. Объяснить, использовать и направить этот потенциал были призваны различные идеологии (консерватизм, либерализм, социализм и национализм) как особые формы выражения социальных конфликтов относительно зрелого капиталистического общества. Уже в силу данной социальной природы *идеологию* можно представить как такое идейное единство, в котором частное, социально-ограниченное, а потому функциональное знание каких-либо социальных групп или слоев воспроизводит себя посредством использования универсальных форм и господства над ними¹.

По своему идейному содержанию *идеология* есть особое состояние общественного сознания в виде организации мнений, позиций и ценностей, способа размышлений о человеке и обществе. По своему организационному содержанию *идеология* представляет целостную систему, состоящую из четырех компонентов. Во-первых, идеология

---

¹ См.: Фурсов А.И. Восток, Запад, капитализм: проблемы философии, истории и социальной теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX века.- М., 1995.- С. 45.

должна быть заявлена в виде определенного социально-политического учения. Во-вторых, это учение становится частью идеологии лишь в том случае, если оно оказывается доступно и понятно массам, приобретает у них признание и быстро набирает себе приверженцев. В-третьих, система должна включать элемент информационных связей между носителями учения и массой сторонников². В-четвертых, благодаря широкой группе поддержки в идеологии ставится задача реализовать теоретически выверенный идеал на практике³.

Сущность, содержание и структура идеологии обуславливают ее наиважнейшие особенности: создание идеологических моделей, формирующих у широких масс сторонников крайне упрощенный взгляд на мир; абстрактность принципов; производство идеологических мифов, служащих социальным интересам; господство социальной эффективности над поиском истины⁴.

В период модернизации особой формой идеологии является *государственная идеология*, которая в силу переходного характера преобразований закономерно становится ареной борьбы нескольких идеологических направлений. Поэтому одной из задач исследования стало выявление в сложившемся государственном идеологическом конгломерате буржуазно-модернизационной составляющей, что дало возможность глубже раскрыть характер и уровень формирования буржуазного общества в России.

В ходе исследования установлено, что после 14 декабря 1825 г. большую роль в многолетней борьбе самодержавия за свое существование сыграла государственная идеология. Николай I с первых же дней своего царствования признал в идеологическом воздействии на подданных важнейшее средство укрепления доставшейся ему власти. Для него стало категорической необходимостью противопоставить шедшим с Запада влияниям собственную идеологическую конструкцию. Суть избираемой стратегии отразилась в содержавшемся в Манифесте о декабристах призыве «к совершенствованию отечественно-

² Развитие правового государства и гражданского общества привело к их разрыву, что способствовало формированию общественного мнения и его выражению особым социальным слоем – «общественностью». Это стало важнейшей предпосылкой формирования идеологий в переходную эпоху.

³ См.: Медушевский А.Н. Идеологии как явление мировой истории // Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. Ред. В.В. Шелохаев.- М., 2004.- С. 13-17.

⁴ См.: Там же.- С. 18; Модернизация в России и конфликт ценностей / Под ред. С.Я. Матвеевой. – М., 1993.- С. 155.

Вячеслав Викторович Волков

Россия: **interregnum**

ЧАСТЬ II

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Подписано в печать 25.02.2011 г.

Формат 60x84/16

Объем п.л. 15.56

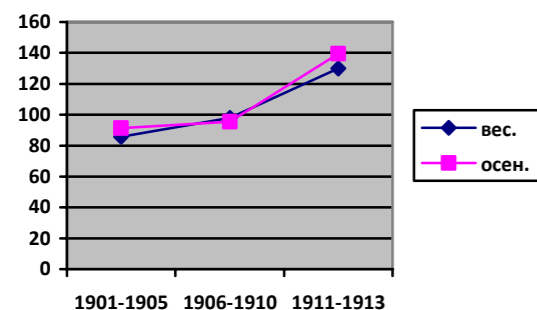
Тираж 300 экз.

Заказ № 168

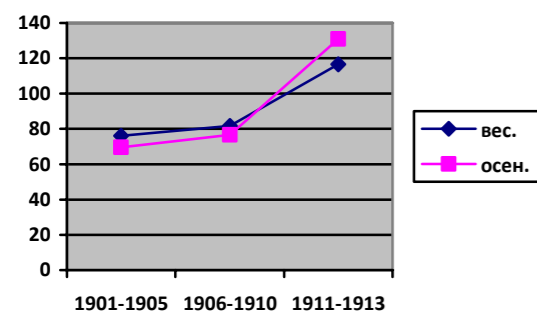
ООО «Политехника-Сервис»

191023, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 6

Рис. 7. Межрайонные колебания цен на рабочую лошадь

Рис. 8. Межрайонные колебания цен на дойную корову

го, не чужеземного воспитания»⁵. Совершить задуманное царь поручил Президенту Академии Наук и одновременно Товарищу Министра Народного просвещения, а с 21 марта 1933 г. – Министру С.С. Уварову. Им была произведена «попытка в корень перевоспитать русское общество в духе правительственных взглядов»⁶. При этом С.С. Уваров понимал, что нужно выставить что-то привлекательное и, высоко подняв это, выйти «против влияния так называемых европейских идей, грозящих нам опасностью...»⁷.

Прежде всего, С.С. Уваров посчитал необходимым сформулировать государственную идеологию. В ее основу он положил шлегелевское учение о народе и государстве как единой личности, развивающейся органическим путем. Несмотря на явные свидетельства в политической жизни Европы начала XIX в. острого противоборства принципов легитимизма и народности, С.С. Уваров страстно берется за реализацию данной национально-имперской утопии. Он признавал, что на русской почве принципы самодержавия и народности могли противоречить друг другу, но утверждал, что «каковы бы ни были столкновения, которые им довелось пережить, оба они живут общей жизнью и могут еще вступить в союз и победить вместе»⁸. «Народность не предполагает *движения назад*, она даже не предполагает *неподвижности*. Государственный состав может и должен развиваться подобно человеческому телу: с возрастом лицо человека меняется, сохраняя лишь главные черты. Речь не идет о том, чтобы противиться этому естественному движению, но лишь о том, чтобы не наклеивать на свое лицо чужеродную и искусственную маску, о том, чтобы сохранить неприкосновенным святилище наших народных понятий, черпать из него, поставить эти понятия на высшую ступень среди начал нашего государства и, в особенности, нашего народного образования»⁹. Таким образом, С.С. Уваров рассчитывал, что динамический принцип народности позволит государству изменяться в соответствии с требованиями времени, а консервативные начала самодержавия и православия послужат «якорем», удерживающим его от потрясений.

⁵ Восстание декабристов: Документы / Под ред. М.В. Нечкиной. - М., 1980.- Т. XVII – С. 252.

⁶ Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. – М., 1918. – С. 191.

⁷ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1891. – Кн. 4. – С. 85.

⁸ Меморандум С.С. Уварова, март 1832 г. Цит. по: Зорин А.А. Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). – М., 1996. - С. 127.

⁹ Там же.

С этой целью он решительно исключал из народности идею народного суверенитета.

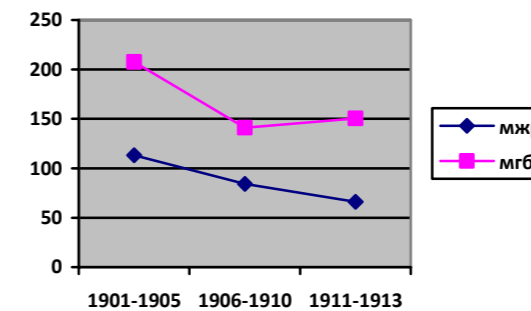
Анализ показывает, что сама по себе уваровская концепция не являлась примером абсолютного консерватизма, скорее всего ее можно определить как идею контролируемой эволюции. Ведь сам С.С. Уваров понимал исторические законы как естественные силы, действующие под попечением мудрого правительства. Конечный итог социальной эволюции России (народный суверенитет) не был секретом для С.С. Уварова. Поэтому он в беседе с А.В. Никитенко в 1835 г. заявил, что хотел бы на 50 лет отодвинуть Россию от приготовленного ей будущего, продлить ее юность¹⁰.

Этой задаче в определенной мере служили идеи министра финансов Е.Ф. Канкрин. «Мы не допускаем, – писал Е.Ф. Канкрин в своем труде «Экономия человеческих обществ и финансовый строй», – чтобы целью общества была возможно большая производительность и чистая прибыль». Целью должно быть «общее, хотя бы и среднее, благосостояние большей... части» членов общества. Это способствовало бы социальной стабильности государства и активизировало бы производительность. Исходя из этого Е.Ф. Канкрин настороженно относился к фабрике и приветствовал мелкую крестьянскую промышленность: «Работник в семейной промышленности находится, без сомнения, в самом счастливом положении. Мастерская фабрикация дает обществу более всего опоры. Фабричная же промышленность производит наиболее, но и порождает величайшую нищету... Фабричное производство порождает в низшем классе безнравственность, унижение, тупость, бунты, домогательство высшей платы <...> В России фабричные и другие работники приходят из селений, что, между прочим, имеет то величайшее достоинство, что препятствует чрезмерному умножению городского фабричного сословия... Крестьянин в таком случае возвращается в деревню, и... имеет, по крайней мере, кров и ежедневную пищу. Фабричное сословие не соединяется, чтобы вынудить увеличение платы...»¹¹. Е.Ф. Канкрин скептически отнесся к планам сооружения в России железных дорог, особенно посредством акционерных обществ, и не считал

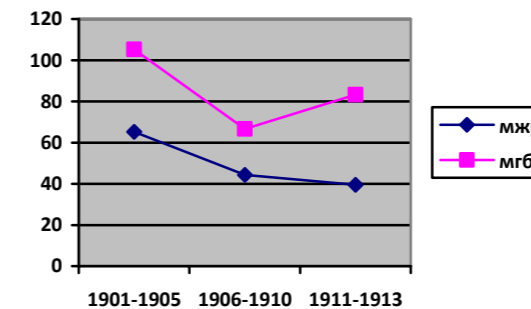
¹⁰ См.: Зорин А.Л. Указ соч. – С. 128.

¹¹ Цит. по: Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. – СПб., 2007. – С.270-271.

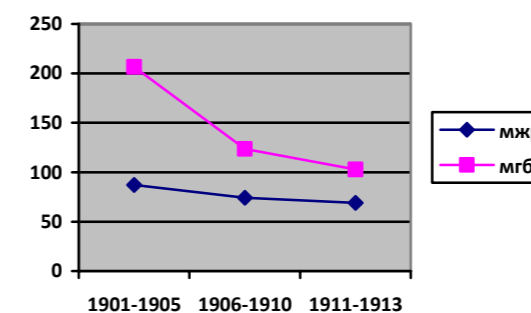
Рис. 4. Межрайонные и межгубернские колебания цен на картофель

Рис. 5. Межрайонные и межгубернские колебания цен на сено

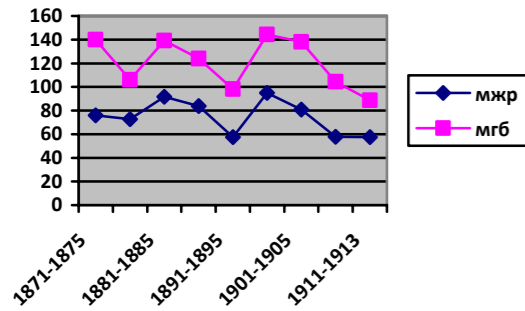

Рис. 6. Межрайонные и межгубернские колебания цен на горох

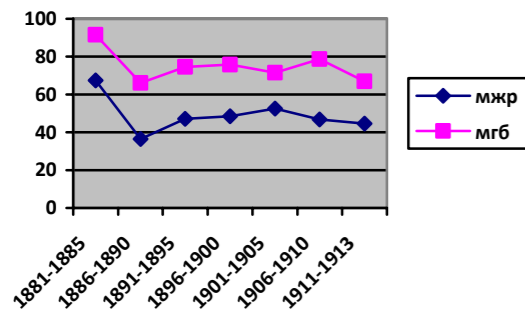

Приложение 3

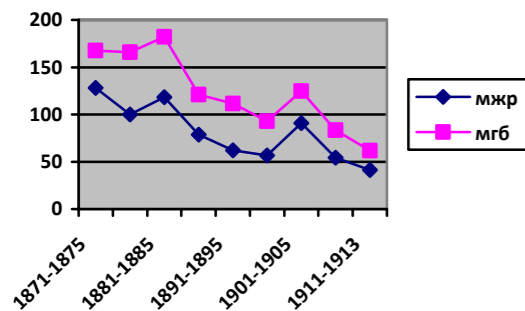
Рис. 1. Межрайонные и межгубернские колебания цен на рожь

Рис. 2. Межрайонные и межгубернские колебания цен на пшеницу

Рис. 3. Межрайонные и межгубернские колебания цен на овес

крепостное право существенной помехой на пути экономического развития России¹².

Сложная уваровская концепция, став сердцевинной государственной идеологической конструкции закономерно упростилась и огрубилась до вполне осознаваемой массами жесткой триады: «Православие, Самодержавие и Народность». Кроме раскрытия триединой формулы в теории официальной народности содержался тезис о единстве закона и монархии: «Россия крепка единодушием беспримерным. Здесь царь любит отечество в лице народа и правит им, как отец, руководствуясь законами...»¹³. Позже идеология законного (правомерного) самодержавия была более тщательно разработана в трудах славянофилов и русских консерваторов конца XIX – начала XX в.

По замыслу С.С. Уварова мифологема официальной народности должна была победно завоевать сознание общественности и, прежде всего, в сфере народного образования. «Таким образом, именно в сфере народного образования, – писал С.С. Уваров в своем первом меморандуме царю в марте 1832 г., – надлежит нам, прежде всего, возродить веру в монархические и народные начала. «...» Или Министерство народного просвещения не представляет собой ничего, или оно составляет душу административного корпуса»¹⁴.

Именно через сферу образования предполагалось достичь полной и всесторонней унификации духовной жизни. А для этого ставка была сделана на новую касту высокообразованных жрецов науки, которые за верную службу утвердившейся идеологеме получали соответствующее материальное и социальное положения. «Не успел С.С. Уваров бросить свой клич, как его уже подхватили и восславили»¹⁵. Наибольшую известность приобрел здесь профессор Московского университета М.П. Погодин, который уверял, что «ни одна история не заключает в себе столько чудесного..., как российская»¹⁶. «Россия есть особый мир: у нее другая земля, кровь, религия, основания, словом – другая история»¹⁷. Главные отличия М.П. Погодин видел в

¹² См.: Там же. – С.272-274.

¹³ Десятилетие министерства народного просвещения 1833–1843. – СПб., 1864. – С. 3–4.

¹⁴ Цит. по: Зорин А.Л. Указ соч. – С. 126.

¹⁵ Соловьев Ю.Б. Самодержавие в осаде: внесловная универсальная идеология как ответ на вызов эпохи (1825-1855) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. – М., 1994. – Часть II. – С. 117.

¹⁶ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1891.- Кн.4.- С. 14.

¹⁷ Цит. по: Там же.- С. 9-10.

том, что в России царит покой и согласие: высшим ее законом стала всеохватная сплоченность вокруг престола и веры¹⁸.

Помимо М.П. Погодина главными идеологами новой системы были Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, В.А. Жуковский. Пиком уваровского мифотворчества стали выводы Н.И. Надеждина о том, что «народ русский...стоит уже на блистательной степени совершенства и в отношении к тому, что есть лучшего в западной Европе»¹⁹, что он «сам по себе ничто, ...он ничего для себя не сделал и сделать не может, ...он не должен гордиться собой и надеяться на себя; но у него есть другая, высшая надежда, благороднейшая гордость: она заключается в его царе, который в себе соединяет всю Россию, носит ее просвещение, силу, блаженство!»²⁰; «народ русский существует только в своем царе; без него это ряд кулей; с этой державной единицей кули превращаются в биллион. Вот мой символ веры!»²¹.

Для популяризации и укрепления «Теории официальной народности» были привлечены лучшие общественные силы из консервативного лагеря. Еще до вступления на престол Николая I, с начала 1825 г. выходит, издававшаяся Ф.В. Булгариным и Н.И. Гречем, газета «Северная пчела», которая получила разрешение на публикацию политических известий²². Газета П.П. Пезаровиуса «Русский инвалид» приобрела поддержку Марии Федоровны и других членов императорской фамилии. В «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» редактором стал А.А. Краевский, в то время последовательный сторонник теории «официальной народности». В статье 1837 г. под названием «Мысли о России» он прославлял самодержавие и противопоставлял Россию Европе. Отчетливо консервативными были «Библиотека для чтения» О.И. Сенковского, «Телескоп» Н.И. Надеждина, «Маяк современного просвещения и образованности» С.А. Бурачека, «Москвитянин» М.П. Погодина и С.П. Шевырева. На этом фоне особо выделялся учрежденным С.С. Уваровым в 1834 г. «Журнал Народного Просвещения», официальный орган, который пропагандировал идеологию самодержавия и отвечал за ее чистоту.

¹⁸ См.: Там же. – С. 14.

¹⁹ Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826 – 1855 гг. – СПб., 1909.- С. 437.

²⁰ Там же. - С.589.

²¹ Там же. – С. 436.

²² См.: Березина В.Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1826-1839 гг.).- М., 1965.- С. 8.

Приложение 2

Копия
Его Высокопревосходительству
Господину Министру Внутренних дел
от рабочих Александровского сталелитейного завода

Всенижайшее прошение

Ваше Высокопревосходительство. Обращаемся мы к Вам, как к единственному нашему защитнику, помогите нашему горю: Александровский завод закрывают и всем нам рабочим, проработавшим на этом заводе десятки лет, дают расчет..., после того, как два года обнадеживали нас, что вот-вот будет работа и мы, рабочие завода, будем опять получать то, что нам следует зарабатывать. Почти два года мы получали не половину того, что считалось заработком, а много меньше... На наших глазах живет Александровский завод, мы видели на нем всякие виды, были мы под французскими жидами, немцами, а теперь перешли под власть Русского Казенного Банка. При жидах и немцах иногда работали только по три дня в неделю, но все-таки имели черствый кусок хлеба, когда банковские чиновники на наших слезах отрастили себе брюхо с гору, нас с семьями и детьми лишают последнего куска хлеба. Куда нам деваться. Мы Александровцы не привыкли выпрашивать подачки. У соседа нашего, Обухова, стреляли по рабочим, бунтующим от жиру, а мы почти голодные, стояли у станков и работали на заводе, работали только из-за насущного хлеба... Где нам искать защиты, не на Казанскую же площадь, со шелкоперами идти нам искать управы...

Если вы не заступитесь за нас, суди нас Бог: приведем мы Вам наших ребят и жен, бейте их плетью казаков и жандармов, рубите их шашками, все равно им помирать с голоду; берите и нас сажайте по тюрьмам, ссылайте в ссылку, но не одни же Банковские чиновники хотят есть, нам тоже надо хоть корочку хлеба; так создал нас Бог, не лишайте нас последнего и не вводите в искушение, так как голодные не знают разницы между правом и беззаконием. Мы не бунтовщики, а только хотим есть.

Март 1902

Источник: ЦГИА СПб, ф. 1229, оп. 1, д. 225, л. 11.

Поправление в духе «официальной народности» в это время было характерно для многих даровитых российских литераторов – Н.В. Гоголя, П.А. Вяземского, В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева. Н.В. Гоголь, например, писал, что весь смысл нашей истории следует искать в монархии²³. В начале 30-х годов XIX в. Россия получила новый гимн «Боже, царя храни», музыку к которому написал известный скрипач А.Ф. Львов. Автором же слов был В.А. Жуковский. В день публичного исполнения нового гимна в первый раз появились во Дворце придворные дамы и сама императрица в национальных платьях и русском головном убранстве, что, по словам отчета III отделения за 1834 г., вызвало всеобщее одобрение²⁴. Либерализм в тогдашней России клеймили всюду от самых верхов до низов общества, а взгляды славянофилов при этом приобрели наибольшую популярность²⁵.

Отчеты III отделения, характеризующие ситуацию в русском социуме, невольно фиксируют тенденции успокоения и «замораживания» общественности. Если в отчете за 1831 г. говорилось о вредных толках либерального класса людей и особенно молодежи²⁶, то уже в отчете за 1834 г. читаем следующее: «И либералы по-своему любят отечество; и им не чужда национальная гордость. Ныне же они видят, что достоинство России, величие ее, крепко соединены с качеством той мощной руки, которая нами управляет. При сих понятиях, либерализм должен исчезнуть, и действительно, он у нас сильно падает»²⁷. В отчете за 1835 г. руководство III отделения сочло необходимым записать следующее: «Если в предшествующие годы мы часто имели случай слышать, что упрекали Государя за Его строгость, то ныне понятие сие едва ли не со всею справедливостью можем сказать, что у многих оно заменилось сознанием, что в настоящие времена строгость и твердость в Государе необходимы и что с иными свойствами едва ли при нынешних обстоятельствах возмог Государь удержать Россию на той степени величия, на которой она стоит»²⁸.

В отчете за 1841 г. писалось, что «в массе офицеров заметно какое-то уныние, какая-то неохота к делу... Нет прежней беспечности,

²³ См.: Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. Соч. В 8 т. – М., 1984. – Т. 7. – С. 222–223.

²⁴ См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 203–204.

²⁵ См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII- XIX веков: Традиции и новации. – М., 2003. – С. 207.

²⁶ См.: ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 1, л. 30.

²⁷ Там же. – д. 2, л. 6.

²⁸ Там же. – д. 2, л. 60.

Таблица 15.

Доля чиновников с высшим, средним и начальным образованием в XVIII–XIX веках.

Годы	Доля чиновников с определенным уровнем образования в %		
	высшим	средним	начальным
1755	1,1	19,3	80,6
сер. XIX в.	29,4	36,9	33,7
1897	39,5	22,8	37,7

Составлено по: Дубенцов Б.Б. Самодержавие и чиновничество в 1881–1904 гг. (Политика царского правительства в области организации государственной службы): Дис. ... канд. истор. наук. – Л., 1977. – С. 6–10, 204.

Таблица 14.

Удельный вес рабочих с землей, занятых в различных отраслях промышленности

в 1905—1907 гг. (в %)

Начало работы в промышленности	Металлообрабатывающая							Металлургическая				В среднем по металлургической
	Ленинград	Московская обл.	Украина	Урал	ЦПО	Прочие районы	В сред-нем	Украина	Урал	Прочие районы	В сред-нем	
До 1905	17,6	41,1	5,8	43,3	32,0	6,6	24,7	17,4	51,6	23,2	29,3	26,0
1906–1913	14,5	34,6	7,7	29,0	31,7	3,4	21,2	21,7	39,6	20,9	26,1	22,6
1914–1917	12,3	30,8	5,8	25,9	28,8	2,5	18,8	17,9	30,1	14,9	20,8	19,4

Начало работы в промышленности	Хлопчатобумажная				Шерстяная	Суконная	Льняная	Шелковая	Трикотажная	Каменноугольная			Нефтяная	Рудная
	Ленинград	Московская обл.	Ивановская обл.	В сред-нем						Сибирь и Урал	В сред-нем	Нефтяная		
До 1905	8,0	27,7	22,2	21,4	28,0	22,8	31,6	20,5	19,3	16,9	15,9	16,7	6,3	51,7
1906–1913	4,6	25,7	20,0	} 20,0	23,7	15,5	29,7	16,1	12,6	20,1	11,6	} 18,2	5,9	
1914–1917	3,6	23,6	12,3							18,9	8,7		6,3	} 45,3

Источник: Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 134.

веселости, удачества, сопряженного с воинским званием»²⁹. В отчете за 1843 г. находим сообщение: «Высшее общество, которое в прежнее время позволяло себе рассуждать о действиях правительства, гласно хваля или порицая принимаемые им меры, уклоняется ныне от подобных суждений и ко всему хранит какое-то равнодушие: То же самое замечается и в других слоях общества, все как будто поражены какою-то апатией!»³⁰.

Итак, анализ отчетов III отделения дает ясное представление о том, что образованное общество как бы замирает в своем развитии, уходит в себя. Причиной этому конечно было не только идеологическое давление самодержавия, но его значительное влияние здесь несомненно. Не смотря на некоторое оживление общественного мнения в 1847 – 1848 гг., в целом III отделение констатировало определенное спокойствие в России и выгодное, по его мнению, отличие от стран Запада. Кроме того, III отделение отметило, как отрадное явление, проникновение в Россию «духа европейской положительности», который усматривался в обращении юношей к хозяйству и к добыче денег³¹.

Дальнейшие изменения в идеологическом строе российского государства были тесно переплетены с развитием общественного мнения образованного общества. Оно, не смотря на свою административную и идеологическую придавленность, не прекращало обсуждение аграрно-крестьянского и конституционного вопросов. И результат был таков: «общество» больше желало политической свободы, нежели отмены крепостного права³². В народе вектор общественных потребностей был в корне противоположным. В отчете III отделения за 1834 г. составители писали: «Год от году распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности. В 1834 году много было примеров неповиновения крестьян своим помещикам, и почти все таковые случаи... происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу»³³.

²⁹ Там же. - д. 6 (1841), л. 112 об.

³⁰ Там же. - д. 8, л. 214.

³¹ Там же. - д. 8, л. 214-214 об.

³² См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII- XIX веков: Традиции и новации. – М., 2003. - С. 229.

³³ ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 2, л. 6 об. – 7.

О стремлении крестьян к свободе свидетельствуют и другие отчеты III отделения в 1830-1840 годах. Причем, они наполнены весьма ценными наблюдениями и замечаниями по этой проблеме. Уже в 1839 г. в отчете была высказана мысль о необходимости постепенного осторожного освобождения крестьян, дабы не допустить освобождения снизу³⁴. В 1840 г. авторы отчета сообщили о том, что распространяющиеся мысли о свободе вызывают беспорядки и преступления³⁵. Действительно, в эти годы возросло сопротивление крепостных крестьян помещикам в различных формах: убийствах, избиениях, пожарах, побегах, неповиновении, противозаконной подаче жалоб и т.п.³⁶. А в отчетах за 1842, 1844, 1847 гг. проводится мысль о серьезных опасениях помещиков за свою будущую судьбу в связи со слухами о предстоящем освобождении крепостных³⁷. Беспокойство охватило и правящие круги. В результате в некоторых районах страны в конце 1850-х годов было разрешено предавать крестьян, возмущившихся против помещиков, военному суду, даже если те и не сопротивлялись воинским командам³⁸.

В образованном обществе по проблеме крепостного права произошёл раскол. Несмотря на то, что решительными противниками крепостничества были такие известные славянофилы и западники как А.С. Хомяков, И.С. и К.С. Аксаковы, В.А. Черкасский, Т.М. Грановский, И.С. Тургенев, Н.П. Огарев и многие другие,³⁹ большинство «общества» было настроено консервативно⁴⁰. Еще в 1835 г. чиновник МВД Пасек подал записку, в которой заявил, что большинство дворян против отмены крепостного права, поскольку не могут свыкнуться с мыслью о возможности эффективно владеть землей и иметь хорошую прислугу при отсутствии крепостного права⁴¹. В отчете III от-

³⁴ Там же. - д. 4, л. 98 об-99.

³⁵ Там же. - д. 5, л. 137об.

³⁶ См.: Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. – СПб., 1888. – Т. II. – С. 571-605.

³⁷ См.: ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 7, л. 172-172об.; д. 12, л. 144-147об.

³⁸ См.: Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. – Пг., 1915. – Т. I. – С. 309-310.

³⁹ См.: Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. – М., 1983. – С. 75-76; Гросул В.А. Владимир Александрович Черкасский // Российские либералы. – М., 2001. – С. 164; Батуринский В.П. Западники 40-х годов // Великая реформа. – Т. III – С. 202.

⁴⁰ См.: Кизеветтер А.А. Русское общество и реформа 1861 г. // Великая реформа. – М., 1911. - Т. IV. – С. 110.

⁴¹ См.: Бочкарев В.Н. Дворянские проекты по крестьянскому вопросу при Николае I // Великая реформа. – М., 1911. - Т. III. – С. 157.

Таблица 13.

Связь рабочих фабрично-заводской промышленности с сельским хозяйством по группам производств до Октябрьской революции

Группы производств	Число рабочих (в тыс.)	Из них		В % к общему числу рабочих	
		имели свою землю или землю своей семьи	в том числе вели свое хозяйство при помощи членов своей семьи	имели свою землю или землю своей семьи	в том числе вели свое хозяйство при помощи членов своей семьи
Все группы производств	983,8	308,4	205,5	31,3	20,9
В том числе:					
Добыча и обработка камней, земли и глины	37,2	7,7	5,1	20,7	13,7
Горная и горнозаводская промышленность	35,1	15,6	13,6	44,4	38,7
Металлообработывающая промышленность	20,5	6,0	4,3	29,3	21,0
Производство машин, инструментов и аппаратов	127,0	30,6	17,7	24,1	13,9
Химическая промышленность	43,4	13,0	8,8	30,0	20,4
Производство пищевых продуктов	77,7	29,6	22,7	38,1	29,2
Кожевенная и меховая промышленность	22,9	6,8	5,1	29,7	22,3
Производство по обработке хлопка	370,4	123,6	75,4	33,6	20,4
Производство по обработке шерсти	50,7	18,8	12,7	37,1	25,0

Источник: Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958. – С. 573.

деления за 1847 г. указывалось: «Большая часть публики рассуждает, что свобода крестьян во всех государствах Европы не привела их к тому счастливому быту, которого от свободы ожидать должно, что, напротив, где более свободы, там более и беспорядков»⁴². Отчеты III отделения за 1850-е годы тайно свидетельствовали о том, что большинство помещиков не желало значительной крестьянской реформы⁴³. Поэтому неслучайно в начале 1850-х годов ряд органов русской прессы начал буквально воспевать крепостное право и благоденство России под скипетром православного царя⁴⁴. В правительственных сферах в 1830-1840-х годах лишь отдельные сановники высказывались за реформы; большинство иерархов Русской православной церкви и в конце 1850-х годов принадлежало к числу несочувствующих реформе⁴⁵.

Итак, несомненное желание крестьян освободиться от крепостной зависимости соседствовало с отрицательным отношением к этому со стороны большинства помещиков. Зная все это, а также учитывая постепенное вызревание конституционно-аристократической фронды⁴⁶, потрясение «общества» от поражения в Крымской войне, Александр II принял решение о реформировании страны, что повлекло за собой изменения в области государственной идеологии.

Исследование выявило, что трансформация идеологической системы самодержавия была невозможна без влияния и поддержки общественного мнения образованного общества России. Так, П. А. Валуев в записке Александру II от 22 сентября 1861 г. заметил, что большинство администрации «признает над собой, кроме начальственной власти, власть общественного мнения, и потому часто повинуется условно, исполняет нерешительно и вообще более озабочено будущим, чем настоящим»⁴⁷.

⁴² ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 12, л. 147.

⁴³ См.: Там же. - д. 23, л. 123.

⁴⁴ См.: Мельгунов С.П. Эпоха «официальной народности» и крепостное право // Великая реформа. – М., 1911. – Т. III. – С. 14-15.

⁴⁵ См.: Мельгунов С.П. Митрополит Филарет – деятель крестьянской реформы // Великая реформа. – М., 1911. - Т. V. – С. 158.

⁴⁶ См.: Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). – М., 2002. – С. 39-42, 118.

⁴⁷ Записка П.А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения сохранения внутренней безопасности» от 22 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С. 102.

Таблица 12.

Степень энерговооруженности и производительности труда металлургов Урала и Юга.

Категория рабочих	Энерговооруженность труда (л.с. на одного рабочего)			Производительность труда в 1910г	
	1890 г.	1908 г.	1913 г.	Удельные затраты на одну тонну чугуна (дни)	Производительность труда сталевара (т/год)
Металлурги Урала	0,22	0,66		2,44	126,2
Металлурги Юга	2,4	6,26	8,9	1,06	361,5

Источник: Серый Ю.И. К вопросу об особенностях формирования рабочих в различных районах России // Рабочие России в эпоху капитализма: Сравнительный порайонный анализ. – Ростов-на-Дону, 1972. – С. 29–31.

Таблица 10.

Основные Группировки	Очень бедные	Бедные	Средние	Зажиточные	Богатые	Итого
Скот	19,1	35,2	22,2	15,2	8,3	100,0
Землевладение	2,6	28,7	36,5	21,3	10,9	100,0
Доход	2,2	27,0	51,7	16,1	3,0	100,0

Источник: Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. – Воронеж, 1900. – Ч. 2. – С. 1–201.

Таблица 11.

Численность рабочего класса России в 1900—1913 гг.

Категория рабочих	1900 г.		1913 г.	
	Численность		Численность	
	тыс.	%	тыс.	%
Занятые на крупных предприятиях (фабрично-заводские, горнозаводские, черные, транспортные)	2640,9	21,7	3938,9	21,5
Занятые в мелкой промышленности	2000 (на 1890 г.)	16,4	3000	16,5
Строительные	1000 (на 1890 г.)	8,2	1500	8,3
Сельскохозяйственные	45,40,3 (на 1890 г.)	37,3	6500	35,6
Занятые в лесном деле и чернорабочие в строительстве на транспорте, в торговле	2000 (на 1890 г.)	16,4	3300	18,1
Всего	12181,2	100	18238,9	100

Источник: Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. – М., 1982. – С. 42.

Процесс психологического восприятия общественного мнения той эпохи в значительной степени проходил через призму романтизма с его гипертрофией личности, театральностью, исторической монументальностью. Образованный человек XIX в. очень часто уделял подчеркнутое внимание к слову, жесту, поведению, через которое он воспринимал себя исторической личностью. «Осознание себя как исторического лица заставляло оценивать свою жизнь как цепь сюжетов для других историков, а вслед за ними – поэтов, художников, драматургов. С этой позиции в оценку собственной реальной жизни невольно вмешивается взгляд со стороны – с точки зрения потомства»⁴⁸. Весьма характерны в этом плане слова произнесенные Александром II 28 января 1861 г. на заседании Общего собрания Государственного совета по поводу роли дворянства в освобождении крестьян: «Я счастлив, что мне суждено свидетельствовать об этом перед потомством»⁴⁹.

Моральную оценку герою при жизни могло дать только «общество». Именно поэтому здесь следует искать особую восприимчивость Александра II к мнению дворянства, парадоксальное желание это мнение подправить, трансформировать, чтобы затем найти в нем же моральное оправдание. Об этом свидетельствует красноречивый факт. По указанию Александра II в 1857 г. Виленскому генерал-губернатору Назимову под угрозой введения инвентарей удалось склонить помещиков трех литовских губерний к составлению прошения на высочайшее имя, в котором те выражали желание упразднить в их крае крепостное право при условии сохранения за дворянством прав собственности на землю. Эта просьба была истолкована в нужном для правительства и императора смысле и в восьмидневный срок был составлен знаменитый рескрипт Назимову с предписанием о создании губернских комитетов из выборных дворян для обсуждения способов освобождения крестьян от крепостного права⁵⁰.

Большую роль в последующих преобразованиях играло не само по себе мнение «общества», но его содержание: изначальная черта

⁴⁸ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). – СПб., 1996. – С. 338.

⁴⁹ Цит. по: Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. – СПб., 2006. – С. 200.

⁵⁰ См.: Гофштеттер И. Забытый государственный человек Николай Алексеевич Милютин (По русским и иностранным источникам). – СПб., 1901. – С. 22; Жидков К.Г. Светлой памяти Великого князя Константина Николаевича генерал-адмирала русского флота (Биографический очерк). – СПб., 1912. – С. 78-79.

Саратовская	37,29	18,53		41,2		83 оз.	66	77
Заволжские:	32,68		11,99		0,716			
Пермская	16,98	18,26		12,6		77 яр.	68	81
Уфимская	29,92	22,63		26,4		74 яр.	78	77
Оренбургская	28,6	27,85		12		52 яр.	56	40
Самарская	53,76	24,07		26,3		71 яр.	69	69

Лидеры производства и продажи зерна:

Области и губернии	Остаток на 1 чел., пуд	Остаток за 1904–1908 г., пуд	Население			Урожайность		
			Млн. чел.	На 1 кв. версту, чел.	Посевная площадь на 1 чел., дес.	Пшеница, пуд	Рожь, пуд	Ячмень, пуд
Предкавказские:	52,3		8,819		1,053			
Кубанская	58,8	57,19		30		79 яр.	70	82
Ставропольская	63,08	42,56		24,5		64 оз.	43	78
Терская	27,21	24,82		18		61 оз.	53	57
Южно-Степные:	54,11		9,25		1,123			
Екатеринославская	54,93	46,83		53,5		78 яр.	69	91
Таврическая	47,32	50,39		34,5		68 оз.	50	53
Донского Войска область	74,81	35,38		23,5		66 яр.	50	81
Астраханская	5,64	6,67		5,9		15 яр.	15	19

Источник: Купцов А.Г. Земля – ЕК, или столыпинская катастрофа России. – М, 2002. – С. 6–14.

политических настроений либеральной части «поколения 40-х годов» состояла в двойной амбивалентности, двойственности восприятия политики существующей власти и психологического переживания с ней.

Первая антитеза заключалась в неприятии сущего в государственном бытии (того авторитарного государственного строя, который был тогда в России) и уповании на верховную власть в реализации либерального должного. Никто из либеральных деятелей той эпохи не находил в России другой политической силы, способной к осуществлению формирующихся либеральных требований, кроме самого самодержавия⁵¹.

Другое противоречие заключало в себе борьбу между западным опытом модернизации и либерализма и его русским национальным прочтением. И если народничество восприняло в европейских буржуазно-демократических преобразованиях их революционный радикальный дух, насытив его своим содержанием, то либеральные теоретики сделали упор на содержательную часть буржуазной доктрины, поставленную, однако, в зависимость от государственной политики постепенных преобразований, что не могло не сказаться и на самом содержании модернизации. Наиболее интересную попытку извлечения из французского опыта позитивных уроков для назревших в России реформ предпринял близкий к реформаторам молодой ученый и публицист Б.Н. Чичерин, опубликовав в русской периодике ряд статей, изданных в 1858 г. отдельной книжкой⁵². Из очерков Б.Н. Чичерина вытекало несколько важнейших уроков: о закономерности революции, но возможности ее избежать благодаря своевременным реформам; о первичности для России получения не политической, а гражданской свободы; об активной роли сильной централизованной власти в процессе преобразований. По сути дела Б.Н. Чичерин представил матрицу всей российской модернизации. В ней, однако, наряду с фиксацией объективных закономерностей преобразований, присутствовала их не вполне адекватная трактовка, которая заключалась в необоснованном противопоставлении революции и реформ.

Оживление общественных настроений стало заметно уже в начале Крымской войны и было связано с тем, что «общество» в своем

⁵¹ См.: Кавелин К.Д. Письмо Т.Н. Грановскому от 4 марта 1855 г. // Литературное наследство. – М., 1959. – Т.67. – С.607-611.

⁵² См.: Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. – М., 1858.

большинстве поддержало войну и надеялось на скорое и удачное ее окончание. После военных неудач возникшее возбуждение поддерживалось уже возмущением недовольством⁵³. Однако это недовольство носило в основном не внешнеполитический, а внутривластный характер. «Высадка союзников в Крым в 1854 году, последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя, – отмечал в своих записках А.И. Кошелев, – нас не слишком огорчили; ибо мы были убеждены, что даже поражения России сноснее и даже для нее и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время»⁵⁴. Это не ускользнуло от внимания властей и, вероятно, подвигло их к некоторым послаблениям цензурного характера, а также в отношении преследовавшихся литераторов. Важным симптомом начавшегося подъема и «кризиса верхов» было празднование 100-летия Московского университета, состоявшегося еще при жизни Николая I⁵⁵.

Во время подъема 1850-х годов образованное общество разделилось на три основных общественно-политических направления. В.П. Безобразов упоминал об охранителях, либералах и прогрессистах⁵⁶. Наибольшую силу стал набирать либерализм. Он, как показывает анализ, складывался из двух потоков: общественного и правительственного. Среди главных центров общественного либерализма 1850-х годов можно выделить петербургский кружок К.Д. Кавелина и московский кружок А.В. Станкевича. Для изменения своих взглядов либералы использовали как герценовские издания («Голоса из России», «Колокол»), так и печатные органы внутри России («Русский вестник» М.Н. Каткова, П.М. Леонтьева, Е.Ф. Корша, «Русская беседа» А.И. Кошелева, «Отечественные записки» А.А. Краевского). Идеи либерализма глубоко проникают в художественную литературу (произведения И.С. Тургенева, А.Н. Островского). Важнейшей фор-

⁵³ См.: Гросул В.Я. Указ соч.- С. 263-264. Здесь, однако, следует уточнить, что все вышесказанное относится к столичному «обществу» того времени. События Крымской войны не внесли изменений в привычную круговерть жизни провинциального света. См.: Боборыкин П.Д. Воспоминания в 2-х томах. – М., 1965. – Т.1. – С.107.

⁵⁴ Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.94.

⁵⁵ См.: Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855-1881): Исторические очерки – М., 1909. – С. 7; Дружинин Н.М. Москва в годы Крымской войны // Дружинин Н.М. Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. – М., 1988. – С. 165.

⁵⁶ См.: Безобразов В.П. Гражданская свобода и ее обеспечение // Безобразов В.П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. – СПб., 1882. – С. 213, 715.

Черноморская	4,59	1,12	16,5					
Прибалтийские	15,03	2,64	0,25					

Районы и количество благополучных производителей зерна:

Области и губернии	Остаток на 1 чел., пуд	Остаток за 1904–1908 г., пуд	Население			Урожайность		
			Млн. чел.	На 1 кв. версту, чел.	Посевная площадь на 1 чел., дес.	Пшеница, пуд	Рожь, пуд	Ячмень, пуд
Днепровско-Донские:	23,88		18,404		0,456			
Черниговская	10,81	9,78		63,4		68 оз.	59	75
Полтавская	29,73	25,11		80,6		82 оз.	89	88
Орловская	16,15	12,07		61,6		81 оз.	68	66
Курская	23,15	17,65		72,5		95 оз.	94	92
Харьковская	31,08	20,16		66,4		91 оз.	92	88
Воронежская	28,94	17,60		56,8		84 оз.	77	88
Заднепровские:	25,75		17,660		0,539			
Волынская	17,82	15,14		59,8		74 оз.	71	68
Киевская	19,89	18,95		98,8		93 оз.	97	77
Подольская	21,36	18,95		99,5		85 оз.	88	70
Бессарабская	34,32	38,41		61,3		57 ярю	61	70
Херсонская	40,85	37,5		54,6		58 яр.	51	70
Волго-Донские:	30,74		8,21		0,573			
Тамбовская	26,86	20,58		52,6		92 оз.	86	83
Пензенская	26,84	19,04		52,1		62 оз.	80	60

мой деятельности либералов становятся общественные обеды и банкеты, в ходе которых произносились речи, получившие порой широкий резонанс по всей стране. Эти общественные собрания способствовали сплочению либеральных сил, укреплению их организованности. Заявили о себе либералы и в русской провинции. Ведущим провинциальным центром этого движения стал Новоторжский уезд Тверской губернии. Либеральные кружки возникли во многих губернских городах: в Киеве, Харькове, Казани, Нижнем Новгороде, Рязани, Калуге, Владимире, Ярославле⁵⁷. Однако, несмотря на свою активность либералы были в меньшинстве в рядах дворянства. Вообще, пассивная роль дворянства была predetermined как социально-экономической неоднородностью сословия, отсутствием единой идеологической платформы, так и невозможностью «сорганизоваться» в условиях, когда власть могла достаточно решительно изменить уже провозглашенные начала реформы⁵⁸. В целом настроения помещного дворянства вынужденно склонялись к либерально-консервативной половинчатой позиции в ключевом вопросе тогдашней России – освобождении крестьян. Анализ деятельности губернских дворянских комитетов позволяет сделать вывод о том, что помещики средней руки в большинстве своем выражали желание не столько согнать крестьян с земли, сколько привязать их к минимальным наделам и затруднить переходы⁵⁹. При этом царское «слово» пробудило в высшем сословии далеко идущие ожидания: смиряясь с неизбежностью отмены крепостного права и принимая идею обязательного выкупа крестьянского надела, политически ангажированное дворянство полагало, что первоначально избранный властью коллегиальный способ подготовки реформы может приобрести необратимый характер и в дальнейшей государственной практике. Но эти ожидания расходились с видами правительственных либералов, видевших в «представительных» инициативах и надеждах дворянства только препятствие в проведении буржуазных реформ. Поэтому не случайными были отмена публичности заседаний губернских комитетов, регулирование выборов дворянских депутатов, упразднение дворянской легитимизации реформы, и, в конечном итоге, отклонение любых попыток утверждения дворянского или межсословного

⁵⁷ См.: Гросул В.Я. Указ соч.- С. 275-276.

⁵⁸ См.: Христофоров И.А. Указ. соч.- С. 35.

⁵⁹ См.: Христофоров И.А. Указ. соч.- С. 67.

Московская	1,08	2,77		108,2		68 яр.	34	58
Тверская	3,73	7,08		37,6		42 яр.	41	69
Смоленская	6,48	9,57		38,8		82 оз.	50	62
Калужская	4,06	7,19		50,1		–	33	49
Тульская	13,76	12,71		64,1		78 яр.	59	72
Рязанская	14,16	12,7		62,6		78 оз.	67	60
Владимирская	3,39	8,23		43,7		69 яр.	28	82
Ср.-Волжские:	16,46		13,092		0,423			
Ярославская	5,1	9,51		27,5		57 яр.	49	68
Костромская	7,72	9,99		22,7		50 яр.	43	61
Нижегородская	13,14	14,55		43,9		55 яр.	48	71
Казанская	24,88	16,35		47,4		70 яр.	71	76
Сибирская	30,7	19,31		43,8		68 яр.	84	96
Вятская	12,2	16,41		27,3		73 яр.	39	68
Уральская	21,63	18,9	0,792	2,5	0,641	–	–	–
Сибирские:	14,38		6,247		0,472			
Тобольская	12,22	17,18		1,5		51 яр.	45	54
Томская	17,37	21,62		4,2		80 яр.	60	47
Енисейская	7,92	21,75		0,3		33 яр.	41	21
Иркутская	13,96	17,64		1,0		38 яр.	50	42
Ср.-азиатские:	11,06		3,539		0,378			
Тургайская	14,6	23,88		1,5		22 яр.	29	16
Акмолинская	6,23	9,22		1,9		30 яр.	35	41
Семиреченская	18,53	18,63		3,5		82 оз.	69	86

представительства. В результате возникла парадоксальная ситуация: для модернизации сферы гражданской свободы приходилось жертвовать свободой политической. Обратной стороной такой государственной политики модернизации явилось освобождение помещиков от обета послушания власти.

Для правительства не было секретом существование определенной аристократической оппозиции в рядах дворянства. Немногочисленные крупные помещики ратовали за освобождение крестьян без земли, введение в своих хозяйствах вольнонаемного труда и арендных отношений и тем самым видели в таком своем землевладении залог собственного политического будущего как на местном, так и на государственном уровнях. В.А. Черкасский так охарактеризовал эту позицию в письме А.И. Кошелеву в мае 1859 г.: «Они совершенно отделяют себя от областного дворянства и пренебрегают его интересами, которые состоят в скорейшем выкупе, в пользу своих, ошибочно понятых интересов, которых они ищут в бессрочном пользовании, с целью сохранить влияние, даваемое в других странах поземельной собственности»⁶⁰.

В конце 1850-х годов «аристократическая партия» попыталась оказать влияние на общественное мнение дворянства и верховную власть путем распространения многочисленных записок и памфлетов. Суть их можно свести к осуждению реформаторов, стремящихся разорвать союз высшего сословия с верховной властью, усилить роли бюрократии в управлении и призыву заменить себя путем сосредоточения в своих руках контроля за преобразованием и за внутренней политикой вообще.

Наиболее ярко «олигархические» взгляды выразились в памфлете «Три партии», авторы которого заявили, что с отменой крепостного права, подавлявшего возможность участия дворянства в государственной жизни, такое участие должно усилиться. Политические права высшего сословия обосновывались как права «сословия общественного, откуда имеет начало сама Верховная власть»⁶¹.

Самыми последовательными провинциальными приверженцами «аристократических» идей оказались представители Брянского уезда орловской губернии С.И. Мальцев и В.А. Краинский – авторы об-

⁶⁰ Трубецкая О.В. Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. – М., 1904. – Т. 1. – Кн. 2. – С.30.

⁶¹ Р.С.Т., З.Н.П. Три партии. Мы на перепутье.- Берлин, 1860. – С. 22.

Таблица 9.

Сбор основных хлебов по губерниям (без овса и картофеля) за 1909 год без данных по Прибалтике (Эстляндии, Лифляндии и Курляндии)

Области и губернии	Остаток за вычетом на посев на 1 чел., пуд	Остаток в среднем за 1904–1908 гг., пуд	Население, млн. чел.	Население на 1 кв. версту, чел.	Посевная площадь на 1 чел., дес.	Урожайность		
						Пшеница, пуд	Рожь, пуд	Ячмень, пуд
Северные:	6,18		2,0235		0,195			
Архангельская	4,66	4,19				-	48	68
Вологодская	6,56	8,79				59 яр.	47	63
Озерные:	4,4		6,216		0,142			
Олонеккая	6,08	5,95		3,9		49 яр.	50	56
С.-Петербург	2,0	2,22		71,8		65 оз.	67	64
Новгородская	4,51	6,5		15,6		51 яр.	45	59
Псковская	8,8	9,73		35,2		45 оз.	50	62
Сев.-Западные:	11,98		12,315		0,302			
Ковенская	17,65	14,15		49,6		67 оз.	74	75
Виленская	12,91	10,17		51,6		54 яр.	58	66
Гродненская	11,7	10,52		56,9		66 оз.	63	59
Витебская	7,62	6,96		47		48 яр.	40	57
Могилевская	10,19	8,97		51,4		67 оз.	56	63
Минская	12,18	9,78		34,4		70 оз.	65	62
Центральные:	6,35		14,492		0,234			

ширного политического памфлета. В нем они резко высказывались против общины, крестьянского землевладения, бюрократии и «демократически-социалистических учений». Во главу угла авторы памфлета поставили ограждение сословных прав дворянства через воспрепятствование перехода из сословия в сословие, создание майората, распродажу казенных земель, предоставление дворянству права баллотировать новых членов сословия и судить избранных дворянством чиновников, передачу всей полноты власти на местах в руки «мирных судей», назначение в Государственный Совет, Сенат и в губернаторы только тех, кто уже исполнял должность таких судей⁶².

Все литературное творчество памфлетистов было направлено на доведение своей позиции дворянству и чиновникам. Известна лишь одна любопытная попытка дворянской агитации в народных массах. В 1858 г. С.П. Голицын издал народную брошюру в 12 копеек в серии, названной им «Печатной правдой»⁶³.

Исследование показало, что в целом работа дворянских комитетов в 46 губерниях Европейской России выявило наличие в дворянстве крепостнического большинства и либерального меньшинства. Кроме того, вышла на поверхность активная деятельность малочисленной, но влиятельной «аристократической» фронды. «Тем временем, со всех сторон поступали сведения о напряженном ожидании крестьянством освобождения. Особенно сильное впечатление на царя произвело известие о волнениях в Эстляндской губернии (соседствующей с Петербургом), вызванных неприятием местной реформы, не обеспечивавшей крестьян землей»⁶⁴. Учитывая все это, Александр II решил усилить либеральное течение в правительственных кругах и с его помощью мобилизовать либеральную общественность с целью организации не только административного, но и идеологического давления на дворянство.

Несомненно, ключевой фигурой реформирования общественной жизни России являлся Александр II, который, однако, не отличался либеральностью взглядов и не имел поначалу своей политической программы. Твердым и непоколебимым в его мировоззрении было лишь представление о незыблемости монархии в России и необходи-

⁶² См.: Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян. Т. 2. Свод предметов, обративших на себя внимание орловских дворян на уездных совещаниях. – С. 16-35.

⁶³ См.: Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М., 2001. – С. 198.

⁶⁴ Захарова Л.Г. Александр II // Вопросы истории. – 1992. - № 6-7. – С. 66.

Таблица 7.

Присутствие иностранных капиталов
в различных отраслях в начале XX в.
(в процентах ко всему авансированному капиталу)

Предприятия	1890 г.	1900 г.	1917 г.
Горнопромышленные, металлообрабатывающие и машиностроительные	61,2	72,2	54,1
Городские, складочные и строительные	66,7	48,3	61,8
Химические	41,0	34,7	45,0
Коммерческие банки	27,2	29,2	34,2
Бумажно-полиграфические	9,6	43,8	33,8
Обрабатывающие животные продукты	11,9	35,7	26,0
Страховые компании	24,4	20,7	23,6
Механическая обработка дерева	6,0	19,1	21,8
Текстильные	13,1	19,1	20,9
Торговые и комиссионные	2,0	18,0	20,7
Транспортные	1,0	40,6	15,9

Источник: Грановский Е.Л. Монополистический капитализм в России. – Л., 1928. – С. 99, 134.

Таблица 8.

	Протяженность железных дорог на долю казенны в %	Доля производства госпредприятий, в %				Численность рабочих на государственных военных заводах (в тыс. чел.) в 1908–1913 гг.	Численность рабочих в 1917–1918 гг.
		эл. энерг.	кам. уголь	жел. руда	повар. соль		
Германия	93	37,6	6,9	10,6	21	43	200
Россия	70	2	2	3,5	0,5	100	300

Источник: Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Государственное предпринимательство в России и его участие в регулировании экономики. (Опыт начала XX века) // Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд. – М., 2001. – С. 30.

мости расширения и усиления империи. «Цель движения мною неоднократно была указана и Вам, и всем прочим министрам. – писал Александр II П.А. Валуеву. – Прежде всего я желаю, чтобы правительственная власть была властью и не допускала никаких послаблений, и чтобы всякий исполнял свято лежащую на нем обязанность. Второе же: стремиться к постепенному исправлению тех недостатков в нашей администрации, которые все чувствуют, но при том не касаясь коренных основ монархического и самодержавного правительства»⁶⁵.

Вступив на престол в момент кризиса старой системы и пробуждения общественного мнения требовавшего реформ, Александр II сумел осознать грозящую опасность и начал искать новые решения и новых людей, сам оставаясь при этом человеком старых взглядов и старой патриархальной культуры⁶⁶. Некоторые факты из его публичной и семейной жизни подтверждают этот вывод. Так, после объявления манифеста об освобождении крестьян в Санкт-Петербурге 12 марта 1861 г. тысячи крестьян, рабочих и ремесленников отправились к Зимнему дворцу и поднесли императору хлеб-соль и адрес. Александр II, строго следуя традициям, обращается к собравшемуся народу не как уже свободному гражданину, а как к опекаемому ребенку: «Здравствуйте, дети!». В ответ: «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!» «Благодарю вас дети, за сочувствие ваше, которое стоило немалого труда. Поняли ли, дети, что для вас сделано, в пользу вашего общего блага, Мною в объявленном вам Манифестом?»⁶⁷. В 1863 г. он том же духе говорил депутации старообрядцев: «Вы мои дети, а я ваш отец и молю бога за вас, так же как и за всех, которые, как и вы, близки моему сердцу»⁶⁸. Великий акт отмены крепостного права не поколебал традиционного отношения императора к народу, в котором он видел источник сил и средств для усиления монархии. При этом патриархально-сентиментальные чувства царя совмещались

⁶⁵ Записка П.А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения сохранения внутренней безопасности» от 22 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.103.

⁶⁶ См.: Захарова Л.Г. Предисловие // Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – М., 1993. – С. 7; Захарова Л.Г. Александр II // Вопросы истории. – 1992. - № 6-7. – С. 67.

⁶⁷ Московские ведомости – 1861 - № 94.

⁶⁸ Русский архив. – 1889.- Кн. 5.- С. 159.

Таблица 6.

	1879 год			1890 год			1894/95 год		
	Число Фабрик	Число Рабочих	Сумма производ- ства в тыс. руб.	Число Фабрик	Число Рабочих	Сумма производ- ства в тыс. руб.	Число Фабрик	Число Рабочих	Сумма производ- ства в тыс. руб.
Все «Фабрики и заводы»	27986	763152	1148134	21124	875764	1500871	14578	885555	1345346
Заведения, имеющие 100 и более рабочих	1238	509643	629926	1431	623146	858688	1468	655670	955233
% к итогу:	—	66,8%	54,8%	—	71,1%	57,2%	—	74%	70,8%

Источник: Ленин В.И. К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971. – Т. 4. – С. 16.

с его жесткой позицией по крестьянскому вопросу и в отношении крестьян,⁶⁹ и в отношении помещиков⁷⁰.

Реформаторство Александра II в крестьянском вопросе сочеталось с неприязнью к нарождавшейся гласности, самостоятельности общественного мнения. В письме Великому князю Константину Николаевичу от 1 февраля 1859 г. он возмущался «необузданностью» «нашей безрассудной литературы, которой давно пора было положить узду», деятельностью партии, «приобретшей столько влияния своим пагубным направлением к критике всего существенного в России»⁷¹.

Анализ государственной деятельности Александра II показывает, что проводившиеся по его указанию буржуазные реформы рассматривались им самим не в их адекватной сущности, а лишь в контексте сохранения и укрепления самодержавия, как средство совершенствования монархической системы. Именно это и является главной причиной странной, на первый взгляд, тактики царя – выдвинуть реформатора, а после проделанной им успешной работы придать забвению. По нашему мнению, Александр II как руководитель государства решительно проводил необходимые преобразования, но при этом желал выглядеть в глазах образованной публики не либералом, а самодержцем.

Большую роль в становлении правительственного либерализма сыграла деятельность трех членов императорской семьи: Великой княжны Елены Павловны, организовавшей салонный либеральный кружок, в который были вхожи многие правительственные реформаторы⁷²; Великой княгини Марии Николаевны, подталкивающей мно-

⁶⁹ Выступая 15 августа 1861 г. в Полтаве перед крестьянскими старостами Александр II заявил: "Ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте чего требует закон и Положение. Трудитесь и работайте. Будьте послушны властям и помещикам". Захарова Л.Г. Александр II // Вопросы истории. – 1992. - № 6-7. – С. 67..

⁷⁰ В письме Великому князю Константину Николаевичу от 1 февраля 1859 г. Александр II презрительно сообщает, что губернские дворянские комитеты представляют из себя "жалкое зрелище". Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – М., 1993. - С. 88.

⁷¹ Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – М., 1993. - С. 88.

⁷² См.: Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879. – СПб., 2005. – С.189-190; Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.111-114.

Таблица 3.

Годы	Число фабрик	Число рабочих (в тыс.)	% вольнонаемных рабочих
1804	2402	95,2	47,9
1825	5261	210,6	54,4
1860	15388	565,1	87

Источник: Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. – М., 1950. – Т. 1. – С. 581.

Таблица 4.

Национальный доход на душу населения в ведущих странах мира (в долларах, текущие цены)

Страны	Годы	1880	1890	1900	1913
Великобритания		146	180	207	237
США		147	173	205	321
Германия		80	111	131	163
Франция		131	134	151	178
Россия		28	32	43	61

Источник: Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 146.

Таблица 5.

Динамика ВНП на душу населения в ведущих европейских странах (в американских долларах и ценах США 1960 г.)

Страны	Годы	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.
Великобритания		558	628	680	785
Германия		354	426	443	537
Франция		365	437	464	515
Россия		178	250	224	182

Источник: Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 146.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 1.

Динамика уровня ВВП на душу населения по группам стран Европы
(в американских долларах и ценах США 1960 г.)

Группы стран	1800 г.	1830 г.	1860 г.	1860 к 1800 (%)	1860 к 1830 (%)
Раннеиндустриальные страны (Бельгия, Франция, Швейцария, Англия)	209	298	454	217,2	152,4
Позднеиндустриальные страны (Австро-Венгрия, Германия, Нидерланды)	219	252	328	149,8	130,2
Скандинавские страны	193	210	273	141,4	130,0
Россия, Румыния, Болгария	170	171	180	105,9	105,9
Средиземноморские страны	203	259	309	152,2	119,3

Источник: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. – СПб., 1998 – С. 141.

Таблица 2.

Десятилетия	Ввезено машин	Собственное производство	Итого машин
	(в тыс. руб. серебром)		
1831-1840	4111	2750	6861
1841-1850	11747	4860	16607
1851-1860	48080	36433	84513
Итого: за 30 лет	63983	44043	107981

Источник: Струмилин С.Г. К вопросу о промышленном перевороте в России // Вопросы экономики. – 1952. – № 12. – С. 73.

гих художников к поддержке реформ своего брата; Великого князя Константина Николаевича⁷³.

Самым надежным союзником и помощником императора в его преобразованиях и по его собственному признанию стал его брат Константин Николаевич⁷⁴. Именно благодаря ему был образован круг правительственных («константиновцы»⁷⁵) и околоправительственных («головнинцы»⁷⁶) либералов, составлена концепция преобразований, начата их пропаганда в широкой публике и, в конечном итоге дан ход многим реформам Александра II.

Благодаря своему положению при дворе, Константин Николаевич действовал через личное влияние на императора, убеждения его в необходимости назревавших преобразований; через убеждение лиц, которые находились «во главе разных частей государственного управления»; через подготовку «способных людей для действия сообразно с помянутой целью в разных частях управления и, употребляя свое влияние, чтобы доставлять им необходимое для этого положение»; через введение в Морском ведомстве преобразований, «которые могли бы служить примером и руководством в других ведомствах»⁷⁷.

Великий князь искал, находил и поддерживал сторонников реформ в различных министерствах и среди общественных деятелей. Этому способствовало и его председательство в Императорском Русском Географическом обществе, где с середины 1840-х годов сосредоточились основные силы будущих реформаторов⁷⁸. Вскоре определились и главные идеологи преобразований – А.В. Головнин и Н.А. Милютин. А.А. Головнину удалось сформулировать суть правительственного и околоправительственного либерализма: «Весьма понятно, что лица, которые имели случай узнать эти блага, эти результаты

⁷³ См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 274.

⁷⁴ См.: Житков К.Г. Светлой памяти Великого князя Константина Николаевича генерал-адмирала русского флота (Биографический очерк). – СПб., 1912. – С. 87.

⁷⁵ Н.А. Милютин, А.В. Головнин, М.Х. Рейтерн, М.А. Оболенский, Я.И. Ростовцев, Д.А. Ровинский, С.И. Зарудный.

⁷⁶ Граф Муравьев-Амурский, капитан 1 ранга Шестаков, барон Зебах и многие другие.

⁷⁷ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. – СПб., 2006. – С. 155.

⁷⁸ См.: Захарова Л.Г. Предисловие // Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – М., 1993. – С. 6.

цивилизации и которые знают положение России, желают всеми силами души, чтобы отечество их воспользовалось оными, но чтоб оно достигло их не кровавыми революциями и потрясениями, а путем медленных постепенных законодательных и административных преобразований и улучшений»⁷⁹.

А.В. Головнин представил определенное обоснование либеральным преобразованиям: «В Западной Европе народ более, чем в России, находит *правды в судах* и более скорое решение дел вследствие лучшего устройства судов, превосходства порядка судопроизводства и узды, наложенной на судей общественным мнением вследствие публичности судопроизводства.<...> В Европе более веротерпимости и, следовательно, более свободы совести... В Западной Европе отсутствие крепостного права, разных стеснительных полицейских и других постановлений (например, о чинах и т.п.) дает более простора развитию способностей каждого, и каждому сравнительно легче избрать то занятие, то ремесло, к которому он чувствует себя способным, к которому имеет призвание. <...> В Западной Европе разные государственные тягости, налоги и повинности распределены между жителями более равномерно и справедливо, и весьма редко случается, чтоб государственный доход имел своим источником развращение народное... В администрации встречается в Западной Европе менее централизации, чем у нас, и местные интересы находят более средств выразиться»⁸⁰.

В итоге, предположительно в мае 1858 г. А.В. Головнин сформулировал конкретные направления реформ: «Из всего этого следует, что желания молодого образованного поколения состояли в том, чтобы в России само правительство, не дожидаясь переворотов и потрясений, но законодательными и административными мерами совершило следующее:

- 1) преобразовало к лучшему судебную часть;
- 2) преобразовало полицию;
- 3) ввело бы полную веротерпимость;
- 4) отменило бы крепостное право;

⁷⁹ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. – СПб., 2006. – С. 153.

⁸⁰ Головнин А.В. Указ. соч. – С. 153-154.

726. Wortman R. The Development of a Russian Legal Consciousness. – Chicago, 1976. – P. 285.

727. Wren M. The Western Impact of Russia. – N.Y., 1976. – P. 109–229.

701. Raeff M. The Russian Autocracy and its Officials // Russian Thought and Politics. Harvard Slavic Studies. – Cambridge Mass., 1957. – Vol. IV. – P. 79.
702. Riasanovsky N.V. «Oriental Despotism» and Russia // Slavic Review. – 1963. – December. – P. 644–649.
703. Roberts H.L. Russia and the West: a Compression and Contrast // The Development of the USSR. Wash., 1964. – P. 359–370.
704. Rogger H. Russia in the Age of Modernization and Revolution. – L., N.-Y., 1983. – P. 100–127.
705. Rose M.A. The Post-Modern and the Post-Industrial. A Critical Analysis. – Cambridge, 1991. – P. 9.
706. Rudolph R.L. Agricultural Structure and Proto-Industrialization in Russia: Economic Development with Unfree Labor // Journal of Economic History. – 1985. – Vol. XLV. – № 1.
707. Rodichev F. The Liberal Movement in Russia // Slavonic Review.- 1923.- Vol.2.-№ 4.- P.1-12.
708. Robinson G. Rural Russia under the Old Regime.- Berkeley, 1967.
709. Ruffmann K.-H. Russischer Adel als Sondertypus der europaischen Adelwelt // Jahrbucher fur Geschuchte Osteuropas. – Munchen. – 1961. – Sept. – Bd. 9. – Hf. 2. – S. 161–178.
710. Sumner B. A Short History of Russia. – N.-Y., 1943.- P. 309-310
711. Seton-Watson H. The Decline of Imperial Russia. – L., 1952. – P. 18.
712. Seton-Watson H. The Russian Empire. 1801–1917. – L., 1967. – P. 11–12.
713. Simms J. The Crisis in Russian Agriculture at the End of Nineteenth Century: A Different View // Slavic Review. – 1977. – Vol. 36. – P. 377–398.
714. Slonim M. The Epic of Russian Literature. – Oxford, 1950. – P. 206.
715. Smith R., Christian D. Bread and Salt. A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. – Cambr., 1985. – P. 3–287.
716. Sarolea Ch. Europe's Debt to Russia.- L., 1916.- P.56-68.
717. Szeftel M. The Historical Limits of the Question of Russia and the West // The Development of the USSR. Wash., 1964. – P. 378–385.
718. The Political of Rural Russia. 1905–1914. // Ed. By L. Haimson. – Bloomington–London, 1979. – P. 290–291.
719. Venturi F. Roots of Revolution. – N.-Y., 1960. – P. 35–40.
720. Walkin J. The Rise of Democracy in Pre-revolutionary Russia. – L., 1963. – P. 74–174.
721. Wahl O.W. The Land of the Czar.- L.,1875.- P.317.
722. Wheatcroft St. Crisis and the Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia // Kingston–Mann E., Mixter T. (eds.) Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921. – Princeton, 1991. – P. 128.
723. Wittfogel K.A Russia and East: a Comarison and Contrast // Slavic Review. – 1963. – December. – P. 627–643.
724. Wittfogel K.A. Russia and Asia // World politics. – 1950. – Vol. II.
725. Wood A. The origins of the Russian Revolution. 1861–1917. – L., 1987. – P. 14.

5) отменило множество стеснительных постановлений, которые препятствуют свободному развитию способностей и процветанию земледелия, торговли и промышленности;

б) ввело порядок в финансах, уменьшив расходы, вовсе не нужные для России, отменив винные откупа и введя лучшую и более справедливую систему налогов;

7) уменьшило централизацию, предоставив разным местностям самим заниматься собственными делами;

8) ввело в управление вообще более простоты и менее сложности;

9) и наконец, для достижения всех этих улучшений допустило одно необходимое условие – более свободы мысли и слова, ибо одно правительство, без указания самим народом своих потребностей и недостатков управления, не в состоянии удовлетворить этим потребностям и исправить недостатков»⁸¹.

В таком целостном виде данная программа никогда открыто не доводилась до образованной публики. Однако каждый из ее пунктов в той или иной мере пропагандировался в широких кругах либеральной прессой, безусловно отражая общий настрой многих представителей дворянства⁸². Однако решающую роль распространения идей правительственного либерализма сыграли не общественные издания, а официальный печатный орган Морского ведомства – «Морской сборник». Изъятый из общей цензуры, он в 1855-1856 гг. выходил далеко за пределы явлений чисто флотского порядка и стал районом

⁸¹ Головнин А.В. Указ. соч. - С. 154. В 1867 г., уже после своей отставки, А.В. Головнин уточнил свою идеологическую программу. В десяти пунктах им были сформулированы следующие задачи: «устранения административного произвола»; введения «полной веротерпимости и свободы совести»; возможно большего расширения свободы лица и общественного самоуправления, «свободы печатного слова с наказанием по гласному суду с присяжными за употребление оной во зло и отменой административных взысканий»; «отмены шпионства и доносов, упразднения жандармского управления и III отделения и отмены перлюстрации в почтовом ведомстве»; «открытого, гласного, честного, правдивого образа действий правительства», обнародования его программы; введения поста «первого министра с предоставлением ему выбора всех прочих министров». Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. – 1997. - №8. – С.68-69.

⁸² Например, князь Д.А. Оболенский вспоминал: «Мы мечтали об освобождении крестьян, мы мечтали о лучшем устройстве судов, о возможности более гласного обсуждения общественных вопросов... И вот наступило время, где мечты наши осуществились. Нужно было России пройти через испытание Крымской войны, чтобы стряхнуть сон и взять из выработанного новым поколением людей то, что пригодно для блага государства». Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879 / Отв. Ред. В.Г. Чернуха. – СПб., 2005. – С.290.

прорыва общественного мнения. Журнал выступил инициатором широких преобразований в различных областях русской жизни. На его страницах была провозглашена необходимость реформы суда и школы, высказано мнение против крепостнических форм труда в промышленности, настойчиво требовалась отмена телесных наказаний, отстаивались новые принципы комплектования и организации вооруженных сил. Уникальное общественное положение «Морского сборника» объясняется удачным сочетанием объективного и субъективного факторов. С одной стороны, после потери Россией флота резко возросла общественно-политическая активность флотских офицеров и матросских масс, до крайности обострилось осознание ими необходимости перемен, что заставило Морское ведомство раньше других ведомств вступить на путь буржуазных преобразований. С другой стороны, большую роль в этих начинаниях сыграла личность Великого князя Константина Николаевича, ставшего основным генератором преобразовательных идей⁸³.

О методах использования «Морского сборника» в идеологической борьбе свидетельствует циркулярное письмо Великого князя Константина Николаевича от 13 апреля 1856 г., требующее подобрать комиссионеров журнала во всех губерниях и центрах России и особенно в университетских городах⁸⁴. В записке к управляющему Морским ведомством адмиралу Ф.П. Врангелю Великий князь также писал, что «было бы полезно, как выражались министры императрицы Екатерины «пустить молву», дабы потом правительство могло воспользоваться общим мнением» при их разрешении⁸⁵. Тем самым, начиная частные преобразования по одному ведомству, либеральная бюрократия стремилась мобилизовать в свою пользу общественное мнение.

Благодаря А.В. Головнину журнал сделался одним из самых живых и популярных органов печати⁸⁶. Степень влияния «Морского сборника» на образованное общество конца 1850-х годов было огромным. Так число подписчиков в 1857 г. составляло 5565, а «Совре-

⁸³ См.: Днепров Э.Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.- М., 1965. – С. 229-238; Русская старина. – 1892. - № 2..

⁸⁴ См.: ЦГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1045, л. 86.

⁸⁵ Днепров Э.Д. Указ. соч. - С. 244.

⁸⁶ См.: Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. – М., 1896. – С. 607.

680. Goldsmith R. The Economic Growth of Tsarist Russia, 1860–1913 // *Economic Development and Cultural Change*. – 1961. – April. – Vol. 9. – № 3. – P. 441–475.

681. Gregory P.R. *Russian National Income, 1885–1913* – Cambridge, 1982. – P. 78–194.

682. Gregory P.R. Some Empirical Comments on the Theory of Relative Backwardness: the Russian Case // *Economic Development and Cultural Change*. – 1975. – V. 22. – № 4. – P. 654–663.

683. Gregory P.R. The Russian Balance of Payments, the Gold Standard and Monetary Policy: a Historical Example of Foreign Capital Movements // *Journal of Economic History*. – 1979. – V. XXXIX. – № 2. – P. 388–393.

684. Grey J. Peter the Great: Emperor of All Russia. – Philadelphia, 1960. – P. 3–4.

685. Hamburg G. The Russian Nobility on the Eve of the 1905 Revolution // *The Russian Review!* – 1979. – Vol. 38. – P. 324–325.

686. Heller A., Feher F. *The Postmodern Political Condition*. – Cambridge, 1988. – P. 157–157.

687. Hosking G. *The Russian Constitutional Experiment*. – Cambridge, 1973.

688. Kahan A. The Costs of «Westernization» in Russia: the Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // *Slavic Review*. – 1966. – March. – Vol. XXV. – № 1. – P. 51–64.

Karpovich M. *Imperial Russia. 1801-1917.*- N.Y., 1932.-P. 30-49.

689. Kelly A. Mikhail Bakunin. – Oxford, 1982. – P. 6.

690. Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. New Theories of the Contemporary World. – Oxford (UK) – Cambridge (USA), 1995. – P. 32.

691. Lampert E. Sons Against Fathers: Studies in Russian Radicalism and Revolution. – L., 1965. – P 40–91.

692. Laue Th. The Chances for Liberal Constitutionalism // *The Slavic Review*. – 1965. – Vol. 24. – No. 1.

Lowe Ch. Alexander III of Russia.- L., 1895.- P.312.

693. Leroy-Beaulieu A. The Empire of the Tsars and the Russians. Pt.1.- N.Y.; L., 1893.- P.VIII-IX, 489-491.

694. Leroy-Beaulieu A. Un homme d`etate russe. – P., 1884. – P. 1-118.

695. Malia M. What is Intelligentsia? // *The Russian Intelligentsia* / Ed. by R. Pipes. – N.Y., 1961. – P. 9–10.

696. Nahirny V. The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence. – New Brunswick – L., 1983. – P. 35.

697. Owen Tn.C. The Russian Industrial Society and Tsarist Economic Policy, 1867–1905 // *Journal of Economic History*. – 1985. – V. 45. – № 3. – P. 599–605.

698. Plaggenborg S. Tax Policy and the Question of Peasant Poverty in Tsarist Russia 1881–1905 // *Cahiers du Monde Russe* – 1995. – Vol. 36. – P. 53–69.

699. Pushkin M. Rasnochinsky in University: Coverment Policy and Social Change in Nineteenth Centure Russia // *International Review of Social History*. Vol. 26. 1981. – Pt 1. – P. 36.

Pares B. *Russia: Between Reform and Revolution*. – N.Y., P. IX-X, 60.

700. Raeff M. *Russia's Perception of Her Relationship with the West* // *Op. cit.*

657. Ячменихин К.М. Экономический потенциал военных поселений // Вопросы истории. – 1997. – № 2. – С. 34–48.
658. Anderson T. Russian Political Thought. – N.-Y., 1968. – P. 291–292.
659. Black C.E. The Nature of Imperial Russian Society // The Development of the USSR. – Wash., 1964. – P. 175–176.
660. Bradley J. Muzhik and Muscovie: Urbanization in late Imperial Russia. – Berkeley, 1985. – P. 28–152.
661. Briodo V. Apostles into Terrorists: Women and the Revolutionary Movement in the Russia of Alexander II. – N.Y., 1997. – P. 8.
662. Calinescu M. Five faces of Modernity. – Durhan (NC), 1987. – P. 13.
663. Callinicos A. Against Postmodernism. A Marxist Critique. – Cambridge, 1994. – P. 32.
664. Carr E. The Romantic Exiles. – L., 1933. – P. 221–226.
665. Crankshaw E. The Shadow of the Winter Palace: The Drift to Revolution. 1825–1917. – L. 1976. – P. 183.
666. Crisp O. Studies in the Russian Economy before 1914. – London–Basingstoke, 1976. – P. 19–28.
667. Dittrich L.R. Wittfogel and Russia. On Origin of Russian Autocracy // Acta historiae neerlandica. Leiden. – 1966. – Vol. I. – P. 53–66.
668. Edwards H.S. The Rassians at Home and the Rassians Abroad. – L., 1879. – P. 108–109.
669. Emmons T. The Russian landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. – Cambr. (Mass.), 1967. – P. 381.
670. Field D. Kavelin and Russian Liberalism // The Slavic Review. – 1873. – Vol. 32. – No. 1. – P. 60.
671. Fisher G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. – Cambr. (Mass.), 1958. – P. 272–276.
672. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // American Historical Review. – 1986. – Vol. 91. – No. 1. February. – P. 11–36.
673. Fraser J.F. The Real Siberia. – L., 1902; Fraser J.F. Red Russia. – L., 1907. – P. 23–27.
674. Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia, 1861–1917 // The Cambridge Economic History of Europe. – L., N.-Y., 1965. – V. 6. – pt. 2.
675. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. – L., 1967. – P. 184.
676. Gerschenkron A. Franco Venturi on Russian Populism // The American Historical Review. – 1973. – Vol. 78. – № 4. – P. 972–974.
677. Geyer D. Staatsaubau und Sozialverfassung. Problem des russischen Absolutismus an Ende des 18. Jahrhunderts // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1966. – Vol. VII. – No. 3. – S. 374. – S. 374.
678. Geyer D. Staatsaubau und Sozialverfassung. Problem des russischen Absolutismus an Ende des 18. Jahrhunderts // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1966. – Vol. VII. – № 3. – P. 366–377.
679. Gleason A. Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860's. – N.-Y., 1980. – P. 3–20.

менника» - только более 4000⁸⁷. В том же году число авторов «Морского сборника» достигло до 122 человек. В их ряду были такие фигуры, как И.А. Гончаров, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, М.И. Михайлов, А.Н. Майков, К.М. Станюкович, В.И. Даль, Н.И. Пирогов, Б.С. Якоби, К.Д. Ушинский и многие другие. О «Морском сборнике», давая ему положительную оценку, писали Н.Г. Чернышевский, Н.Г. Огарев, Н.А. Некрасов, Т.Г. Шевченко, И.С. Тургенев, П.А. Валуев.

Правительственный либерализм мог наступать только благодаря наличию соответствующего общественного мнения образованной публики и прежде всего, дворянства. А положение здесь в конце 1850-начале 1860-х годов сложилось крайне противоречивое. Министр внутренних дел С.С. Ланской в своей записке от августа 1859 г. сообщал, что большинство дворянства не оправдало ожиданий правительства и прямо или косвенно стремилось к крепостной зависимости в более или менее искусственно замаскированной форме⁸⁸. Я.И. Ростовцев в своем предсмертном письме Александру II также отметил: «Большинство дворянских комитетов смотрело на дело с точки зрения частных интересов и гражданского права, меньшинство же с точки зрения с точки зрения общественной пользы, государственной необходимости и государственного права...»⁸⁹.

Именно на это меньшинство дворянства и опирались правительственные либералы. «Правительство шло рука об руку с меньшею лучшею частью дворянства, а главное было солидарно с либерально настроенным общественным мнением и его выразительницей, прогрессивною печатью, горячо защищавшей интересы народа»⁹⁰. При этом программа преобразований рождалась в результате пересечения этих двух либеральных потоков, в ходе взаимодействия, как вертикальных официальных каналов, так и горизонтального человеческого общения⁹¹.

Главным условием их «встречи» стало введение под влиянием Великого князя Константина Николаевича так называемой гласности. «Малого не хотели дать (имеется в виду инициатива автора записки – В.В.), а многое дали. Это показывает, какая шаткость была во всех действиях правительства... гласность... была допущена без последова-

⁸⁷ См.: Днепров Э.Д. Указ. соч. – С. 242.

⁸⁸ Семенов Н.И. Освобождение крестьян в России. – СПб., 1869. – Т. I. – С. 828–830.

⁸⁹ Цит. по: Там же. – Т. II. – С. 928–929.

⁹⁰ Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 98.

⁹¹ См.: Иванюков И.И. Падение крепостного права в России. – СПб., 1882. – С. 166.

тельности, без обдуманного плана на авось под влиянием угождения царскому брату или второпях при выходе из заседания, когда члены Комитета, утомленные несоразмерностью с их силами работой, голодом спешили домой к обеду»⁹².

Ярким примером участия либеральной дворянской общественности в реформах Александра II является Положение Тверского дворянского губернского комитета. В нем Тверской комитет настаивал на необходимости полного освобождения крестьян с землею и на предоставлении, при посредстве выкупной операции, в их собственность не только усадебной оседлости, но и надельной полевой земли. Он считал крайне опасным сохранение вотчинной полиции и предлагал стройную систему местных административных и судебных учреждений, основанных на принципе всеобщего самоуправления⁹³. Большой интерес представляет та «философия», которой руководствовались большинство Тверского комитета: «Личная свобода никогда не может осуществиться без свободы имущественной. Все настоящее имущество крестьян – в хозяйственном обзаведении, которое имеет ценность только при владении землею и не может быть легко переносимо с места на место. Если признать крестьянина лично свободным, с правом вольного перехода, оставив всю землю в неограниченном владении помещиков, - не значит ли это *освободить только помещиков* от всех лежащих на них обязанностей в отношении к крестьянам, подчинив последних *еще большему их произволу?*»⁹⁴.

Роль либеральной литературы разъяснявшей и развивавшей план полного освобождения крестьян была существенной. Особенно горячо ратовали против крепостнических тенденций в правительстве и в литературе такие издания как «Современник» и «Русский вестник». «Литература, можно сказать, – писал в 1859 г. М.Н. Катков, – оказала *несомненные* услуги правительству и обществу по крестьянскому вопросу. Благодаря ее *искреннему* и *дружному* содействию, свет быстро и благотворно распространялся в самых отсталых, упорных и неприготовленных умах»⁹⁵. Тогдашний товарищ министра внутренних дел А.И.Левшин отмечал: «Несмотря на запрещение,

⁹² Левшин А.И. Достопамятные минуты в моей жизни. Записки А.И. Левшина // Русский Архив. - 1885. - № 8. - С. 540

⁹³ См.: Положение Тверского Комитета. Обзор Оснований и Отдельные Мнения. – Тверь, 1859.

⁹⁴ Там же. - С. 4-5.

⁹⁵ Цит. по: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 107.

635. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). – М., 1956. – 332 с.

636. Шилюк Н.Ф. Закономерности развития рабовладельческого общества. – Свердловск. – 1982. – 83 с.

637. Широкова В.В. Еще раз о революционных демократах и народниках // История СССР. – 1962. – № 3. – С. 72 – 79.

638. Шлифштейн Е.И. Мелкая промышленность Саратовской губернии. – Саратов, 1923. – 320 с.

639. Щагин Э.М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети столетия. – М., 1994. – С. 46.

640. Щеголев П.П. Учение Маркса о первоначальном накоплении // Известия ГАИМК. – Вып. 90. – 1934. – С. 611.

641. Щербакова Е.И. «Отщепенцы»: Социально-психологические истоки русского терроризма // Свободная мысль. – 1998. – № 1. – С. 89.

642. Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. – Воронеж, 1900. – 730 с.

643. Щетинина Г.И. Рецензия // История СССР. – 1972. – № 1. – С. 181–182.

644. Эвентов Л.Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. – М.-Л., 1931. – 104 с.

645. Экономика переходного периода / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. – М., 1995. – 414 с.

646. Экономическая история России XIX – XX вв.: Современный взгляд. – М., 2001. – 624 с.

647. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – М., 1978. – С. 213.

648. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 18. – С. 254.

649. Энгельс Ф. Николаю Францовичу Даниельсону, 22 сентября 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1965. – Т. 38. – С. 398.

650. Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург, 24 февраля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1958. – Т. 39. – С. 32–33.

651. Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург, 5 марта 1895 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1958. – Т. 39. – С. 349.

652. Юшков С.В. Возникновение самодержавия при царе Алексее Михайловиче. Стенограмма лекции, читанной 27 января 1945 г. – М., 1945. – 8 с.

653. Яковенко И.Г. Свежий взгляд на историю Размышления культуролога о книге В. Хороса «Русская история в сравнительном освещении» // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 106–114.

654. Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. – М., 1955. – 404 с.

655. Яцунский В.К. Основные этапы генезиса капитализма в России // История СССР. – 1958. – № 5. – С. 70–80.

656. Яцунский В.К. Промышленный переворот в России: (К проблеме взаимодействия производственных сил и производственных отношений) // Вопросы истории. – 1952. – № 12. – С. 48 – 70.

615. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993. – 761 с.
616. Шапиро А.Л. Об абсолютизме в России // История СССР. – 1968. – № 5. – С. 69–82.
617. Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. – Л., 1977. – С. 50–58.
618. Шаповалов А.С. В борьбе за социализм: воспоминания старого большевика-подпольщика. – М., 1957. – 310 с.
619. Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. – 2000. – № 11–12. – С. 96–105.
620. Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. – 1914 гг. – М., 1992. – 270 с.
621. Шацилло К.Ф. Иностраный капитал и военно-морские программы России накануне первой мировой войны // Исторические записки. – 1961. – Т. 69. – С. 71 – 100.
622. Шацилло К.Ф. Казенная промышленность царской России // Свободная мысль. – 1992. – № 2. – С. 36 – 47.
623. Шацилло М.К. Источники по социальной структуре российской буржуазии начала века.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986. – С. 3–16.
624. Шацилло М.К. Эволюция налоговой системы России в XIX веке // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С. 345–383.
625. Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. (до первой мировой войны) // Исторические записки. – 1959. – Т. 65. – С. 163 – 190.
626. Шевцов В.И. Общественно-политические взгляды Г. Эверса // Вопросы историографии и методологии всеобщей истории / Под ред. В.А. Борщевского. – Днепропетровск, 1971. – С. 45–47.
627. Шевырин В.М. Рецензия на книгу А.Н. Медушевского «Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе» // Вопросы истории. – 1999. – № 3. – С. 164–168.
628. Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 26–41.
629. Шельмагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России, 1900–1917. – М., 1947. – 188 с.
630. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. – Л., 1973. – 347 с.
631. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. – Л., 1987. – 272 с.
632. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. – Л., 1981. – 275 с.
633. Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I, – СПб., 2007. – 461 с.
634. Шепукова Н.М. Изменение удельного веса помещичьих крестьян в составе населения Европейской России в XVIII – 1-й половине XIX вв. (1718–1858 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1960. – 22. с.

журналы постоянно наполнялись статьями по крестьянскому вопросу, и нет никакого сомнения – в это время литература оказала великую услугу России разносторонними возражениями и объяснениями предмета...»⁹⁶.

Деятельность правительства по подготовке освобождения крестьян неминуемо подтолкнула составление идеологического обоснования и для других реформ, причем и в стане самих реформаторов, и среди широкой публики. Например, упразднение крепостного права привело к тому, что резко выросло уважение к личному достоинству человека и правам свободной личности и «стало уже казаться чем-то бесчеловечным публичное или тайное жестокое истязание, чинимое во имя закона или обычая»⁹⁷. Я.И. Ростовцев в письме императору от 3 сентября 1858 г. указал: «Относительно наказаний осмелюсь еще присовокупить, что во всяком случае о наказаниях телесных не следует упоминать вовсе:...это было бы пятном настоящего законодательства... об освобождении...Некоторые говорят, что русский мужичок розгу любит (sic!). Точно ли это справедливо? <...> Со смягчением нравов и меры исправительные сами собой должны смягчаться; если же меры эти смягчаться не будут, не будут смягчаться и нравы»⁹⁸. Против телесных наказаний решительно выступало Морское ведомство. В программе «Морского сборника» на 1861 г. писалось: «Морской сборник»...не может не восстать против жестокого обращения с нижними чинами и...не разделяет мнения тех, которые не находят никакой возможности и надобности бросить за борт линьки и розги»⁹⁹.

При подготовке университетской реформы мы встречали похожую картину. Параллельно педагогической дискуссии, развернувшейся в «Морском сборнике» Великий князь Константин Николаевич в личной переписке подталкивает брата к реформам в области образования. Так в письме Александру II от 22 апреля 1859 г., в котором рассказывается о посещении Греции, Великий князь подчеркивал: «Самое явное стремление в народе, это стремление к просвещению.

⁹⁶ Записка А. Левшина // Русский Архив. - 1885. - № 8. – С. 541.

⁹⁷ Джаншиев Г. А. Указ. соч. – С.165.

⁹⁸ Цит. по: Скребицкий А.И. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян, Губернские комитеты, их депутаты и редакционные комиссии в крестьянском деле. СПб., 1862. - Т. I. – С. 911.

⁹⁹ Морской сборник. – 1860.- № 12 (Приложение: «Об издании «Морского сборника» в 1801 году. - С. 2).

Вся страна покрыта учебными заведениями; почти каждая деревня имеет свою школу и везде учение даровое, то есть все содержится правительством...от того почти весь народ грамотный»¹⁰⁰. Ближайшему сподвижнику Великого князя А.В. Головнину, после его назначения на пост министра народного просвещения, удалось отбить атаку сторонников превращения университета в отдельные специальные закрытые школы, расположенные в провинциальных городах¹⁰¹. Этому помогла деятельность известных идеологов либерализма – Пирогова, Чичерина, Андреевского. Самые обстоятельные соображения против уничтожения университетов представил в своем докладе профессор Андреевский. Он в частности заявил, что университетами «подготовлено целое поколение, которое *отвратилось от крепостного права* и так облегчило правительству совершить величайшее из всех государственных дел русской истории – эмансипацию...»¹⁰².

Большую роль в принятии университетского устава 1863 г. (предоставившего советам университетов значительную долю самоуправления) сыграл М.Н. Катков. В тот период его издания сумели внушить образованному обществу и многим представителям власти мысль о том, что «мера воспитательного значения университета зависит от того, в какой степени университет есть корпорация»¹⁰³.

Вопрос государственного управления и бюрократического централизма вызывал особо острую реакцию русского образованного общества. Вся дореформенная государственная система определялась Н.А. Милютиным как военно-вотчинное управление в духе времен тридцатилетней войны, имея идеалом аракчеевские военные поселения¹⁰⁴. М.Н. Катков говорил, что дореформенная администрация была: все во всем¹⁰⁵. А.И. Кошелев восклицал: «Тут подозрительности и своеволия администрации не было пределов»¹⁰⁶. П.А. Валуев в «Думе русского во второй половине 1855 года» после критики бюрократ-

594. Фурсов А.И. Восток, Запад, капитализм: проблемы философии, истории и социальной теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX века. – М., 1995. – С. 16-133.

595. Хок С.Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861–1914 гг. // Отечественная история – 1996. – № 2. – С. 35.

596. Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. – М., 1993. – 192 с.

597. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середины 1870-х гг. – М., 2002. – 423 с.

598. Хромов П.А. Экономическая история СССР: Первобытно-общинный и феодальный способы производства в России. – М., 1988. – 272 с.

599. Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. – М., 1950. – 552 с.

600. Хромов П.А. Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Окт. Революции. – М., 1967. – 535 с.

601. Цукерник А.Л. Из истории монополизации железного рынка в России // Исторические записки. – 1928. – Т. 2. – С. 185.

602. Цукерник А.Л. Синдикат «Продамет». Историко-экономический очерк. 1902 – июль 1914 г. – М., 1959. – 303 с.

603. Цыпин Б.Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России. – Свердловск, 1968. – 188 с.

604. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. – М., 1970. – 448 с.

605. Черменский Е.Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905-1907 гг. // История СССР. – 1965. – № 5. – С. 41–60.

606. Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос о правительственной политике России, 60–70-е годы XIX в. – Л., 1972. – 226 с.

607. Чешков М.А. Дореволюционная Россия и Советский Союз: анализ преемственности и разрыва // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 95–95.

608. Чистозвонов А.Н. Некоторые аспекты генезиса абсолютизма // Вопросы Истории. – 1968. – № 5. – С. 62.

609. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. – М., 1858. – 389 с.

610. Чуковский К.И. Живой как жизнь: Разговор о русском языке. – М., 1969. – 175 с.

611. Чунтулов В.Т., Кривцова Н.С., Чунтулов А.В., Тюшев В.А. Экономическая история СССР. – М., 1987. – 367 с.

612. Чураков Д.О. Традиции русского пролетариата: опыт 1917 года и современность // Россия XXI. – 1993. – № 3. – С. 90 – 94.

613. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 116–120.

614. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 → 1917–1922 гг. – М., 1997. – 560 с.

¹⁰⁰ Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – С. 105-106.

¹⁰¹ См.: Всеподданнейший доклад Министра народного просвещения по проекту университетского устава 15 декабря 1862 г. – СПб., 1862.

¹⁰² Журналы заседания ученого Комитета главного управления училищ по проекту Общего Устава Российских университетов – СПб., 1862. – Приложение VI. – С. 3.

¹⁰³ Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 267.

¹⁰⁴ См.: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 284.

¹⁰⁵ См.: Московские ведомости. - 1866. - № 198

¹⁰⁶ Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.94.

575. Ткаченко С.Л. Американский банковский капитал в России в годы Первой мировой войны: Деятельность «Нэйшнл Сити Бэнк оф Нью-Йорк». – СПб., 1998.
576. Толстых В.И. Об интеллигенции и интеллигентности (Культурно-личностный аспект) // Вопросы философии. 1982. – № 10. – С. 85–90.
577. Томсинский С.Г. Начальная стадия крепостной мануфактуры России: Вводные замечания к материалам по истории крепостной мануфактуры // Архив истории труда. – 1934. – Ч. 5. – С. 24.
578. Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). – Томск, 1979. – 277 с.
579. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х тт. – М., 1967. – Т. 1. – 565 с.
580. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. – Саратов, 1983. – 423 с.
581. Троицкий С.М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России // История СССР. – 1969. – № 3. – С. 130–149.
582. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М., 1974. – 395 с.
583. Турецкий Ш.Я. Внутрипромышленное накопление в СССР. – М., 1948. – 399 с.
584. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. – М., 2001.
585. Тюкавкин В.Г. Аграрное перенаселение в России в конце XIX – начале XX в. и его значение для развития капитализма // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Таллин, 24-28 сентября 1984 года. – М., 1984. – С.85-86.
586. Тюльпанов С.И. Очерки политической экономики: (Развивающиеся страны). – М., 1969. – 375 с.
587. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3–27.
588. Филиппов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1873–1874). – Петрозаводск, 1967. – 318 с.
589. Филиппова Т.А. Приоритеты поздней империи // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. – М., 2000. – С.147.
590. Фолюшевский И.В. Монополистический капитализм на Украине и его особенности // К 40-летию Советской власти на Украине. – Харьков, 1958.
591. Формации и социально-классовые структуры / Отв. ред. З.В. Удальцова, Ю.А. Поляков. – М., 1985. – 317 с.
592. Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. – 1990. – С. 219.
593. Фридман И.Л. Иностраный капитал в дореволюционном Казахстане. – Алма-Ата, 1960. – С. 3 – 50.

тического строя определял его кратко, но емко: «Сверху блеск; снизу гниль»¹⁰⁷. В своем дневнике П.А. Валуев записал, что «озлобление против порядков (до 1855 г.) беспредельное и всеобщее»¹⁰⁸. Ввиду такого настроения полное упразднение подавляющей административной опеки стало в конце 1850-х годов, под давлением общественного мнения и печати, неотложной задачей правительственной программы. Кроме того, земская реформа должна была удовлетворить двум требованиям: стремлению улучшить местное хозяйственное управление и дать исход «свободным стремлениям» общества к самоуправлению¹⁰⁹.

Уже в 1858 г. начинается формулировка дворянством его требований в области государственного права вообще и административного в частности. Консервативные представители дворянской аристократии (Мальцев, Безобразовы, Орлов-Давыдов, Шувалов) выработали цельную административно-политическую программу, основными пунктами которой являлись совещательное дворянское представительство в центре и передача дворянству всей административной власти на местах. Представители мелкого и среднего землевладения (Тверской комитет) составили буржуазно-сословную программу, в которой, с одной стороны, провозглашались идеи разделения властей, независимого гласного суда, прямой ответственности чиновников, всеобщего местного самоуправления, с другой стороны, преобладание дворянства в местном самоуправлении считалось незыблемым¹¹⁰. Подготовка судебной реформы также шла через обсуждение вопроса в печати, вызревание в «обществе» и непосредственные действия реформаторов. В данном случае к общей судебной реформе подтолкнула попытка введения начал нового судопроизводства в Морском ведомстве и Записка Д.А. Ровинского, поданная в Государственную канцелярию¹¹¹.

По-другому решался вопрос о реформировании торгово-промышленной политики самодержавия. Здесь не обнаружилось не только тесной связки либерального «общества» и либеральных чи-

¹⁰⁷ Русская старина. - 1891.- V.- С 340; Валуев П.А. Дума русского во второй половине 1855 года // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.

¹⁰⁸ Дневник П.А. Валуева. – II.- С. 276.

¹⁰⁹ См.: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 291-292, 283.

¹¹⁰ См.: Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М., 2001. – С.195-196.

¹¹¹ См.: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С.667.

новников, но и особого интереса прислушиваться к мнению «общества». В 1855г. в Комитете финансов был отвергнут анонимный проект образования самостоятельного Министерства промышленности и торговли. В феврале 1856 г. подача записки действительного статского советника Н.А. Жеребцова «Об устройстве министерств вообще и Министерства финансов в особенности» на имя Александра II и великого князя Константина Николаевича никаких результатов не дала¹¹². Больше внимание было уделено другой записке (вероятный автор крупный предприниматель Ф.В. Чижов), поданной Александру II в Москве 31 марта 1856 г. В записке предлагалось создать отдельное Министерство торговли и промышленности, руководство которым поручалось Мануфактурному и коммерческому совету. В последнем обеспечивалось двукратное преобладание избираемого предпринимательского элемента. По результатам обсуждения Александр II согласился с мнением большинства Комитета финансов и отверг «по неудобности» предложения Ф.В. Чиждова¹¹³.

Неудачи либеральной общественности в попытках повлиять на формирование государственной идеологии в области экономической политики отчасти объясняются тем положением, которое здесь занимал такой реформатор, как министр финансов М.Х. Рейтерн. В целом солидаризируясь с общим курсом реформ¹¹⁴, он более пристальное внимание уделил экономическим вопросам. В первую очередь он подчеркнул, что «крестьянская реформа основала хозяйственное положение народа на собственности, дала ему возможность личной экономической инициативы, обеспечила каждому плоды собственной деятельности, т.е. реформа эта положила начало правильного экономического развития, которое сделает возможным и обеспеченное по-

¹¹² См.: Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. – СПб., 2007. – С.321-322.

¹¹³ См.: РГИА, ф.560, оп.14, д. 292, л.1-27.

¹¹⁴ Характеризуя Великие реформы, М.Х. Рейтерн писал, что они «смело и последовательно обратились к корню зла, и положено правильное основание здания гражданского устройства. Миллионы народа призваны к гражданственности, не отрывая их от земли; официально терпимая и даже поощряемая система покупности администрации пала с откупам и теперь только дана возможность честной администрации; великий принцип отделения суда от администрации строго проведен в началах судебного преобразования, - без него же не может развиваться в подданных чувство законности. И, наконец, в области местных земских хозяйственных интересов положено начало самоуправления». Куломзин А.Н., Рейтерн В.Г. М.Х. Рейтерн. Биографический очерк. Посмертные записки М.Х. Рейтерна. – СПб.,1910. – С. 65-66.

553. Струмилин С.Г. К вопросу о промышленном перевороте в России // Вопросы экономики. – 1952. – № 12. – С. 72 – 73.

554. Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. – М.-Л., 1928. – 498 с.

555. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. – М., 1957. – С. 395–476.

556. Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. – М., 1944. – 48 с.

557. Струмилин С.Г. Статистико-экономические очерки. – М., 1958. – 738 с.

558. Струмилин С.Г. Условия производства хлебов в СССР // Плановое хозяйство. – 1926. – № 2. – С. 351.

559. Струмилин С.Г. Царская мануфактура XVII века // Крепостная мануфактура в России. – Л., 1932. – Ч. 3.

560. Струмилин С.Г. Черная металлургия в России и в СССР: Технический прогресс за 300 лет. – М.-Л., 1935. – 322 с.

561. Струмилин С.Г. Экономическая природа первых русских мануфактур (в порядке обсуждения) // Вопросы истории. – 1948. – № 6. – С. 63.

562. Супоницкая И.М. Американский раб и русский крепостной: типология и специфика принудительного труда // Вопросы истории. – 2000. – № 9. – С. 52–61.

563. Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра первого и его идеология. – М.-Л., 1943. – 210 с.

564. Тарновский К.Н. В преддверии Октября // Наука и жизнь. – 1987. – № 10. – С. 77–81.

565. Тарновский К.Н. Легкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки. – М., 1995. – 280 с.

566. Тарновский К.Н. О социологическом изучении капиталистического способа производства // Вопросы истории. – 1964. – № 1. – С. 120 – 132.

567. Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. – М., 1964. – 236 с.

568. Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50–60-х годов. – М., 1990. – 290 с.

569. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М., 1978. – 279 с.

570. Теляк Л.В. Столыпинская аграрная реформа: (Историография 1906–1917 гг.). – Самара, 1995. – 81 с.

571. Тимошенко А.И. Изменение в государственном механизме Российской империи в период первой мировой войны: Дис. ...канд. ист. наук. – Л., 1968. – 16 с.

572. Тимошенко В.В. Кредитная система Белоруссии в начале XX в. // Исторические записки. – 1965. – Т. 78. – С. 63 – 84.

573. Ткаченко П.С. О некоторых вопросах истории народничества // Вопросы истории. – 1956. – № 5. – С. 34 – 45.

574. Ткаченко П.С. О спорных проблемах истории народничества // История СССР. – 1963. – № 6. – С. 76 – 84.

534. Соловьев Ю.Б. Самодержавие в осаде: внесословная универсальная идеология как ответ на вызов эпохи (1825-1855) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. – М., 1994. – Часть II. – С. 117.

535. Соловьева А.М. Промышленная революция в России // Производительные силы и монополистический капитал в России и Германии в конце XIX – начале XX вв. – М., 1986. – С. 5–8.

536. Сомов С.А. Страницы истории России уходящего XX века. Сборник статей. – Армавир, 1999. – 29 с.

537. Сорок лет Великой октябрьской социалистической революции. Сборник статей. – М., 1957. – 164 с.

538. Сорокин Ю.А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. – 1992. – № 4–5. – С. 73–89.

539. Сословия России в конце XIX в. – начале XX в. (документы и материалы). – М., 1993. – 130 с.

540. Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX вв.): Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. – Таллин, 1986. – Вып. 1. – 287 с.

541. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 гг.). – М., 1977. – 366 с.

542. Спорные вопросы методологии истории. (Дискуссии об общественных формациях). – Харьков, 1930. – 238 с.

543. Сталин И.В. Международное положение и оборона СССР. Речь 1 августа на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля – 9 августа 1927 гг. // Сталин И.В. Соч. – М., 1954. – Т. 10. – С. 11–12.

544. Сталин И.В. О программе Коминтерна. Речь 5 июля 1928 гг. на пленуме ЦКК ВКП(б) 4–12 июля 1928 гг. // Сталин И.В. Соч. – М., 1955. – Т. 11. – С. 155–156.

545. Сталин И.В. Октябрьская революция и вопрос о средних слоях // Сталин И.В. Соч. – М., 1954. – Т. 5. – С. 342.

546. Сталин И.В. Речь на I Всесоюзной конференции работников промышленности // Сталин И.В. Вопросы ленинизма – М., 1940. – 328 с.

547. Степанов В.А. Бунге Н.Х. Судьба реформатора. – М., 1998. – 398 с.

548. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. – М., 1991. – 411 с.

549. Стригунов И.В. Из истории формирования бакинского пролетариата (70–90-е гг. XIX в.). – Баку, 1960. – 289 с.

550. Струве В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. – 1934. – Вып. 77. – С. 32 – 111.

551. Струмилин С.Г. Внутренний рынок России XVII–XVIII веков // История СССР. – 1959. – № 4. – С. 82–84.

552. Струмилин С.Г. К вопросу о генезисе капитализма в России // Вопросы истории. – 1961. – № 9. – С. 68.

ложение финансов»¹¹⁵. Далее в своей записке М.Х. Рейтерн охарактеризовал основные принципы и подходы государственной политики модернизации в финансовой и общеэкономической сферах. М.Х. Рейтерн считал, что главная причина медленного развития российской экономики состояла в недостаточном количестве свободных капиталов. Для исправления ситуации министр предлагал различными способами укрепить тенденцию к «возвышению» вексельного курса, ибо тогда «сами спекуляторы будут действовать не на падение, а на возвышение курса», что приведет к резкому притоку иностранного капитала и мобилизации капитала национального. Для этого М.Х. Рейтерн предлагал увеличить вывозную торговлю через снятие (уменьшение) вывозных пошлин и энергичное строительство железных дорог, уменьшить заграничные расходы государства и частных лиц, снять излишние стеснения на денежном рынке, ввести умеренный промышленный протекционизм и в конечном итоге «сделать конверсию кредитных билетов на новый металлический денежный по курсу, близкому к тому, который установится в то время на практике и открыть этому последнему денежному знаку свободный размен»¹¹⁶. Анализ концепции М.Х. Рейтерна показывает, что она представляла собой симбиоз монетарных и вспомогательных госкапиталистических мероприятий правительства и создавала в ближайшей перспективе возможность выработки курса развития экономики России по трем вероятным направлениям: либеральному, госкапиталистическому и смешанному.

Таким образом, для решения задач модернизации страны самодержавная власть в конце 1850 – начале 1860-х годов создала новую идеологическую конструкцию – «охранительный либерализм»¹¹⁷.

Охранительство, во многом определялось и личной идейной позицией реформаторов, которая отвергала радикализм и конституционализм и носила на себе отпечаток старого мировоззрения. «История всех народов доказывает, – писал М.Х. Рейтерн, – что революции могут быть предупреждены только благовременными реформами, дарующими народу мирным путем то, что он сам ищет в революциях, т.е. устранения обветшалых форм и укоренившихся злоупотребле-

¹¹⁵ Там же. – С.66.

¹¹⁶ Там же. – С.152.

¹¹⁷ См.: Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. – М., 1997.

ний»¹¹⁸. Н.А. Милютин, пытаясь развеять возникшие по отношению к нему предубеждения со стороны Александра II, сказал императору: «Что же касается до революционерства, то об этом позволительно было мечтать в молодости и при совершенно других условиях; ныне же, когда я успел поседеть в борьбе с произволом и неразвитостью высших слоев нашего общества, которое при конституционном правлении создало бы у нас деспотизм олигархии, чего я для своего отечества вовсе не желаю, ныне, когда правительство либеральнее самого общества и вводит в свою программу освобождение крестьян, то есть именно ту мысль, которая составляла предмет лучших надежд и упований тех, кого клеймили названием *красных* революционеров, – ныне не только исчезает всякий оппозиционный дух, а напротив все силы и старания могут совершенно искренно быть устремлены к достижению столь великих и прекрасных целей, и я сочту себя счастливым посвятить им всю мою жизнь»¹¹⁹. Объясняя свой взгляд на методы преобразований, Н.А. Милютин отмечал, что в России во сто раз легче, чем где-либо, привлечь правительству на свою сторону серьезную часть общества: для этого необходимо делать своевременно потребные уступки, но делать их откровенно, с достоинством, без аполгий и без канцелярских уловок¹²⁰. Близкий взгляд на народное представительство раскрывал в своей беседе с А. Тьером и А.В. Головин: «Представительство полезно тогда, когда оно верно представляет главные интересы всего края и всех сословий. В настоящее время при низкой степени образованности всего сельского населения, мещан и купцов и даже большинства беднейшего дворянства подобное представительство было бы чисто олигархическим. Если б оно существовало у нас в 1861 г., то освобождение крестьян не могло бы состояться. <...> Наконец, представительство, не поддерживаемое сильным сознанием всего общества в необходимости ононого, было бы непрочно»¹²¹.

Из писем Великого князя Константина Николаевича к Александру II следует, что либерализм Константина Николаевича находился в определенных рамках, которые были заданы незыблемостью само-

¹¹⁸ Куломзин А.Н., Рейтерн В.Г. М.Х. Рейтерн. Биографический очерк. Посмертные записки М.Х. Рейтерна. – СПб., 1910. – С. 65.

¹¹⁹ Цит. по: Гофштеттер И. Забытый государственный человек Николай Алексеевич Милютин (По русским и иностранным источникам). – СПб., 1901. – С. 30-31.

¹²⁰ Leroy-Beaulieu. Un homme d'etate russe. – P., 1884. – P. 118.

¹²¹ Головин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. – 1997. - №8. – С.118-119.

513. Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции, XIII–XV вв. – М., 1980. – 360 с.

514. Седов Л.А. Сословие // БСЭ. – М., 1976. – Т. 24. – Кн. 1. – С. 199.

515. Седов М.Г. Героический период революционного народничества. – М., 1966. – С. 11 – 37.

516. Селунская Н.Б. Методологические аспекты сравнительного изучения протоиндустриальных обществ России и Швеции // Экономическая история: Ежегодник. 2003. – М., 2004. – С. 4–17.

517. Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной Думы. – М., 1962. – 382 с.

518. Сидоров А.Л. Ленин и Сталин о русском самодержавии. Обсуждение проблемы абсолютизма. Заседание ученого совета института истории академии наук СССР 16 и 20 марта 1940 года. // Историк-марксист, 1940. – № 6. – С. 65.

519. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). – М., 1960. – С. 3 – 46.

520. Сидоров Г.П. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. – М., 2002. – 639 с.

521. Симония Н.А. Что мы построили? – М., 1991. – 431 с.

522. Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. – М., 1987.

523. Симонова М.С. Статистические листки о мобилизации надельной земли как источник для изучения классовой дифференциации крестьянства // Исторический архив. – 1962. – № 6. – С. 152 – 158.

524. Сироткин В.Г. Номенклатура в историческом разрезе // Через тернии. – М., 1990. – С. 318.

525. Система государственного феодализма в России. Сборник статей / Под ред. А.М. Анфимова и др. – М., 1993. – 226 с.

526. СИЭ. – М., 1971. – Т. 13. – С. 348.

527. Смирнов А.Ф. За строгую научность, достоверность и историческую правду // Коммунист, 1972. – № 16. – С. 118–120.

528. Собственность на землю в России: История и современность / Под общей ред. Д.Ф. Аяцкова. – М., 2002. – 592 с.

529. Соколин Б.М. Кризисная экономика России: рубеж тысячелетий. – СПб., 1997. – 349 с.

530. Соколов В.М. История фабрики Большой Ивановской мануфактуры. – Иваново, 1952. – 156 с.

531. Солнцев С.И. К вопросу о социальном составе рабочих на мануфактурах первой половины XVIII века // Архив истории труда. – 1934. – Кн. 1.

532. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. – Л., 1990. – 264 с.

533. Соловьев Ю.Б. Самодержавие, дворянство и проблема сближения с буржуазией в конце XIX– начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX– начале XX века.. Сборник научных трудов. – М., 1988. – С. – 68–84.

494. Россия в девятнадцатом веке: Политика. Экономика. Культура / Под ред. В.И. Старцева. – СПб., 1994. – Часть I. – 159 с.; Часть II. – 318 с.

495. Рубач М.А. Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции. – Киев, 1956. – 457 с.

496. Рубинштейн Н.Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в. // Вопросы истории. – 1952. – № 2.

497. Рубинштейн Н.Л. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. // Ученые записки Московского университета. – М., 1946. – Вып. 87.

498. Рубинштейн Н.Л. О мелкотоварном производстве и развитии капитализма в России в XIX в. // История СССР. – 1962. – № 4. – С. 68.

499. Руткевич М.Н. Интеллигенция как социальная группа и её сближение с рабочим классом: Классы, социальные слои и группы в СССР. – М., 1968. – 96 с.

500. Рындзюнский П.Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 гг.? // Вопросы истории. – 1967. – № 7. – С. 54 – 70.

501. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – М., 1958. – 559 с.

502. Рындзюнский П.Г. К определению размеров аграрного перенаселения России. // Социально-экономическое развитие России. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. – М., 1986. – С. 155 – 171.

503. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. – М., 1983. – С. 269.

504. Рындзюнский П.Г. О мелкотоварном укладе в России XIX века // История СССР. – 1961. – № 2. – С. 48–70.

505. Рындзюнский П.Г. Реформы Петра I и образование Российской империи помещиков и купцов. – М., 1938. – 12 с.

506. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850–1880 гг. – М., 1978. – 295 с.

507. Рэгсдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 годах // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 3–24.

508. Рябинский Л.С. Реформы 1863–1866 годов в отношении удельных и государственных крестьян на территории Мордовии. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1964. – 15 с.

509. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998. – 796 с.

510. Самойло А.С. Проблема абсолютной монархии в современной марксистской и буржуазной историографии (по материалам X Международного конгресса историков в Риме в сентябре 1955 г.) // Средние века. – М., 1959. – Вып. XVI.

511. Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв.: Урал и Сибирь — модели развития. – Екатеринбург, 1998. – 313 с.

512. Сахаров А.М. К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России // Вопросы истории. – 1959. – № 1. – С. 103.

державия и Русской православной церкви. Так в письме от 22 апреля 1859 г. Великий князь восхищался тем, что в Греции «учение и воспитание чисто свое, национальное, без влияния западных бредней, и основано на Православии, в котором страна чрезвычайно сильна»¹²². В других посланиях Великий князь хвастался брату о том, как он урезонил горцев, вздумавших ему жаловаться не по команде. В результате этого инцидента горцы «сильно повесили носы, чувствуя, какую глупость они сделали, а между тем следствие наряжено»¹²³. Знаменательно то, что Константин Николаевич, рассказывая эту историю, ни словом не обмолвился о сути конфликта, и у брата искал моральную поддержку только за поддержание пустого формализма.

Большой интерес представляет позиция таких правительственных либералов как А.В. Головнин и М.А. Корф по вопросу о цензуре. А.В. Головнин, с одной стороны, являлся страстным противником предварительной цензуры и выступал за взыскания по суду, но, с другой стороны, сам же настоял на передаче дела цензуры (Высочайшее повеление от 10 марта 1862 г.) из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел, что сразу же ужесточило цензурные условия¹²⁴. Барон М.А. Корф заявлял, что «только при содействии свободного общественного мнения возможно плодотворное движение и осуществление законодательных реформ... только в свободе печати находится противоядие против злоупотребления печатью»¹²⁵. Но после всего этого ратовал за введение смешанной предварительно-карательной системы. Именно благодаря записке этого государственного деятеля валуевской комиссии удалось обеспечить преобладание сословно-бюрократических начал в земском вопросе, не вызвав недовольства других сословий¹²⁶. В письме Герцену летом 1858 г. М.А. Корф ставил себе заслугой побуждение Александра II к уничтожению Негласного комитета, хотя этот комитет и был учрежден 2 апреля 1848 г. в результате представленной М.А. Корфом докладной записки¹²⁷.

¹²² Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – М., 1993. – С.106.

¹²³ Там же. – С. 58.

¹²⁴ См.: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 329–334.

¹²⁵ Цит. по: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 336.

¹²⁶ См.: Цейтлин С.Я. Указ. соч. – С.228–229.

¹²⁷ См.: Голубева О.Д. М.А. Корф. – СПб., 1995. – С.89.

Охранительный либерализм, как вынужденная и переходная идеологическая форма, в большой мере зависел от настроения и воли императора и правящих кругов, очень часто предполагал реформы, которые проводились «правительством *без ясного сознания их важности и всех их неминуемых последствий*». Самым важным из этих последствий явился отмеченный современниками «разрыв правительства с обществом», «единственно потому, что общество в последнее десятилетие благодаря совершенным реформам значительно переросло правительство в умственных и нравственных отношениях»¹²⁸.

Выводы

Доктрина «официальной народности», созданная С.С. Уваровым и внедренная в общественное сознание образованного общества России, представляла из себя стройную и достаточно эффективную в краткосрочной перспективе консервативную идеологическую систему, которая являлась пиком идеологического творчества дореформенного самодержавия.

Для решения задач модернизации страны самодержавная власть в конце 1850 - начале 1860-х годов создала новую идеологическую конструкцию - охранительный либерализм. Он включал в себя два взаимодополняющих элемента: правительственный либерализм и общественный либерализм. Важнейшими чертами новой идеологии явились охранительный характер, отрицание радикализма, эволюционность, отсутствие адекватной социальной базы. Охранительство, эффективное в тактическом плане, становилось ахиллесовой пятой в стратегическом развитии российского либерализма. Оно заставляло реформаторов действовать на идейном поле консервативного лагеря и тем самым зависеть от него: руководителей преобразований всегда можно было представить (что и происходило) как плохих «охранителей», предателей, «красных» и т.д.

473. Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. / Под ред. С.С. Хромова. – М., 1982.

474. Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. – М., 1990. – 303 с.

475. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). – М., 1956. – 352 с.

476. Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958. – 623 с.

477. Революционное движение демократической интеллигенции России в период империализма. – М., 1984. – 131 с.

478. Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения. – М., 1993. – 307 с.

479. Рейснер М.А. Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. – 1922. – Кн. I.

480. Реформы Александра II. – М., 1998. – 464 с.

481. Рибер А. Железные дороги и экономическое развитие: истоки системы Рейтерна // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПб., 2003. – С. 174.

482. Рикман В.Ю. Почетное гражданство и его генеалогия // Чтения памяти В.Б. Кобрин: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. – М., 1992. – С. 154–155.

483. Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. – СПб., 1903. – 217 с.

484. Рогалина Н.Л. Аграрные реформы в России 10–20-х годов (Историко-сравнительный анализ) // Россия в веке: Реформы и революции; В 2 тт. / Под ред. Г.Н. Севостьянова. – М., 2002. – С. 543–563.

485. Рогалина Н.Л. В поисках меры (некоторые уроки) российских аграрных реформ в XX веке. // Вопросы экономики. – 1996. – № 7. – С. 113–115.

486. Рогов В.А. История государства и права России IX – начала XX веков. – М., 1995. – С. 102–112.

487. Розенфельд Я.С., Клименко К.И. История машиностроения СССР. – М., 1961. – 502 с.

488. Романов Ф.А. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и Второй русской революции (1914 гг. – февраль 1917 года). – М., 1949. – 298 с.

489. Романовский С.И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции. – СПб., 2000. – 368 с.

490. Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. Сборник докладов. – М., 1970. – 362 с.

491. Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Сборник архивных докладов. – М., 1996. – 311 с.

492. Россия: 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб., 1995. – С. 3–227.

493. Россия на рубеже XIX – XX веков: Материалы научных чтений памяти проф. Валерия Ивановича Бовыкина. – М., 1999. – 384 с.

¹²⁸ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879 / Отв. Ред. В.Г. Чернуха. – СПб., 2005. – С.257.

ЦИК СССР в память 50-летия смерти К. Маркса 23/III 1933 г. – Л., 1933. – 108 с.

453. Проблемы аграрной истории. – Минск, 1978. – Ч. 1. – 167 с.

454. Проблемы отечественной истории. Сборник статей аспирантов и соискателей. – М.-Л., 1976. – Ч. I. – 224 с.

455. Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений: Проблема неравномерности общественного развития / Отв. ред. Ю.К. Плетников. – М., 1986. – 315 с.

456. Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – 574 с.

457. Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. – М., 1971. – 373 с.

458. Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. – М., 2002. – 520 с.

459. Проскурякова Н.А. Ипотека в России в конце XIX – начале XX веков // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 3–18.

460. Проскурякова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX в. // История СССР. – 1973. – № 1. – С. 62.

461. Против механистических тенденций в исторической науке. Сборник статей / Под ред. Б. Борилина – М.-Л., 1930. – 187 с.

462. Пушкарев С.Г. Россия 1801–1917: власть и общество. – М., 2001. – 672 с.

463. Пушкарева И.М. Новые подходы в изучении конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сборник статей. – М., 2001. – С. 291–307.

464. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. – Томск, 1975. – 328 с.

465. Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 гг. – СПб., 1997. – 639 с.

466. Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX веков. Сборник статей и материалов, посвященные памяти О.Н. Знаменского. – СПб., 1994. – 271 с.

467. Рабочие России в эпоху капитализма: Сравнительный порайонный анализ. – Ростов-на-Дону, 1972. – 371 с.

468. Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт / Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. – М., 2001. – 252 с.

469. Рабочий класс и рабочее движение в России в 1861–1917. Сборник статей. – М., 1966. – 410 с.

470. Рабочий класс и рабочее движение России: История и современность / Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. – М., 2002. – 252 с.

471. Рабочий класс от зарождения до начала XX в. – М., 1983. – 575 с.

472. Рабочий класс России, 1907 – февраль 1917 гг. / Отв. ред. В.Я. Лаверычев. – М., 1982. – 464 с.

§ 2. Эволюция государственной идеологии буржуазной модернизации

Исследование показало, что политика самодержавия в рассматриваемый период претерпевала своеобразные циклы колебательных движений в зависимости от соотношения сил в стране и в «верхах». Это отражалось и на развитии государственной идеологии.

Уже с середины 1860-х годов идеологическая машина правительства стала быстро переходить на консервативные позиции¹. Содействовав пробуждению общественного мнения, Александр II использовал его в своих интересах и теперь уже пытался затормозить начатое движение. Это было естественно для императора, считавшего своей главной политической целью укрепление трона и расширение империи. Еще в 1861 г. Александр II всецело поддержал предложения П.А. Валуева по становлению агитационно-пропагандистской машины, отвечавшей новым идеологическим веяниям. П.А. Валуев в частности предлагал следующее: «Необходимо постановление правил, подвергающих надлежащей ответственности издателей журналов и содержателей типографий. Необходимо также учреждение одного или двух периодических изданий, которые могли бы быть косвенными проводниками видов правительства и противодействовать враждебным ему стремлениям других органов прессы, коих явные или двусмысленные нарекания ныне остаются без ответа. <...> При нынешнем настроении умов было бы полезным поощрить учреждение журнала, коего консервативные тенденции простирались бы далее консервативных видов самого правительства»².

Однако, не смотря на уже обозначившийся консервативный вектор, реальная политика самодержавия привела к очень интересной *диа-*

¹ А.И. Кошелев вспоминал: «До 1866 года приятно и как бы животворно было туда (в Санкт-Петербург – В.В.) ездить. Хотя уже и тогда так называемые консерваторы захватывали все более и более власти в свои руки и старались если и не уничтожать, то по крайней мере сокращать благие действия предпринятых реформ...». Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.167.

² Записка П.А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения сохранения внутренней безопасности» от 22 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.105-106.

лектической метаморфозе: реформационный процесс, пробудив политическую активность влиятельных элементов поместного дворянства и сановной бюрократии, получил импульс к саморазвитию. В результате реформаторская эстафета перешла от одних «просвещенных бюрократов» (либералов) к другим (консерваторам). И первым в их ряду стал П.А. Валуев. Позиционируя себя, как защитника интересов дворянства, он открыл новый этап реформирования, основанный на взаимодействии с «новорожденным» обществом и падении «крепостной зависимости духа»³ дворян. Встав во главе министерства внутренних дел, П.А. Валуев играл несколько ролей. Он осуществлял преобразования в крестьянском вопросе и стал готовить реформу, призванную допустить «общество» к участию в управлении на всех уровнях. Для этого П.А. Валуев пытался совмещать в своей деятельности традицию поддержания царского самовластия и решение задач либеральной трансформации самой власти. Не последнюю роль в этом играл воскресный валуевский салон, в котором встречались в дружеском общении все категории высшего сословия и духовенства.

Привлекают внимание не только методы деятельности министра внутренних дел, но и те *перспективные стратегические задачи*, которые он ставил в области буржуазной модернизации страны.

Во-первых, он однозначно высказался за поддержку и развитие крестьян-собственников, за постепенный переход от общинного землевладения к участковому с целью не только хозяйственного развития, но и охранения общественного порядка⁴.

Во-вторых, П.А. Валуев разработал проект преобразования Государственного совета в двухпалатное представительное совещательное учреждение с постоянно действующей Верхней палатой и съездом государственных гласных, избранных от местных учреждений.

Определил П.А. Валуев и главные угрозы политике модернизации России: проистекающее от бюрократического произвола реформаторов «оплебегание» дворянства, «обращение всей массы органических эле-

³ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х т. – М., 1961. – Т. II. – С.100.

⁴ См.: Валуев П.А. Всеподданейшая записка статс-секретаря Валуева. Проект нового учреждения Государственного совета // Вестник права. – 1905. - №9. – С.225-269.

432. Петров Ю.А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С. 384–420.

433. Петрова Д.В. IV Государственная дума (историко-правовое исследование): Автореферат дис. ...канд. юрид. наук. – М., 1969. – 31 с.

434. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума, 1863–1917. – М., 1998. – 567 с.

435. Пискотин М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. – М., 2001. – 448 с.

436. Платонов Д.Н. Морфология хозяйства и особенности развития рыночных отношений в дореволюционной России // Вестник московского университета. Серия «Экономика» – 1993. – № 4. – С. 70–72.

437. Платонов О. Вступительная статья // Энциклопедия купеческих родов. 1000 лет русского предпринимательства. – М., 1995. – С. 30–31.

438. Плетников Ю.К. Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. – 1998. – № 3. – С. 103 – 112.

439. Плеханов Г.В. История общественной мысли России // Плеханов Г.В. Соч., 2-е изд. – М.-Л., 1925. – Т. XX. – С. 112.

440. Погребинский А.П. Синдикат «Продамет» в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вопросы истории. – 1958. – № 10.

441. Покровский С.А. К вопросу о классовой природе абсолютизма // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 4. – С. 290.

442. М., 1959. – 568 с.

443. Поликарпов В.В. «Новое направление» – в старом прочтении // Вопросы истории. – 1989. – № 3. – С. 44–61.

444. Поликарпов В.В. О «дискуссиях» минувших лет // Советская культура – 9 июля 1987 гт.

445. Полонский В.П. Заметки об интеллигенции // Красная Новь. – 1924. – Кн. I (18).

446. Поляков Ю. Российские просторы: благо или проклятие? // Свободная мысль. – 1992. – № 12. – С. 20–21.

447. Полянский Ф.Я. Товарное производство в условиях феодализма. – М., 1969. – 632 с.

448. Полянский Ф.Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. – М., 1956. – 454 с.

449. Пономарьов О.М. Розвиток капіталістичних відносин у промисловості України. – Львів, 1971. – С. 79.

450. Поткина И.В. Новые тенденции в современной американской и английской историографии социально-экономического развития дореволюционной России // Монополистический капитализм в России. – М., 1989. – С. 205–277.

451. Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.) // Вопросы истории. – 1961. – № 4. – С. 90.

452. Пригожин А.Г. Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. Доклад на сессии Института истории Коммунистической академии при

410. Островский А.В. Динамика процесса раскрестьянивания в Европейской России конца XIX – начала XX в. // Крестьянское хозяйство: История и современность. – Вологда, 1992. – Ч. 1. – С. 73.

411. Островский А.В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России // Проблемы исторической географии России. Материалы второй Всесоюзной конференции по исторической географии России, Москва, 25-26 ноября 1980 г. – М., 1982. – Выпуск II. Формирование экономических районов России. – С. 171-187.

412. Отечественная история: Энциклопедия. В 5 тт. – М., 1996. – Т. 2. – С. 172.

413. Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1985. – Т. V. – 605 с.

414. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. / Под ред. А. Насонова, Л. Черепнина, А. Зимина – М., 1955. – 959 с.

415. Павленко Н.И. Введение // Очерки истории СССР. Период феодализма. Первая четверть XVIII в. – М., 1954.

416. Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. – 1970. – № 4. – С. 54–74.

417. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. – М., 1953. – 540 с.

418. Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 13–17.

419. Павлов Н.И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (По материалам XVII–XVIII вв.) // Исторические записки. – 1955. – Т. 54 – С. 382–419.

420. Павлова-Сильванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. – 1968. – № 4. – С. 71–85.

421. Павлова-Сильванская М.П. Проблема русского абсолютизма в современной буржуазной литературе // История СССР. – 1969. – № 6. – С. 217–234.

422. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. – М., 1988. – 690 с.

423. Пажитнов К.А. К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века // Вопросы истории. – 1948. – № 3. – С. 60.

424. Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. – М., 1952. – 211 с.

425. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – Кембридж (Масс.), 1981. – 433 с.

426. Панкратова А.М. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму // Вопросы истории. – 1953. – № 9. – С. 75–76.

427. Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1963. – 491 с.

428. Пантин И.К. Драма противостояния // Полис. – 1994. – № 3. – С. 82.

429. Пантин И.К. От буржуазной революции к революции против буржуазии // Рабочий класс и современный мир. – 1989. – № 3. – С. 164–184.

430. Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы: конец XX в. – 1914 г. – М., 1998.

431. Петров Ю.А. Московское купечество на рубеже XIX – XX веков // Отечественная история. – 1996. – № 2.

ментов государства в безразличное место»⁵ и идущее от «псевдопатриотов» «обрусение», то есть возвращение к границам и нравам допетровской Руси. Тем самым, он предвидел бюрократическую «русскость» режима Александра III.

После П.А. Валюева курс консервативного реформирования в политической сфере продолжил шеф жандармов П.А. Шувалов. Роль программы его активных реформаторских усилий сыграла серия статей генерала Р.А. Фадеева, опубликованных первоначально на страницах газеты «Русский мир», а затем и отдельной книгой под заглавием «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)». Это был проект превращения русского помещного дворянства в «культурный слой», влиятельный элемент общественного самоуправления, надежную преграду для «нигилизма». Статьи готовились в процессе консультаций с П.А. Шуваловым и наследником престола Великим князем Александром Александровичем, за спиной которого стоял граф И.И. Воронцов-Дашков, впоследствии ставший главным проводником протоконституционных идей при дворе Александра III⁶.

Завершал реформационную деятельность консерваторов министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов. Он высказал идею о включении народных представителей в комиссию Государственного совета. Встречи М.Т. Лорис-Меликова с Р.А. Фадеевым и И.И. Воронцовым-Дашковым не прошли для него бесследно. Под влиянием фадеевских «Писем о современном состоянии России» министр стал готовить осенью 1880 г. новый закон о печати и реформу министерства финансов⁷.

Основная мысль Р.А. Фадеева состояла в том, что «после упразднения помещного дворянства опорная и преобладающая русская сила может заключаться только в земстве и ни в чем ином»⁸, так как господствующая на тот момент казенная администрация не поддается «присмотру по своей громадности и разнородности» и представляет «по сво-

⁵ Валюев П.А. Дневник П.А. Валюева, министра внутренних дел. В 2-х т. – М., 1961. – Т. I. – С. 168.

⁶ См.: Чичерин Б.Н. Воспоминания... Ч. I. – С. 113-114.

⁷ См.: Дубенцов Б.Б. М.Т. Лорис-Меликов и «охранители» в 1880-1881 гг. // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПб., 2003. – С. 66.

⁸ Фадеев Р.А. Письма о современном состоянии России // Фадеев Р.А. Собрание сочинений. – СПб., 1890. – Т. III. – Ч. 2. – С. 104.

ей отчужденности от народной жизни богатое поле для распространения тех именно вредных уклонений, которые приходится и придется еще подавлять»⁹. Реальности бюрократического самодержавия Р.А. Фадеев противопоставил идеал союза «всесословного и земского Царя»¹⁰ с сильным властным на местах законосовещательным всесословным земством.

Когда М.Т. Лорис-Меликов стал готовить очередную программу своей деятельности для представления новому царю, Р.А. Фадеев и И.И. Воронцов-Дашков приступили к написанию всеподданнейшей записки с целью побудить Александра III сделать определенный политический выбор. После вывода о недопустимости откладывать перемены авторы высказали предостережение о том, что в противном случае это приведет к «приглашению каждого русского человека – подумать о спасении отечества своим умом, помимо правительства»¹¹. Кроме того, они настаивали на необходимости «правительства единомысленного», составленного из людей, пользующихся доверием не только верховной власти, но и «общества». Отсюда следовал закономерный вывод первой части записки: «Земля глубоко верит в вас, государь. Но если вы не объедините ее около себя теперь же, с самого начала, взаимною верою в нее, то русские люди нравственно рассыпятся и вы уже не соберете их; а вне взаимной поруки между царем и землей, основанной на полном доверии, нам нет больше никакого спасения. Останутся одни официальные порядки, которые не оградят и не спасут ничего». Далее авторы конкретизировали свою мысль: «Россия хочет дышать свободнее, она уповает на вас, что вы ее избавите от грабежей чиновников и позора нигилизма. Но не может же среда, погубившая Россию, со дня на день явиться ее спасительницей, нельзя спасти Россию гнилым чиновничеством, на пересоздание которого нет времени. Говоря прямо, есть два пути: путь прогресса, на здравых земских основаниях, и путь нерешимости или даже реакционно-чиновничий. Первый в данный момент олицетворяется Лорисом, второй – Победоносцевым». Первый есть единственный путь к спасению, второй – путь к верной и кровавой гибели»¹².

⁹ Там же. – С.8.

¹⁰ Там же. – С.106.

¹¹ РГИА, ф.919, оп.2, д. 541, л.1-2.

¹² РГИА, ф.919, оп.2, д. 541, л.3.

390. Никулин П.Ф. Место наемного труда в системе крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX вв. // Вопросы экономической истории России XVII–XX вв. – Томск., 1996. – С. 149–151.

391. Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века: по материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. – М., 1974. – 318 с.

392. Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX века: По материалам переписей гг. Москвы в 70–90-х годах XIX в. // Исторические записки. – 1957. – Т. 54.

393. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Идеи истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. – С. 124 – 135.

394. Об особенностях империализма в России. Сборник статей. – М., 1963. – 440 с.

395. Общественное движение в пореформенной России. Сборник статей. – М., 1965. – 382 с.

396. Одинцов М.Н. Русская православная церковь: история и современность, взаимоотношения с обществом и властью // Государственно-церковные отношения в России. – М., 1995. – Ч. II. – С. 27.

397. Ойкен В. Основы национальной экономики. – М., 1996. – 349 с.

398. Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. – Л., 1925. – 35 с.

399. Ольминский М.С. Государство, бюрократия и абсолютизм в России. – М.-Л., 1925. – 221 с.

400. Ольховая Л.В. Мелкая промышленность Урала в начале XX века (1905–1913 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Свердловск, 1964. – 18 с.

401. Онищук С.В. Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. – М., 1995. – 149 с.

402. «Организованный капитализм». Дискуссия в Комакадемии. Изд. 2-е. – М., 1930. – 200 с.

403. Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х годах XIX века. – Горький, 1974. – 168 с.

404. Орлова Г.А. Бюрократическая реальность // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 96–106.

405. Осадчая А.И. Биржа в России // Вопросы истории. – 1993. – № 10. – С. 3–18.

406. Основы марксистско-ленинской теории культуры. – М., 1976. – 303 с.

407. Островский А.В. О времени завершения индустриализации и промышленного переворота в России // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины – начала века. Материалы конференции памяти В.С. Дякина. – СПб. – Кишинев, 2001. – С. 95–104.

408. Островский А.В. Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). – СПб., 1999. – С.482–495.

409. Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. – СПб., 2000. – С.15–235.

369. Морозан В.В. Государственные сберегательные кассы в дореволюционной России: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1996. – 15 с.
370. Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). – СПб., 2004. – 399 с.
371. Мороховец Е.А. Крестьянская реформа 1861 гг. Научно-популярный очерк. – М., 1937. – 162 с.
372. Москвин Л.Б. Рабочий класс и его союзники. (К вопросу о классовых союзах пролетариата в борьбе против капитала). – М., 1977. – 359 с.
373. Мочерный С.В. Закон огосударствления капиталистической экономики. – Киев, 1988. – 239 с.
374. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Политическая история России. От становления самодержавия до падения Советской власти. – М., 1999. – 800 с.
375. Нардова В.А. Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880–1890-е годы. – Л., 1974. – 150 с.
376. Население России в XX веке. В 3-х Т. – М., 2000. – Т. I. – 463 с.
377. Научная сессия по истории первой мировой войны. Секция II. Влияние первой мировой войны на социально-экономическую историю России. Тезисы сообщений. – М., 1964. – 202 с.
378. Наше Отечество: Опыт политической истории / Под ред. С.В. Кулешова. – М., 1991. – Т. 1. – 389 с.
379. Немчинов В.С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. – М., 1945. – 359 с.
380. Нестеренко А.А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX – начале XX в. – М., 1954. – 380 с.
381. Нетесин Ю.Н. Из истории проникновения германского капитала в экономику России (по материалам акц. общества бр. Фельзер и К°, Рига) // Известия Академии наук Латвийской ССР. – 1960. – № 4.
382. Нетесин Ю.Н. Промышленный капитал Латвии (1860–1917 гг.). – Рига, 1980. – 240 с.
383. Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 36.
384. Нечкина М.В. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации // Вопросы истории. – 1958. – № 7. – С. 91.
385. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. – М., 1975. – 350 с.
386. Никифоров В.Н. Рецензия на книгу «Теория общественно-экономической формации» // Вопросы истории. – 1984. – № 8. – С. 128–133.
387. Никифоров Л.В. Отношения собственности на рубеже веков: Направление трансформации // Собственность в XX столетии. – М., 2001. – С. 404.
388. Никольский С.Н. Аграрная экономика, сельская общность и проблема социально-экономических укладов // Вопросы философии. — 2001. – № 12. – С. 16–27.
389. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.) – М., 1995. – 359 с.

Таким образом, и либеральное направление, и консервативный курс государственной идеологии реформирования страны в период царствования Александра II, различаясь в понимании сроков, масштабов и форм преобразования сословного общества, подключения общественной инициативы к государственному управлению, в конечном итоге взаимодополнили друг друга, сойдясь в главном – в признании ведущей роли монархической власти в проведении политики модернизации страны и, следовательно, в выполнении задачи охранения самого самодержавия.

Носителями «объединяющего начала» ультраконсервативных сил стали К.П. Победоносцев и М.Н. Катков. Они выдвинули идею активного, наступательного самодержавия. М.Н. Катков считал, что самодержавная власть, чтобы оставаться самой собой должна не столько приспособляться к условиям, заданным процессом развития и отменой крепостного права, сколько овладеть этими новыми условиями. В отличие от К.П. Победоносцева, склонного по необходимости двигаться к заветной цели обходными путями, не отказываясь от компромиссов, М.Н. Катков, отрицательно относившийся ко всяким полумерам и паллиативам, признавал единственный путь – «напролом»¹³. На этот путь его наставлял в 1866 г. ни кто иной, как Александр II: «Сохрани тот священный огонь, который есть в тебе; я подаю руку тем, кого знаю и уважаю. Тебе не о чем беспокоиться. Я внимательно слежу за Московскими Ведомостями, постоянно их читаю. В тебе вполне уверен. Понимаешь ли силу того, что говорю тебе?»¹⁴.

Наибольшую силу консервативная идеология обрела уже в период царствования Александра III. Ее предельно кратко и емко выразил Н.Х. Бунге: «Император Александр III справедливо признал, что в русском Государстве должны действовать: русская государственность, т.е. русская государственная власть и русские государственные учреждения (конечно примененные к бытовым условиям инородцев и окраин), русская народность, т.е. освобождение последней от иноплеменного преобладания, русский язык, как общий государственный, и, наконец, уважение к вере, исповедуемой русским народом и его Государем»¹⁵. И тем

¹³ См.: Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М., 1978. – С.268.

¹⁴ Цит. по: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 363.

¹⁵ Записка, найденная в бумагах Н.Х. Бунге. 1881-1894 гг. - СПб., 1896. - С. 17.

самым: «Россия должна принадлежать русским». Следовательно, консерватизм Александра III приобрел явные националистические черты. Такая трансформация была вызвана определенными общественными настроениями образованного общества. Так, например, такой довольно умеренный государственный деятель как князь Д.А. Оболенский в своем дневнике еще за 2 декабря 1870 г. записал: «...Как не понимают наши правительственные лица, что материалистическому учению нигилистов... можно только противопоставить с пользой учение и направление партии национальной...»¹⁶. Националистический вектор с молчаливого согласия власти стал обретать реальное очертание и в народной «почве» в виде феномена «этнофобий»¹⁷.

Таким образом, тревожным последствием, подпитываемого с низу, националистического курса самодержавия стало привнесение еще одного *социально-политического противоречия* – между имперской природой российской государственности и ее узконациональным эгоизмом. Империя, воплощенная в образе самодержца, все более отказывалась от христианского духовного универсализма и имперской идентичности.

Идейное господство национал-консерватизма отнюдь не означало полного исчезновения из идейного багажа самодержавия идеологии буржуазной модернизации. Ведь и сам по себе национализм есть симптом и порождение модернизационных процессов. Власть по-прежнему старалась предотвратить революцию, отвести от дворянской, императорской России угрозу преобразований «снизу» и поэтому пыталась осуществить ограниченную европеизацию и модернизацию «сверху» (контролируемую модернизацию). Подчинив их своим интересам, для этого правительство выдвинуло на первый план *политику государственного капитализма*. Ее идейное обоснование стало весьма заметным явлением в русской общественной жизни.

Социально-экономические вопросы занимали постоянное место в изданиях М.Н. Каткова, который привлек к их обсуждению не только видных экономистов (В.П. Безобразова, Н.Х. Бунге, И.С. Блюха), но и капиталистов-практиков. Исходным пунктом экономики в понимании

¹⁶ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879 / Отв. Ред. В.Г. Чернуха. – СПб., 2005. – С.251.

¹⁷ См.: Филиппова Т.А. Приоритеты поздней империи // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. – М., 2000. – С.147.

350. Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 30–46.

351. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. – М., 1994. – 320 с.

352. Мельник Л.Г. К вопросу о начале промышленного переворота в России (на материалах Украины) // Проблемы генезиса капитализма. – М., 1979. – С. 104–138.

353. Меметов В.С. О проблеме дефиниций: от понятия «интеллигенция» к «прединтеллигенции» // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново. – 1996. – С. 73.

354. Меметов В.С., Данилов А.А. Истоки формирования российской провинциальной интеллигенции // Интеллигенция России: уроки и современность. – Иваново, 1996. – С. 48–49.

355. Медушевский А.Н. Идеологии как явление мировой истории // Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. Ред. В.В. Шелохаев. – М., 2004. – С.9-23.

356. Милов Л.В. Если говорить серьезно о частной собственности на землю // Свободная мысль. – 1993. – № 2. – С. 77–88.

357. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 76 – 87.

358. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. —1992. – № 4–5. – С. 37–56.

359. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX вв.: (Землевладение, землепользование и система хозяйства): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1964. – 16 с.

360. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. – М., 1971. – 143 с.

361. Миронов Б.Н. Влияние крепостного права на отношение русского крестьянина к труду // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 гг.) – Кишинев, 1978.

362. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. – Л., 1981. – 259 с.

363. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л., 1990. – 271 с.

364. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – СПб., 1999. – Т. 1. – 548 с.; Т. 2. – 567 с.

365. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) – Л., 1985. – 301 с.

366. Могильницкий Б.Г. Историческая альтернативность: методологический аспект // Новая и новейшая история. – 1990. – № 3. – С. 3–18.

367. Модернизация в России и конфликт ценностей / Под ред. С.Я. Матвеевой. – М., 1994. – 248 с.

368. Монополии и иностранный капитал в России. – М.-Л., 1962. – 434 с.

328. Луначарский А.В. Бывшие люди, Очерк истории партии эсеров. – М., 1922. – С. 5.
329. Луначарский А.В. Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. – М., 1924. – С. 4 – 21.
330. Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. – М.-Л., 1965. – 361 с.
331. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. – М., 1956. – 4 изд. – Т. 1 – 647 с; Т. 2. – 728 с.
332. Лященко П.И. История русского народного хозяйства. – М.-Л., 1927. – 518 с.
333. Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – 304 с.
334. Лященко П.И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. – М., 1927. – 375 с.
335. Маевский И.В. К вопросу о зависимости России в период первой мировой войны // Вопросы истории. – 1957. – № 1. – С. 69 – 76.
336. Макарин А.В. Бюрократия в системе политической власти. – СПб., 2000. – 156 с.
337. Малахинов П.И. О двух типах аграрной эволюции в России. – Улан-Удэ, 1962. – 441 с.
338. Мандел Э. Власть и деньги. – М., 1992. – 277 с.
339. Мануилов А.А. Поземельный вопрос в России: Малоземелье, дополнительный надел и аренда. – М., 1905. – 106 с.
340. Марасинова Е. Декабристы: аристократическая фронда в России? // Россия XXI. – 1994. – № 1–2. – С. 96–106.
341. Марискин О.И. От подушного к подоходному налогообложению крестьянства России, XIX – первая треть XX вв. (по материалам Среднего Поволжья) // Экономическая история: Ежегодник-2003. – М., 2004. – С. 440–464.
342. Маркс К. [Капитал] Книга первая. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1974. – Т. 49. – С. 94.
343. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. – М., 1948. – Т. 1.
344. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М., 1988.
345. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. – М., 1955–1961. – Т. 1; 4; 6; 12; 19; 22; 25 – Ч. I.; 26 – Ч. II–III; 46; 48.
346. Мастеров А. Русские рабочие и марксизм // По страницам самиздата. – М., 1990. – С. 124–138.
347. Материалы круглого стола «Крепостное право и крепостничество в России. Дискуссионные проблемы» // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. – СПб., 1997. – С.5-54.
348. Мау В.А. Реформы и догмы. 1914–1929. – М., 1993. – 256 с.
349. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М., 1998. – 650 с.

М.Н. Каткова было железнодорожное строительство¹⁸. Уже с конца 1860-х годов М.Н. Катков обращал внимание на хищническое ведение железнодорожного хозяйства монополиями,¹⁹ а в середине 1870-х годов развернул с ними борьбу от имени русского общества. По началу, М.Н. Катков доказывал, что лучший способ сооружения путей сообщения состоит в отдаче их по конкуренции с гласных торгов,²⁰ но затем стал пропагандировать замену «частного железнодорожного хозяйства государственным»,²¹ чем содействовал выработке норм и принципов отношения самодержавного государства и железнодорожным акционерным обществом.

Признавая первостепенную важность тяжелой промышленности, М.Н. Катков называл ее «основой государственной жизни»²². Однако рецепты ее эффективного развития в разные периоды виделись ему и его авторам диаметрально противоположными. За 1860-1870-е годы идеологическая машина М.Н. Каткова проделала эволюцию от фритредерства и либерализма к протекционизму и государственному капитализму²³.

М.Н. Катков предостерегал правительство об опасности новых буржуазных сил, которые все более выбивались, на его взгляд, из-под контроля власти, по своей природе призванной быть всепоглощающей. Он призывал самодержавие активно противостоять им, заняв ключевые позиции в экономике²⁴. Необходимо отметить, что переход к практике и идеологии государственного капитализма происходил во многом спонтанно и был вызван «изменениями местных обстоятельств и идей». Дело в том, что в 1879 г. «Германия ввела высокую пошлину на ввозной хлеб и это пункт с которого начался довольно резкий поворот в истории таможенной политики во всей Европе. В России повышение по-

¹⁸ Московские ведомости. – 1867 - 28 января. - № 24.

¹⁹ Московские ведомости . - 1869. - № 260. - 29 ноября, № 276. – 19 декабря.

²⁰ Московские ведомости. – 1875. - № 62. - 10 марта.

²¹ Московские ведомости. – 1882. - № 92. - 4 апреля.

²² Московские ведомости. – 1867. - № 279- 21 декабря.

²³ Московские ведомости. – 1869. - № 69. - 29 марта; 1868.- № 31- 9 февраля; 1882.-№141. - 23 мая; 1882. - № 138. - 20 мая; 1884. - № 123.- 5 мая.

²⁴ Московские ведомости. - 1883. - № 283. - 12 октября.

шлин совершилось под влиянием настойчивых ходатайств наших фабрикантов»²⁵.

Анализ идеологии самодержавия показал, что постепенно, под действием обстоятельств национал-консервативная идеология вобрала в свой состав жизненно необходимые для самодержавия идеи буржуазного развития, но в самой нейтральной, в смысле благонадежности, сфере – экономической в виде идеологии протекционизма и государственного капитализма. Показательна в этом плане эволюция взглядов одного из главных идеологов той эпохи – министра финансов Н.Х. Бунге от сторонника фритредерства до организатора умеренного протекционизма²⁶. Именно благодаря позиции и усилиям Н.Х. Бунге буржуазное реформирование экономики страны ускорилось: произошли отмена подушной подати и понижение выкупных платежей, к уплате налогов были привлечены имущие классы и торгово-промышленные предприятия. «В финансовую систему вводилось новое начало... – обложения по прибылям...»²⁷. Были учреждены податная и фабричная инспекции. Началось наступление на железнодорожные монополии.

Значение Н.Х. Бунге как государственного идеолога проявилось и в выборе общего направления социального развития России. В пореформенное время многочисленные парадоксы русской жизни выпукло отобразились в парадоксах идеологии, позволяя одно и то же и восхвалять, и отвергать. Наиболее выдающимся проявлением этой действительности стало то, что в большом и главном тон в России задавала антибуржуазность.

Настрой был решительно антибуржуазный в той самой среде, которой хотелось утверждения буржуазных порядков, свобод, изобилия. Антибуржуазность была свойственна не только левым радикалам, но и некоторым государственным чиновникам, и даже многим либералам²⁸. В этих условиях большую популярность стало приобретать социалистическое учение, причем не только в левых, но и в правых кругах. Наи-

²⁵ Судейкин В. Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского). – СПб., 1895. – С. 40.

²⁶ См.: Судейкин В.Т. Указ. соч. – С. 8, 39.

²⁷ Там же. – С.29.

²⁸ См.: Соловьев Ю.Б. Идеология контрреформ как показатель чрезвычайных трудностей обуржуазивания России // Россия в девятнадцатом веке: Политика. Экономика. Культура / Под ред.В.И Старцева. – СПб., 1994. – С. 235.

307. Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России, 1861–1900 гг. – М., 1974. – 250 с.

308. Лаверычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России. – М., 1963. – 420 с.

309. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 13–17.

310. Лаптев И. По поводу одной экономической дискуссии // Правда. – 1948. – 26 января.

311. Лебедев С.К. Некоторые итоги изучения истории иностранного капитала в России: Отечественная литература 90–х годов // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX вв. – СПб.-Кишинев, 2001. – С. 373–390.

312. Левидова С.М. История Онежского (бывшего Александровского) завода. – Петрозаводск, 1938. – 138 с.

313. Левин Ш.М. К вопросу об исторических особенностях русского утопического социализма // Исторические записки. – 1948. – Т. 26. – С. 217 – 257.

314. Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-х годы XIX века. – М., 1958. – 512 с.

315. Левковский А.И. Особенности развития капитализма в Индии. – М., 1963. – 589 с.

316. Левковский А.И. Третий мир в современном мире. – М., 1970. – 120 с.

317. Левыкин К.Т., Сиволобов А.М., Шарапов Г.В. О книге «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности» // Вопросы истории КПСС. – 1979. – № 11. – С. 108.

318. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971. – 340 с.

319. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. – М., 1981. – 285 с.

320. Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. – М., 1995. – 548 с.

321. Леонтьев А.А. Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. – СПб., 1909. – 30 с.

322. Лескова Л.И. Изменения в численности и социальном составе уральских рабочих в 1910–1914 гг. // Исторические записки. – 1960. – Т. 67. – С. 256 – 274.

323. Лившин Я.И. Монополии в экономике России (Экономические организации и политика монополистического капитала). – М., 1961. – 447 с.

324. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г.: Черноземный центр, 1861–1895 гг. – М., 1972. – 423 с.

325. Литуев В.Н. Движение дворянского землевладения в Нечерноземье в эпоху капитализма // История СССР. – 1983. – № 2. – С. 104.

326. Лифшиц Г.М., Лященко Г.К. Как создавалась программа второй «Земли и воли» // Вопросы истории. – 1965. – № 9. – С. 36 – 50.

327. Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 гг. – СПб., 1997. – 133 с.

286. Кривоногов В.Я. Из истории уральской металлургии первой половины XIX века: (О рецензии академика С.Г. Струмилина на 9-й том «Исторического архива») // Вопросы истории. – 1954. – № 12.
287. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Л., 1984. – С. 478. – 664 с.
288. Кристенсен С.О. История России XVII вв.: Обзор исследований и источников. – М., 1989. – 254 с.
289. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М., 1990. – 638 с.
290. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л., 1976. – 299 с.
291. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л., 1981. – 143 с.
292. Крупина Т.Д. К вопросу о взаимоотношениях царского правительства с монополиями // Исторические записки. – 1956. – Т. 57. – С. 144 – 176.
293. Крупина Т.Д. Монополистический капитал в России и царское самодержавие (1907–1914 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1954. – 16 с.
294. Крылов В.В. Капиталистически ориентированная форма общественного развития освободившихся стран (к методологии марксистского исследования) // Рабочий класс и современный мир. – 1983. – № 2. – С. 22.
295. Крылов В.В. Некоторые аспекты аграрного развития Африки // Азия и Африка сегодня. – 1981. – № 3. – С. 30.
296. Кузнецов И.В. Об укладах и многоукладности капиталистической России // Вопросы истории. – 1974. – № 7. – С. 21.
297. Кузьминов И. О государственно-монополистическом капитализме // Большевик. – 1948. – № 5. – С. 54 – 73.
298. Кукушкин Ю. Русская государственность от общины к советам // Диалог. – 1999. – № 11. – С.65– 70.
299. Куликов С.В. Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Материалы конференции памяти В.С. Дякина. – СПб.-Кишинев, 2001. – С. 263–298.
300. Кулишер И.М. Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (дореформенное время), постановка их в нашей литературе // Архив истории труда. – 1921. – Кн. 1. – С. 28.
301. Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. – СПб., 1912. – 49 с.
302. Кульпин Э.С. Путь России. – М., 1995. – 200 с.
303. Купечество в России. XV – первая половина XIX века. Сборник статей в честь профессора А.А. Преображенского. – М., 1997. – 333 с.
304. Купцов А.Г. Земля — ЕК, или Столыпинская катастрофа России. – М, 2002. – 168 с.
305. Лаверычев В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России. – М., 1982. – 200 с.
306. Лаверычев В.Я. К вопросу об особенностях империализма в России // История СССР – 1971. – № 1. – С. 89–90.

большую полноту идея правого социализма получила в трудах К.Н. Леонтьева. Он предлагал в качестве спасения России союз социализма с русским самодержавием: «Чувство мое пророчит мне, что славянский православный царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место либерально-буржуазной. И будет этот социализм новым и суровым трояким рабством: общинам, Церкви и Царю. И вся Америка эта... к черту!»; «Если социализм – не как нигилистический бунт и бред всеотрицания, а как законная организация труда и капитала, как новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ, имеет будущее, то в России создать этот новый порядок, не вредящий ни Церкви, ни семье, ни высшей цивилизации, – не может никто, кроме Монархического правительства»²⁹. Чуть позже Союз русского народа принял «почти ту же социальную программу и почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные. Разница была в том лишь, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем Самодержавного Царя, как представителя интересов народа и его защитника от утеснения богатых, а другие – именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую пролетарскую республику»³⁰.

Представляется, что позиция Н.Х. Бунге способствовала развитию сложившейся модели модернизации и охранению ее от сползания к государственному социализму. Признавая, что процесс формирования буржуазного общества порождал многие противоречия общественного развития, обусловленные объективным ходом событий и правительственной политикой, Н.Х. Бунге в начале 1890-х годов проанализировал проникновение радикальных, социалистических идей в Россию и написал записку в адрес Александра III, которую прочитал уже Николай II. В контексте нашего исследования важны его оценочные суждения.

²⁹ Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854-1891). – СПб., 1993. – С.437; Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). – М., 1996. – С.395.

³⁰ Крыжановский С.Е. Воспоминания (из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи). - Берлин, Б.Г. – С.153.

Н.Х. Бунге писал: «На социализм надо смотреть не как на нечто могущее быть искорененным, но как на нечто требующее введения в известные границы, причем общественная жизнь получает более правильное и нормальное течение. Нельзя искоренить социализм, как нельзя искоренить микробов. Без желания счастья и стремления к нему застыла бы сама жизнь. Вопрос в том, в чем заключается счастье!»

Для успешной борьбы с социализмом необходимы нравы, учреждения и законы, упрочивающие нравственное и материальное благосостояние всех и каждого, как классов, владеющих недвижимым имуществом, так и рабочих. Необходимо возможное пробуждение и развитие семейного духа, необходимо возможное распространение частной собственности и учреждения, обеспечивающие союзность и соглашение интересов как в среде отдельных категорий населения, так и между этими категориями...»³¹.

Н.Х. Бунге предостерегал от «неограниченной власти администрации относительно назначения цен, власти, которая будет могущественнее всех возможных коалиций капиталистов», отмечал полезность «опытов замены свободным частным хозяйством» принудительного государственного или общественного хозяйств, спрашивал, «многие ли из бедняков, придавленных нищетой, могут понять, что недвижимая собственность, наследство составляют условие для индивидуального развития человека и для упрочения семейного духа, что денежные капиталы вывели человека из состояния рабства и зависимости, что соперничество есть символ свободы личности?».

Переход России к элементам государственного социализма в тот период был не самой острой, но обсуждаемой темой. О ней писали и за границей. Так Ф. Энгельс в 1894 г. отмечал, что в условиях расцвета промышленного капитализма в Англии «нельзя же было в самом деле требовать от России, чтобы она на основе крестьянской общины бросилась очертя голову производить сверху государственно-социалистические эксперименты»³².

³¹ Записка, найденная в бумагах Н.Х. Бунге. 1881-1894 гг. - СПб., 1896. - С.136.

³² Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. - М., 1962. - Т.22. - С.450-451.

265. Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). - М., 1959. - 276 с.

266. Ковальченко И.Д. Ленин об этапах революционного движения в XIX веке // Вопросы истории. - 1960. - № 4. - С. 59 - 76.

267. Ковальченко И.Д. Ленин В.И. о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. - 1970. - № 3. - С. 30- 51.

268. Ковальченко И.Д. Многомерность исторического развития: типология, периодизация, цивилизационный подход // Свободная мысль. - 1995. - № 1. - С. 77-88.

269. Ковальченко И.Д. Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX века // История СССР. - 1962. - № 1. - С. 88.

270. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. - М., 1967. - 400 с.

271. Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. - М., 1971. - С. 191.

272. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII - начало XX вв. Опыт количественного анализа. - М., 1974. - 413 с.

273. Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. - М., 1982. - 264 с.

274. Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). - М., 2002. - 560 с.

275. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е - начало 60-х годов. - М., 1999. - 384 с.

276. Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. - СПб., 1996. - 340 с.

277. Козьмин Б.П. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Исторические записки. - 1959. - Т. 65.

278. Кокин М., Папаян Г. «Изин-Тянь». Аграрный строй древнего Китая. - Л., 1930. - 184 с.

279. Коларов В. Против протаскивания каутскианства в вопросе о госкапитализме // Аграрные проблемы. - 1931. - Кн. 11-12. - С. 26-31.

280. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России, 1861-1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. - М., 1979. - 292 с.

281. Королева С.И. Торговое сословие России. - СПб., 1998. - С. 4 - 46

282. Корольчук Э.А. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». - Л., 1940. - 40 с.

283. Кочетовская Е.Н. Национализация земли в СССР. 2-е изд. доп. - М., 1952. - 244 с.

284. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник 1996. - М., 1996. - 166 с.

285. Крестьянское хозяйство: история и современность. - Вологда, 1992. - Ч. 1. - 184 с.

241. Калинычев Ф.И. Государственная дума в период первой русской революции (1905–1907 гг.): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. – М., 1965. – 39 с.
242. Капитализм на Востоке во второй половине XX в. – М., 1995. – 603 с.
243. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М., 1991. – С. 16–20.
244. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой победы. – М., 2002. – 528 с.
245. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. – СПб., 1905. – С. 5–69.
246. Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. (1860–1914 гг.) – М., 1951. – 216 с.
247. Карпачев М.Д. Истоки российской революции. Легенды и реальность. – М., 1991. – 269 с.
248. Карпович М.М. Имперская Россия (1801–1917 гг.) // Вернадский В.Г. Московское царство. Часть 2. Тверь. – М., 1997. – С. 292–360.
249. Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. – М., 1926. – С.29.
250. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. – М., 1949. – Т. 1. – 524 с.
251. Кашинцев Д.А. История металлургии Урала. – М., 1936. – Т. I – 294 с.
252. Кащенко С.Г. Отмена крепостного права в столичной губернии. Из истории государственных реформ в России второй половины XIX века. – СПб., 2002. – 342 с.
253. Кирьянов Ю.И. Влияние первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих России // Вопросы истории. – 1960. – № 10. – С. 89 – 101.
254. Кирюхина Е. Местные организации ВКС в 1906 году // Ученые записки. Кировский педагогический институт. – 1956. – № 10.
255. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. – Л., 1978. – 44 с.
256. Клифф Т. Государственный капитализм в России. – Б.М., 1991. – 287 с.
257. Ключевский В.О. Исторические портреты. – М., 1990. – 622 с.
258. Ключевский В.О. История сословий в России // Полный курс лекций. – Минск, 2004. – 208 с.
259. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: В 8 т. – М., 1956. – Т. 1 – 427 с.; 1958. – Т. 4. – 422 с.; 1957. – Т. 2. – 468 с.
260. Кобищанов Ю.М. Теория большой феодальной формации // Вопросы истории. – 1992. – № 4–5. – С. 57–72.
261. Ковалевский М.М. Экономический строй России. – СПб., 1899. – 147 с.
262. Ковальченко И.Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX – начале XX века // История СССР. – 1979. – № 2. – С. 62–63.
263. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М., 2004. – 504 с.
264. Ковальченко И.Д. Исследование истины должно быть истинным // Коммунист. – 1989. – № 2. – С. 92.

Консервативная идеология, несмотря на наличие в ней элементов буржуазной модернизации, в 1880-1890-х годах приобрела ряд депрессивных черт.

Во-первых, в правительственных кругах выработалась привычка рассматривать государственные дела с точки зрения борьбы с нигилизмом и терроризмом. В результате, главной задачей считалось не решение проблем государственной жизни, а сохранение спокойствия и порядка³³. Тем самым полицейские функции государства ставились выше функций развития, а государственная идеология разрывалась между «идеологией порядка» и «идеологией модернизации».

Во-вторых, в основе поведения правительства лежала мысль о необходимости борьбы с любой автономной акцией общественных сил, так как либеральный принцип автономии, легший в основу земской и городской реформ Александра II, считался несовместимым с самодержавием. Об этом ярко говорил К.П. Победоносцев в своей знаменитой речи на совещании 8 марта 1881 г.³⁴.

В-третьих, механическое сочетание в государственной идеологии традиционных ценностей патриархальной империи с ориентацией на технологические завоевания западной индустриальной цивилизации привело к существенным ошибкам государственной политики – к запаздыванию проработки социальной программы и непропорциональности в выстраивании базовых приоритетов социально-экономического развития.

К концу XIX - началу XX в. проблемы буржуазной модернизации все настойчивее отодвигали в сторону охранительство и на первый план выводили «идеологию буржуазного развития». Ее главным «инженером», вдохновителем и практиком стал С.Ю. Витте. Именно при нем «идеология буржуазного развития» стала приобретать стройные, осмысленные очертания.

Базовым элементом в мировоззрении С.Ю. Витте является понятие свободы, самоуправления и права. С.Ю. Витте писал: «Люди созданы так, что стремятся к свободе и самоуправлению»³⁵. «Человек всегда

³³ См.: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762 - 1914. – М., 1995. - С.345.

³⁴ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С 322.

³⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960. – Т.3 (17 октября 1905-1911). Царствование Николая II. – С.50.

стремится к свободе. Человек культурный – к свободе и праву: к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой»³⁶; «Ход исторического прогресса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформ, то путем революции»³⁷. Отсюда следовало, что «постепенное развитие местного самоуправления неизбежно ведет к государственному центральному управлению»³⁸, как несомненный закон государственной жизни человечества. С.Ю. Витте указал на ненормальность сочетания в политической жизни России неограниченного самодержавия и местного самоуправления³⁹, так как это ведет, по его взгляду, к деструктивному противостоянию и, в конечном итоге, к революции. В связи с этим, С.Ю. Витте формулирует важнейший исторический урок, актуальный и по сей день: «Нельзя создавать либеральные формы, не пополющая их соответствующим содержанием»⁴⁰.

Исторический подход привел С.Ю. Витте не только к идее гражданской свободы, но и к идее конституционализма: «...Мне любо неограниченное самодержавие, но ум мой после всего пережитого, после всего того, что я видел и вижу наверху, меня привел к заключению, что другого выхода, как разумного ограничения, как устройства около широкой дороги стен, ограничивающих движение самодержавия, нет»⁴¹. Исторический взгляд на проблему привел С.Ю. Витте также к пониманию того, что «общинное владение есть стадия только известного момента жития народов, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм – в индивидуальную собственность...»⁴². «Если когда-либо осуществится в России коллективная собственность вместо общины, то это может произойти только после того, как общинное владение пройдет через горнило индивидуа-

³⁶ Записка С. Ю. Витте Николаю II от 9 октября 1905 г. о необходимости политических реформ // Витте Сергей Юльевич. Хроника. Документы, Воспоминания. / Подготовил к изд. Л.Е. Шепелев. – СПб., 1999. – С. 185.

³⁷ Там же. – С. 189.

³⁸ Витте С.Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни. – СПб., 1914. – С.111.

³⁹ См.: Там же. – С.197-212.

⁴⁰ Там же. – С.212.

⁴¹ Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960. – Т.2 (1894 - октябрь 1905). Царствование Николая II. – С. 306.

⁴² Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб., 1905. – С. 492.

219. Ильин С.В. Операции акционерных коммерческих банков дореволюционной России по материалам их годовых отчетов // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». – 1997. – С. 5–20.

220. Илюшечкин В.П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. – М., 1980. – Вып. I. – С. 14–15.

221. Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблема). – М., 1996. – 406 с.

222. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. – М., 1998. – 640 с.

223. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997. – 323 с.

224. Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново. – 1996. – 521 с.

225. Ионов И.Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. – 1997. – № 6. – С. 130–132.

226. Ионова Г.И., Смирнова А.Ф. Революционные демократы и народники // История СССР. – 1961. – № 5. – С.112 – 140.

227. Исаев Г.С. Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в России. 1760–1860. – Л., 1970. – 324 с.

228. Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 64.

229. Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. – М., 1962. – 276 с.

230. Исторический опыт трех российских революций / Гл. ред. П.А. Голуб и др. – М., 1985. – Кн. 1. – 575 с.

231. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М., 1946. – С. 156.

232. История государства и права СССР / Под ред. Г.С. Калинина и А.Ф. Гончарова. – М., 1972. – 670 с.

233. История и социология. – М., 1964. – 341 с.

234. История московского купеческого общества, 1863–1913. – М., 1916. – Т. 2.

235. История рабочего класса СССР. Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. / Под ред. А.Л. Нарочницкого – М., 1982. – 464 с.

236. История экономического развития России / Под ред. А.К. Шуркалина. – М., 2000. – С. 55–119.

237. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. – М., 1965. – 443 с.

238. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX в. – М., 1997. – 155 с.

239. Казарезов В. Крестьянский вопрос в России: Конец XIX – первая четверть XX в. – М., 2000. – Т. 1.

240. Казарезов В.В. П.А. Столыпин: история и современность. - Новосибирск, 1991. – 127 с.

199. Захарова Л.Г. Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 г. // История СССР. – 1976. – № 4. – С. 63–64.
200. Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. – 1989. – № 10. – С. 3–24.
201. Захарова Л.Г. Александр II // Вопросы истории. – 1992. – № 6-7. – С. 58-79.
202. Зеленский М.О. О двух «новых» теориях происхождения и сущности крепостного хозяйства в России // Борьба классов. – 1931. – № 2. – С. 163.
203. Земцов Б.Н. Ментальность масс в канун «великих потрясений» // Свободная мысль. – 1997. – № 11. – С. 80–93.
204. Злотников М.Ф. К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России (первая половина XVIII века) // История пролетариата СССР. – 1930. – № 1.
205. Злотников М.Ф. От мануфактуры к фабрике // Вопросы истории. – 1946. – № 11/12.
206. Зорин А.А. Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). – М., 1996. – С. 127.
207. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). – СПб., 1996. – 399 с.
208. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. – М., 1992. – 256 с.
209. Зырянов П.Н. Третья дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. – 1969. – № 6. – С. 45 – 62.
210. Иванов Л.М. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России // История СССР. 1959. – № 4.
211. Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. – М., 1971.
212. Иванов Л.М. Распределение землевладения на Украине накануне революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. – 1957. – Т. 60. – С. 176 – 214.
213. Иванов Л.М. Состояние и задачи изучения пролетариата России // Вопросы истории. – 1969. – № 3.
214. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004. – 574 с.
215. Иванов-Разумник Р.В. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М., 1993. – С. 80.
216. Из истории советской интеллигенции. Материалы II симпозиума по истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири. – Новосибирск. – 1974. – 170 с.
217. Ильин С.В. Был ли инвестиционный климат в экономике царской России благоприятным? // Россия в XIX – XX веках. Материалы II Научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. – М., 2002. – 383 с.
218. Ильин С.В. О содержании и формах банковских операций в царской России // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». – 2001. – № 12. – С. 19–34.

лизация, то есть собственности индивидуальной»⁴³. Горячо выступая за установление в России частной крестьянской собственности, С.Ю. Витте подверг резкой критике планы правительства П.А. Столыпина, по которым на месте разрушенной общины появлялись не полноценные в гражданском правовом смысле граждане, а лишенные многих социально-экономических прав подданные⁴⁴.

Наиболее основательно «идеология буржуазного развития» проявилась в экономической части концепции С.Ю. Витте. Для охвата разнообразных народно-хозяйственных задач он вводит в свои построения понятие «экономическая политика» (или «торгово-промышленная политика»)⁴⁵. Ее цель – это быстрое превращение России в индустриально-развитую сверхдержаву. Экономическая политика, на взгляд Витте, должна осуществляться по определенному плану, с помощью передаточного механизма исполнителей, последовательно и систематически в течение достаточно продолжительного времени. Для России, вследствие относительной отсталости развития промышленности, регулирующие функции правительства в осуществлении экономической политики должны быть гораздо шире, чем в иностранных государствах⁴⁶.

Из отраслей народного хозяйства, убеждал С.Ю. Витте Николая II, приоритет следует отдавать промышленности, ибо без нее страна «не может достигнуть настоящей экономической независимости» и «проявлять в полной мере и свое политическое могущество»⁴⁷. Положив в основу анализа три фактора производства: труд, капитал и природные бо-

⁴³ Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960. – Т.2 (1894 - октябрь 1905). Царствование Николая II. – С. 494.

⁴⁴ См.: Записка С. Ю. Витте Николаю II от 9 октября 1905 г. о необходимости политических реформ // Витте Сергей Юльевич. Хроника. Документы, Воспоминания./ Подготовил к изд. Л.Е. Шепелев. – СПб., 1999. – С. 204-206.

⁴⁵ См.: Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить, затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г., не позднее февраля // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. К столетию со дня рождения / Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского. – М., 1999, - Часть 2. – С.177-179.

⁴⁶ См.: Там же. – С.177-180; Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. – СПб., 1910. – С.130.

⁴⁷ Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов о положении нашей промышленности. Февраль 1900 г. // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. К столетию со дня рождения / Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского. – М., 1999, - Часть 2. – С.203.

гатства, С.Ю. Витте выдвинул идею организованного взаимодействия заграничного капитала, с одной стороны, дешевого русского труда и природных ресурсов России, с другой.

Основным средством привлечения иностранного капитала и развития промышленности С.Ю. Витте считал политику самого широкого протекционизма. «Создание своей собственной промышленности, – докладывал он Николаю II, – это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционистской системы», которая должна «продержаться десятки лет для того, чтобы успеть привести к положительному результату»⁴⁸. «Мы владеем дешевым трудом, огромными естественными богатствами, и только дороговизна капиталов препятствует пока из этого всего получать дешевые товары. Пусть иностранные капиталы помогут нам удешевить эту единственную производительную силу, которой мы не богаты, и мы сумеем довести нашу промышленность до такого положения, что она будет в изобилии давать дешевые товары «не только для внутреннего потребления, но и экспорта»⁴⁹.

Практическая сторона народного хозяйства подтолкнула С.Ю. Витте к теоретическим построениям. Он поставил задачу выработки «своей национальной экономики, основанной на индивидуальных особенностях русского грунта»⁵⁰. В качестве первого шага С.Ю. Витте предложил, избегнув крайностей классической политической экономии (манчестерской школы) и «школы государственного социализма», найти конкретно-историческое национальное сочетание рынка и государственного начала, фритредерства и протекционизма⁵¹.

Особое место в концепции С.Ю. Витте занимала железнодорожная политика. Важный урок, который извлек реформатор из опыта предыдущих преобразований, состоял в том, что «железные дороги могли

⁴⁸ Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить, затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г., не позднее февраля // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. К столетию со дня рождения / Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского. – М., 1999, - Часть 2. – С.181,182.

⁴⁹ Там же. – С.192.

⁵⁰ Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. – СПб., 1910. – С.132.

⁵¹ См.: Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. – СПб., 1914. – С.82,65,59.

экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – С. 16–25.

179. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978. – 246 с.

180. Дякин В.С. Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской монархии (1906–1917 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1976. – Т. VIII. – С. 256.

181. Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России. – СПб., 1887. – 87 с.

182. Егiazарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. – М., 1959. – С. 5–35.

183. Егоров В.К. Многоликая Россия: XX век – М., 1998. – С. 44.

184. Ежегодник аграрного симпозиума по истории Восточной Европы. – 1959, 1960, 1961.

185. Емельянов Н.А. Местное самоуправление в дореволюционной России. – Тула, 1996. – С. 45–46.

186. Ермаков В.Т. Интеллигенция России в XX столетии // Интеллигенция России: уроки и современность. – Иваново, 1996. – С. 19.

187. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. – М., 1966. – С. 8.

188. Ермишкина О.К. Проблема генезиса российской интеллигенции в сословном обществе в отечественной историографии (1945–1994 гг.) // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Тезисы докладов, 1995. – С. 387.

189. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968. – 365 с.

190. Ерошкин Н.П. Российское чиновничество // Политическое образование. – 1989. – № 16. – С. 76–80.

191. Живолуп Е.К. Крестьянское движение в Харьковской губернии в 1905–1907 годах. – Харьков, 1956. – 136 с.

192. Жидков Г.П. Отечественная история в современной историографии периода развитого социализма. – Калининград, 1983. – 88 с.

193. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968. – 368 с.

194. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – 288 с.

195. Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 гг. – М., 1958. – 470 с.

196. Заозерская Е.Н. К вопросу о развитии крупной промышленности России в XVIII в. // Вопросы истории. – 1947. – № 12. – С. 73.

197. Захарина В.Ф. Революционные народники 70-х годов — идеологи крестьянской демократии // История СССР. – 1963. – № 5. – С. 101 – 116.

198. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. – М., 2002. – 400 с.

159. Днепров Э.Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. - М., 1965. - С. 229-238.

160. Долбилов М.Д. Проекты выкупной операции 1857-1861 гг.: К оценке творчества реформаторской команды // Отечественная история - 2000. - № 2. - С. 15-36.

161. Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. - М., 1990. - 164 с.

162. Дроздов В.В. Исторический опыт Столыпинской реформы // Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. - М., 1995. - С. 68-70.

163. Дружинин Н.М. Генезис капитализма в России // X международный конгресс историков в Риме. Доклады советской делегации. - М., 1956. - С. 193.

164. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. - М.-Л., 1946. - Т. 1. - 635 с.

165. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. - М., 1978. - 287 с.

166. Дружинин Н.М. Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. - М., 1988. - 380 с.

167. Дружинин Н.П. Юридическое положение крестьян. СПб., 1897. - 385 с.

168. Дубенцов Б.Б. Вопрос об отмене гражданских чинов в правительственной политике 80-х гг. XIX в. // Проблемы отечественной истории. - М.-Л., 1974. - Ч. II.

169. Дубенцов Б.Б. М.Т. Лорис-Меликов и «охранители» в 1880-1881 гг. // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. - СПб., 2003. - С.66.

170. Дубенцов Б.Б. Высшее чиновничество в России в конце XIX - начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX - начале XX века. Сборник научных трудов. - М., 1988. - С. 46-61.

171. Дубенцов Б.Б. Самодержавие и чиновничество в 1881-1904 гг. (Политика царского правительства в области организации государственной службы): Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1977. - 22 с.

172. Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. - М., 1929. - 170 с.

173. Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. - М., 1956. - 168 с.

174. Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. - М., 1975. - 398 с.

175. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. - М., 1963. - 599 с.

176. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. - М., 1983. - 272 с.

177. Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI-XVII вв.). - СПб., 1898. - 360 с.

178. Дякин В.С. Выступление на вечере «Государственная дума вчера и сегодня... 1906-1917-1993» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-

послужить экономическим стимулом процесса индустриализации только в том случае, если их строительство будет полностью интегрировано в общую экономическую политику (стабильная валюта, протекционистские тарифы и единомушние в правительстве)»⁵².

Наиболее противоречиво шло формирование государственной идеологии модернизации в области аграрных преобразований. С.Ю. Витте приходилось лавировать между четырьмя позициями. Официальное направление аграрной политики развивалось под руководством В.К. Плеве и было представлено результатами работы совещания А.И. Звегинцова⁵³. Выводы совещания наносили удар по экономическому курсу С.Ю. Витте и защищали интересы помещиков. В трудах совещания была представлена безрадостная картина хозяйственного «оскудения» Центра (в неразрывной связи крестьянских и помещичьих интересов) и определены причины сложившегося положения: переход к денежному хозяйству и падение мировых цен на хлеб, чрезмерная налоговая нагрузка и общий экономический курс С.Ю. Витте. В то же время был отвергнут аргумент С.Ю. Витте о росте имущественной дифференциации в крестьянской среде.

Чтобы нейтрализовать требования совещания и стоящих за ним помещичьих кругов о фактическом свертывании индустриализации и расширении традиционного попечительства, прежде всего, по отношению к помещичьему хозяйству, С. Ю. Витте неожиданно поддержал либерально-народнических экономистов А.И. Чупрова и А.С. Посникова, доказывавших преобладание натурального характера в экономике крестьянского хозяйства⁵⁴ и тем самым сумел поколебать традиционное представление о неразрывной связи крестьянских и помещичьих интересов. Отталкиваясь от этого, министр финансов перевел проблему в правовую плоскость, потребовав создания условий, облегчающих переход крестьянской экономики к денежному хозяйству.

⁵² Рибер А. Железные дороги и экономическое развитие: истоки системы Рейтерна // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. - СПб., 2003. - С. 174.

⁵³ См.: Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды Особого совещания 1899-1901 гг. Сост. А.Д. Поленов. - М., 1901.

⁵⁴ См.: Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. - СПб., 1897. - Т. I. - Введение.

На заседании Комитета министров С.Ю. Витте 13 апреля 1898 г. нанес еще один удар по выводам совещания Звегинцова. Он отрицал вроде бы очевидный факт чрезмерного обложения крестьянства и связь его с индустриализацией. По С.Ю. Витте причина чрезмерной нагрузки лежала в «непроизводительных» расходах⁵⁵.

Чтобы дезавуировать работу совещания Звегинцова министр финансов, ссылаясь на ограниченность источников совещания, инициировал создание Комиссии Центра⁵⁶, в которой большинство составили либеральные чиновники Департамента окладных сборов. Их оппозиция официальному продворянскому курсу внутри правительства нашла в ряде существенных проблем поддержку в формирующемся земском либерализме, который, однако, высказался за более радикальный вариант буржуазного развития: правительственной идеализации крестьянского сословного строя земцы противопоставили требование полной ликвидации сословной обособленности, повышения культурного уровня крестьянства⁵⁷. Комиссия центра, солидаризируясь во многом с запиской земцев, выдвинула следующие важнейшие положения: об общем характере кризиса крестьянского хозяйства, о преимущественно натуральном экономическом укладе Центра, об относительном характере малоземелья (в отличие от «абсолютного малоземелья» в записке земцев), необходимости активизации деятельности Крестьянского банка, постепенном понижении выкупных платежей. Предложения земцев о развитии долгосрочной аренды и необходимости замены косвенных налогов прямым подоходным налогом комиссия не приняла.

Добившись изоляции представителей дворянской позиции, С.Ю. Витте не пошел на открытое противопоставление официальному направлению аграрной политики. Именно поэтому обсуждение проблемы

138. Грановский Е.Л. Монополистический капитализм в России. – Л., 1929. – 168 с.

139. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 гг. – М., 2001. – 96 с.

140. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. – М., 2003. – 256 с.

141. Греков Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. – М.-Л., 1940. – 116 с.

142. Гречкина Э.Р. Средние слои на пути к социализму. – Таллинн, 1976. – 187 с.

143. Грико Т.И. Техничко-технологическое состояние металлургических предприятий юга России (1909–1913 гг.) // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России» – 1998. – № 5. – С. 32–44.

144. Гриценко Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья. Автореф. дис. ...д-ра. ист. наук. – М., 1961. – 35 с.

145. Гросул В.А. Владимир Александрович Черкасский // Российские либералы. – М., 2001. – С. 164.

146. Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. – М., 2003. – 517 с.

147. Гуляев А.И. Торговля и торговые установления. – М., 1912. – 291 с.

148. Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. – Челябинск, 1995. – 233 с.

149. Гуськова Т.К. Облик рабочих Урала // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. – М., 1970. – С. 293–316.

150. Давидович А.М. Русский абсолютизм // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1–6 июля 1946 г. – М., 1948.

151. Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). – М., 1975. – 350 с.

152. Давидович А.М., Покровский С.А. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма // История СССР. – 1969. – № 1. – С. 64–65.

153. Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // Россия в XX веке. Реформы и революции в 2-х тт. – М., 2002. – Т. 1. – С. 20–37.

154. Данилов В.П. К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР // Вопросы истории. – 1960. – № 8. – С. 34–64.

155. Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. – Л., 1980. – 176 с.

156. Дедов Н.Н. История государства и права СССР. – Свердловск, 1971. – Часть 1. – 440 с.

157. Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): Механизм функционирования. – М., 1996. – С. 83–162.

158. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. – СПб., 1875–1877. – Т. 1 – 508 с.; Т. 2 – 565 с.

⁵⁵ РГИА, ф. 1263, оп. «Алфавит к журналам Комитета», 1898 г., д. 5334, л. 495-499.

⁵⁶ См. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903.

⁵⁷ См.: Записка представителей земских учреждений в Комиссию о Центре // Народное хозяйство. – 1903. – Кн.6, ноябрь-декабрь. – С. 201-223.

116. Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. – 1963. – № 2. – С. 57 – 80, №3. – С. 37 – 60.
117. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала России – М., 1948. – 454 с.
118. Гиндин И.Ф., Иванов Л.М. О неравномерности развития российского капитализма в начале XX века // Вопросы истории. – 1965. – № 9. – С. 125 – 135.
119. Гиндин И.Ф., Тимошенко В. Многоукладность в социально-экономической структуре России конца XIX – начала XX в. // Экономические науки. – 1982. – № 2. – С. 61– 68.
120. Гиндин И.Ф., Шепелев Л.Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторические записки. – 1960. – Т. 66. – С. 20 – 95.
121. Гинев В.Н., Цамутали А.Н. В борьбе за свободу // «Народная воля» и «Черный предел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. / Под ред. С.С. Волка. – М., 1991. – С. 5–49.
122. Гинзбург М.И. Нефть и Бакинская нефтяная промышленность. – Киев, 1915. – 72 с.
123. Гладков И. Об изменениях в экономике капитализма в результате второй мировой войны // Большевик. – 1947. – № 17.
124. Глебов Б.Д., Ульяновский А.Г., Мительман М.И. История Путиловского завода, 1789–1917 гг. – М.-Л., 1939. – 189 с.
125. Глинский Б.Б. Очерки русского прогресса. – СПб., 1900. – 579 с.
126. Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. – СПб., 1996. – 153 с.
127. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. Соч. В 8 т. – М., 1984. – Т. 7. – С. 222–223.
128. Голобуцкий В.А. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации // Вопросы истории. – 1959. – № 9. – С. 123.
129. Головин Ф.А. Записки // Красный архив. – 1926. – Т. 6. – С. 126–127.
130. Головин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. – 1997. - №8. – С.68-69.
131. Гольц Г.А. Универсальное и специфическое в российской истории // Общественные науки и современность. – 1999. – № 3. – С. 87–99.
132. Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. – Тамбов, 1974. – 233 с.
133. Городские средние слои в трех российских революциях. – М., 1989. – 191 с.
134. Гохберг И.К. Рабочее и профессиональное движение в России в период столыпинской реакции (1908–1912 гг.). – М., 1947.
135. Голубева О.Д. М.А. Корф. – СПб., 1995. – 167 с.
136. Гохлернер В.М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Исторические записки. – 1955. – Т. 52. – С. 206.
137. Граве Б.Б. Была ли царская Россия полуколонией? // Вопросы истории. – 1956. – № 6. – С. 63–74.

«оскудения» было свернуто и все свелось к вопросу о понижении выкупных платежей⁵⁸.

Таким образом, идеологическая концепция С.Ю. Витте представляла из себя систему либерального национализма, в которой либеральные ценности свободы, частной собственности, рынка, права, конституционного представительства, самоуправления достигаются средствами промышленного национализма. Слабость программы С.Ю. Витте состояла в том, что она делала ставку на форсированном развитии, а, значит, неминуемом возникновении больших межсекторных разрывов между сельским хозяйством и промышленностью, экономической и политической сферой.

Свою концепцию С.Ю. Витте активно внедрял не только административным путем, но и с помощью идеологического воздействия. За весь предшествовавший 30-летний период и даже позднее, до начала деятельности III Думы, экономическая политика правительства никогда не получала столь широкой огласки в официальных документах и выступлениях, предназначенных для широкого сведения, как в 1893 – 1903 годах. Начиная с первого «Всеподданнейшего доклада министра финансов о росписи государственных доходов на 1893 год» и кончая последним своим докладом, С.Ю. Витте, формально обращаясь к царю, излагал и обосновывал все основные установки экономической политики. Все это сопровождалось и официозными статьями, и сообщениями в журнале «Вестник финансов, торговли и промышленности» и в других органах министерства, и полемикой по поводу выступления русской и иностранной печати⁵⁹.

Особенностью этого этапа явилось усиление расхождений в верхах по некоторым основным вопросам экономической политики. Ухудшавшееся под действием мирового аграрного кризиса положение наиболее влиятельных помещиков российского Центра вызвало появление их особой экономической «программы». Суть ее сводилась к тому, чтобы искать выход за счет усиления полукрепостнической эксплуатации кре-

⁵⁸ См.: Симонова М.С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. – М., 1971. – С. 260-261.

⁵⁹ См.: Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. – 2007.- №2. – С.90-91.

стьянства, всемерной консервации общины, снижения курса рубля, что увеличивало выручку за экспортируемый хлеб при обмене иностранной валюты на рубли, за счет отмены высокого протекционизма и за счет широкой государственной финансовой поддержки. Ведение золотой валюты означало для них крах всех расчетов на искусственное улучшение условий хлебного экспорта⁶⁰.

С началом Первой русской революции С.Ю. Витте осознал крайнюю необходимость идейного завоевания широких масс. Он увидел слабость системы государственной пропаганды: пресса была «совершенно деморализована», газеты и журналы контролировались наборщиками, отсутствовали официальные пропагандистские издания. Ситуация особенно обострилась после утверждения 24 ноября 1905 г. «временных правил о повременных изданиях»,⁶¹ отменивших предварительную цензуру.

Следует отметить, что С.Ю. Витте имел большой опыт использования прессы в политических целях и потому он решил его использовать на новом поприще. «Когда я сделался председателем Совета министров, - писал С.Ю. Витте в своих воспоминаниях, - то для того, чтобы давать обществу надлежащее объяснение, и для опровержения всевозможных выдумок, которыми кишели все газеты... я основал правительственный орган под заглавием «Русское государство», который издавался «Правительственным вестником», но в более литературной и в более свойственной ежедневным газетам форме. Мысль об издании такой газеты мне дал Татищев (автор истории Александра II)»⁶². Со смертью С.С. Татищева подготовку к реорганизации «Правительственного вестника» продолжил А.Н. Гурьев.

Тираж «Русского государства» был определен в 52 тыс. экз., из них 12 тыс. предполагалось бесплатно рассылать подписчикам «Правительственного вестника», а 40 тыс. распространять по подписке и в розничной продаже. 27 января 1906 г. всем губернаторам был разослан циркуляр о необходимости прорекламировать на страницах «Губернских ведомостей» новую правительственную газету, в январе 1906 г. выход «Русского государства» анонсировался во всех официальных изданиях,

⁶⁰ См.: Там же. – С.91.

⁶¹ ПСЗ РИ. - Собр. 3-е.- Т. XXV.- № 26962.

⁶² Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960 – Т. 3. – С. 316.

99. Галузо П.Г. Колониальная система Российского империализма в канун Октябрьской революции // Казахстан в канун Октября: Сборник статей. / Под ред. П.Г. Галузо – Алма-Ата, 1968. – 284 с.

100. Гальперин Г.Б., Королев А.И. Методологические и теоретические вопросы истории государства и права СССР. – Л., 1974. – 103 с.

101. Гапоненко Л.С. Российский пролетариат, его численность и территориальное размещение по основным промышленным районам накануне социалистической революции // Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 гг. – М., 1964.

102. Гафуров С. Заметки о классовой сущности СССР // Альтернативы. – 1997. – № 4. – С. 129.

103. Гефтер М.Я. Страница из истории марксизма начала XX века // Историческая наука и некоторые проблемы современности: Ст. и обсуждения. – М., 1969. – С. 21.

104. Гефтер М.Я. Царизм и монополии в топливной промышленности России накануне первой мировой войны: Дис. ... канд. истор. наук. – М., 1953. – С. 283.

105. Гефтер М.Я. Царизм и монополистический капитал в металлургии Юга России до первой мировой войны (к вопросу о подчинении государственного аппарата царизма монополиям) // Исторические записки. – 1953. – Т. 43. – С. 70 – 130.

106. Гиндин И.Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX – начало XX в.) // Исторические записки. – 1980. – Т. 105. – С. 105 – 149.

107. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. – М., 1960. – 415 с.

108. Гиндин И.Ф. Государственный капитализм в России домонополистического периода // Вопросы истории. – 1964. – № 9. – С. 72–95.

109. Гиндин И.Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности, в сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. Сборник статей. – М., 1968. – С. 321–356.

110. Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. - Саратов, 1988. – 342 с.

111. Гиндин И.Ф. Московские банки в период империализма (1900–1917 гг.) // Исторические записки. – 1956. – Т. 58.

112. Гиндин И.Ф. О величине и характере русского государственного долга в конце 1917 гг. // История СССР. – 1957. – № 5. – С. 166 – 172.

113. Гиндин И.Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX вв. // История СССР. – 1966. – № 3. – С. 48 – 66.

114. Гиндин И.Ф. Проблемы «модернизации» и индустриализации и их видоизменение с XVI по XX век // Материалы к V Международному конгрессу экономической истории. – М., 1970. – 19 с.

115. Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. – 2007.- №2. – С.90-91.

82. Волобуев П.В. Народные восстания в России в начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. – М., 1971. – С. 360–371.

83. Волобуев П.В. Октябрьская революция — главное событие XX века или трагическая ошибка? // Диалог. – 1990. – № 3. – С. 64–76.

84. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 гг. – М., 1964. – 358 с.

85. Вопросы генезиса капитализма в России. Сборник статей. – Л., 1960. – 240 с.

86. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972. – 376 с.

87. Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. К 75-летию академика Н.М. Дружинина. – М., 1961. – 434 с.

88. Воровский В.В. О природе абсолютизма. – М., 1932. – Т. 1. – С. 199.

89. Воронкова С.В. Проблемы исследования индустриального преобразования России в начале XX века // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». 1999. – № 8. – С. 7–25.

90. Воронкова С.В. Эволюция производственно-отраслевой структуры российской промышленности в конце XIX – начала XX вв. (методологические и источниковедческие аспекты) // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России» – 1997. – № 1. – С. 53–63.

91. Воронкова С.В., Грико Т.И. Деятельность научного семинара «Индустриализация в России» (1995–2001): некоторые исследовательские итоги и задачи дальнейшей работы // Там же. – 2001. – № 12. – С. 4–18.

92. Востриков Н.И. Борьба за массы (Городские средние слои накануне Октября). – М., 1970. – 200 с.

93. Гавлин М.Л. Московский торгово-промышленный капитал в конце XIX в. (по материалам гильдейского налогообложения в Москве) // Русский город: Москва и Подмосковье. – М., 1981. – Вып. 4. – С. 45–65.

94. Гавлин М.Л. Роль винных окупов в формировании крупных капиталов в России XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С. 92–110.

95. Гавлин М.Л. Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории. Сборник статей / Под ред. А.М. Анфимова. – М., 1973. – С. 166–188.

96. Галахов В.В. Торгово-промышленное предпринимательство во второй половине XIX в. (По материалам промысловой статистики Центрально-промышленного района) // Царизм и развитие капитализма в пореформенной России. Сборник статей. – М., 1984. – С. 87–109.

97. Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана. 1867–1914 гг. – Алма-Ата, 1965. – 345 с.

98. Галузо П.Г. Из истории аграрных отношений дореволюционного Семиречья (конец XIX – начало XX вв.) // Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. – М., 1962. – С. 290–340.

газета была освобождена от платы за пересылку. 1 февраля 1906 г. вышел первый номер «Русского государства», вечерней газеты «Правительственного вестника», а последнему был придан характер официального бюллетеня правительства⁶³.

Руководители «Русского государства» представляли газету как «беспартийный» орган (что было новым элементом в деятельности правительственной прессы), готовые печатать любые статьи в пределах «между революцией - с одной стороны, и реакцией – с другой»⁶⁴. Новая газета печатала на своих страницах политические статьи по актуальным общественно-политическим и социально-экономическим вопросам. Критика правительства допускалась, но самая умеренная. Анонимность публицистических статей весьма снижала их ценность и общественное звучание.

По настоянию С.Ю. Витте в каждом министерстве и ведомстве был определен чиновник, в задачу которого входил контроль за появляющимися в печати сообщениями, требующими соответствующих опровержений. Эти опровержения печатались в «Русском государстве». Министр или главноуправляющий должен был следить, чтобы недостоверная информация о деятельности возглавляемого им ведомства обязательно опровергалась в новой правительственной газете⁶⁵.

Новое издание отразило на своих страницах тот противоречивый политический курс, который стремился проводить в жизнь С.Ю. Витте. Например, признавая несовершенство российских законов, сложность переживаемого страной момента, «Русское государство» однако активно проповедовало «особые карательные правила»⁶⁶, приветствовало строгие меры, применяемые «к бандитам пера и слова»⁶⁷, из номера в номер выражало идею необходимости объединения монархических организаций.

«Русское государство» просуществовало недолго. 25 апреля 1906 г. после отставки С.Ю. Витте оно было преобразовано в строго офици-

⁶³ См.: Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 гг. – СПб., 1997. – С. 44–45.

⁶⁴ Русское государство. - 1906. - 1 Февраля.

⁶⁵ См. : Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 гг. – СПб., 1997. – С.48.

⁶⁶ Русское государство. -1906.- 3 марта.

⁶⁷ Русское государство. - 1906. - 15 марта.

альное издание, без каких либо элементов широкой публицистики и «плюрализма». Попытка команды С.Ю. Витте создать массовую базу своему реформистскому курсу с помощью этого печально издания успехом не увенчалась. За период с 1 февраля по 1 мая 1906 г. на «Русское государство», несмотря на широкую рекламу и специальное бюро по распространению газеты, подписалось 1259 человек на общую сумму 2 722 рублей⁶⁸.

Помимо «Русского государства» пропагандой правительственного курса занимались издания, которые находились под контролем МВД, и в первую очередь «Сельский вестник». 22 марта 1906 г. царем в распоряжение МВД был выдан кредит 100 тыс. руб. на поддержку «полезных изданий», которые в основном происходили из сферы черносотенцев⁶⁹.

В целом, в условиях острого революционного кризиса меры, принятые кабинетом С.Ю. Витте по формированию благоприятного для правительства общественного мнения и массовой идеологической поддержке с помощью официальной печати не привели к сколь-нибудь ощутимым результатам.

В период назревания революционной ситуации начала XX в. определенную лепту в развитие государственной идеологии модернизации внесли и другие высокопоставленные чиновники. П.Д. Святополк-Мирский, С.Е. Крыжановский, И.Я. Гурлянд, К.Ф. Головин, Д.Ф. Трепов, М.С. Путятин, Б.В. Штюрмер выдвинули свои проекты учреждения представительных законосовещательных органов. Но все они носили характер вынужденных и явно запаздавших решений.

Кульминация идеологического творчества самодержавия проявилась в деятельности П.А. Столыпина по формированию необходимого правительству общественного мнения. Еще в Саратове П.А. Столыпиным были сформулированы основные положения, которые затем легли в основу его аграрной реформы. Во всеподданнейшем отчете саратовского губернатора П.А. Столыпина за 1904 г. сообщалось: «Жажда земли, аграрные беспорядки сами по себе указывают на те меры, которые могут вывести крестьянское население из настоящего ненормального положения. Естественным противовесом общинному началу является

⁶⁸ См.: Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 гг. – СПб., 1997. – С. 51.

⁶⁹ См.: Там же. – С. 53.

62. Боханов А.Н. Некоторые проблемы истории монополистической буржуазии в России // Монополистический капитализм в России. Сборник научных трудов. – М., 1989. – С. 163–181.

63. Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск, 1992. – 123 с.

64. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: Время мира – М., 1992. – Т. 3. – 679 с.

65. Бугров А.В. Государственный банк и биржевые синдикаты в России: 1899–1917 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С. 35–45.

66. Бурдина О.Н. Крестьяне-дарственники в России, 1861–1907 гг. – М., 1996. – 248 с.

67. Буровский А.М. Несостоявшаяся империя — 2. Незнакомая Россия: Историческое расследование. – Красноярск-Москва, 2001. – 510 с.

68. Бутенко А.П., Кадочникова Т.Г. Становление социалистического общества и казарменный социализм // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 46–52.

69. В крепостную эпоху на Средней Волге [Сборник] / Под общей ред. проф. И. Катаева. – Москва-Самара, 1934. – 224 с.

70. Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народно-хозяйственное накопление предреволюционной России (Статистическое исследование). – М., 1960. – 483 с.

71. Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. – М., 1924. – 157 с.

72. Варга Е.С. Капитализм после второй мировой войны. – М., 1974. – 555 с.

73. Василевский Е.Г. Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. – М., 1960. – 227 с.

74. Васильев Л.С. Курс лекций по Древнему Востоку: Ближний Восток. – М., 1985. – С. 11–15.

75. Вейнгольд Ю.Ю. Философия в понимании средневековой Руси // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново. – 1996. – С. 73.

76. Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – 430 с.

77. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М., 1998. – 432 с.

78. Вознесенский С.В. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в 1800–1860 гг. Очерки. – М., 1932. – 284 с.

79. Волк С.С. «Народная воля», 1879–1882. – М.-Л., 1966. – 491 с.

80. Волобуев П.В. Великий Октябрь // Наука и жизнь. – 1987. – № 11. – С. 8–14.

81. Волобуев П.В. Монополии и топливный голод в России в 1911–1914 гг. (К вопросу о загнивании монополистического капитализма в России). Автореф. дис. ...канд. истор. наук. – М., 1953. – 12 с.

43. Беспалова Ю.М. Ценностные ориентиры предпринимательства России. – СПб., 1999. – 128 с.
44. Бессонова Т.В. Мещане в городском хозяйстве г. Казани первой половины XIX в. // Классы и социальные группы в судьбах России. – СПб., 2003. – С 80–85.
45. Бирюкова А.Б. Сословный состав городского населения Пензенской губернии в первой половине XIX в. (по данным административного учета) // Классы и социальные группы в судьбах России. – СПб., 2003. – С 64–80.
46. Бovyкин В.И. Еще раз к вопросу о «новом направлении» // Вопросы истории. – 1990. – № 6. – С. 164–178.
47. Бovyкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1988. – 155 с.
48. Бovyкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М., 2001. – 320 с.
49. Бovyкин В.И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861–1900 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С.9–32.
50. Бovyкин В.И., Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России (к вопросу о предпосылках социалистической революции) // История СССР. – 1959. – № 3. – С. 83 – 117.
51. Бovyкин В.И., Шаццлло К.Ф. Личные унии в тяжелой промышленности России накануне первой мировой войны // Вестник московского университета. – Серия IX, История. – 1962. – № 1. – С. 55 – 74.
52. Богатикова Г.И. Реформа удельных крестьян 1863 года. Автореф. дис. ...канд. истор. наук. – М., 1956. – 15 с.
53. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. Сборник статей. – М., 2002. – С. 109–130.
54. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX в.: Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск, 1996. – С. 3 – 47.
55. Бойко Т.В. Рабочие России и культура. Poleмика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века. – М., 1997. – С. 7 – 75.
56. Бондаренко Д.М. Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке. – М., 1997. – 71 с.
57. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. – Томск, 1972. – С. 6 – 38.
58. Бородин А.П. Усиление позиций объединенного дворянства в Государственном совете в 1907–1914 гг. // Вопросы истории. – 1977. – № 2. – С. 56 – 66.
59. Бородин Е.Т. Что у нас произошло в 1917 году? // Социально-политические науки. – 1991. – № 9. – С. 10–21.
60. Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. – М., 1981. – 290 с.
61. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (Конец XIX в. – 1914 г.). – М., 1992. – 264 с.

единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве. В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщественников, - по образному выражению, мироеда. Вот единственный почти выход крестьянину из бедности и темноты, видная по сельским воззрениям, мужицкая карьера»⁷⁰.

11 января 1906 г. П.А. Столыпин доносил министру внутренних дел: «Крепкое разрешение вопроса заключается в создании класса мелких собственников, этой основной ячейке государства, являющихся по природе своей органическими противниками всяких разрушительных теорий. Не уничтожая насильно общины, с которыми слился народ, надлежало бы всячески способствовать единичным сделкам с помощью Крестьянского банка, разрешить для этого продажу и залог надельной земли, помогать таким мелким владельцам кредитом»⁷¹.

Таким образом, П.А. Столыпин в саратовский период своей деятельности в решении аграрного вопроса ставку сделал на внедрение единоличной (частной) крестьянской земельной собственности. Это должно было осуществиться, на его взгляд при посредстве Крестьянского банка и пока без разрушения общины. Главный официальный мотив этого реформирования носил полицейский, охранительный характер.

Этот мотив проявился и позднее, когда П.А. Столыпин уже возглавлял правительство. Например, в 1907 г. в секретном представлении Совету министров он отмечал, что «богатое крестьянство служит везде лучшим оплотом порядка и спокойствия»⁷². Но на этом он не остановился. Выступая 16 ноября 1907 г. в III Государственной думе, П.А. Столыпин углубляет свою мысль: личную земельную собственность крестьян он делает основой и условием утверждения гражданской свободы и земского самоуправления. «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится на-

⁷⁰ К истории аграрной реформы Столыпина. Всеподданнейший отчет саратовского губернатора П. Столыпина за 1904 г. // Красный архив. – 1926 г. – Т. 17. – С. 85.

⁷¹ Дело № 123 канцелярии Земского отдела Министерства внутренних дел за 1906 г., донесение губернаторов о причинах аграрных беспорядков. – С. 61.

⁷² Цит. по: Казарезов В.В. П.А. Столыпин: история и современность. - Новосибирск, 1991. - С. 52.

сильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы <...> Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток»⁷³.

Идея создания класса мелких земельных собственников гармонично сочеталась у П.А. Столыпина с мыслью о неготовности большинства населения России к демократическим свободам: «Народное представительство наше - выразитель только части народа, созревшей для политической жизни. Мой идеал - представительная монархия. В таких громадных государствах, как Россия, многие вовсе не подготовлены к политической жизни... Примирить же взаимные интересы... может своим авторитетом во многих случаях только Монарх...»⁷⁴.

Отсюда следовала утопичная идея об организованном создании мелких собственников и воспитании из них граждан демократического государства, но верных при монархии: «Я полагаю, что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена - гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом - гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот»⁷⁵. Провозглашая себя сторонником правового государства, П.А. Столыпин на деле трактовал это понятие в усеченном виде, что больше соответствовало термину «правомерное государство», в котором по воле монарха, как указывал П.А. Столыпин, права и обязанности не находятся в зависимости от толкования и воли отдельных лиц⁷⁶.

В обосновании своей концепции либеральной монархии, П.А. Столыпин прибегал к помощи некоторых идей государственного национализма. Он в частности провозглашал: «...Наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных

22. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). – М., 1969. – 393 с.

23. Анфимов А.М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в., 1901–1912 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. – Минск, 1964. – С. 502.

24. Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. – 1997. – № 5. – С. 49–72; № 6. – С. 41–67; № 7. – С. 81–99; № 9. – С. 83–86.

25. Анфимов А.М. О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. – 1963. – № 2. – С. 141–160.

26. Анфимов А.М. Прусский путь развития капитализма и его особенности в России // Вопросы истории. – 1965. – № 7. – С. 62–76.

27. Анфимов А.М., Макаров И.Ф. Новые данные о землевладении европейской России // История СССР. – 1974. – № 1. – С. 86.

28. Аронов И.В. Формационное основание научной периодизации истории // Свободная мысль. – 1996. – № 12. – С. 105–111.

29. Арсентьев В.М. Крестьянство в протоиндустриальных процессах в России первой половины XIX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. – М., 2004. – С. 360–391.

30. Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. – СПб., 2001. – 411 с.

31. Афанасьев Ю.Н. Энергия исторического знания // Московские новости – 11 января 1987 г.

32. Ахиезер А.С. России: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Новосибирск, 1997. – Т. 1. – 804 с.

33. Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. – 2000. – № 9. – С. 29–45.

34. Ашмарина С.В. Страхование рабочих Урала накануне Первой мировой войны // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность / Под. ред. А.В. Бузгалина и др. – М., 2002. – С. 140–147.

35. Барг М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. – 1990. – № 5. – С. 25–40.

36. Барышников М.Н. Политика и предпринимательство в России (Из истории взаимодействия в начале XX века). – СПб., 1997. – 233 с.

37. Белов А.М. Политические партии и рабочие центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг. – Кострома, 1997. – С. 4–51.

38. Белова Т.В. Динамика номинальной и реальной заработной платы рабочих верхнего Поволжья в период Первой мировой войны // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность. – М., 2002. – С. 119–122.

39. Бердяев Н.А. Возможна ли социальная революция? – М., 1917. – 16 с.

40. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – 224 с.

41. Березина В.Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1826–1839 гг.). – М., 1965. – С. 1–18.

42. Бесов А.Г. Военная политика России в XIX веке. Монография. – М., 2001. – 253 с.

⁷³ Столыпин Петр Аркадьевич. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 гг. – М., 1991. – С. 103.

⁷⁴ Цит. по: Шубинской Н.П. Памяти П.А. Столыпина. – М., 1913. – С. 19.

⁷⁵ Государственная деятельность Председателя Совета министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина / Сост. Е.В. Варпаховская. – СПб., 1911. – Ч. I – С. 2.

⁷⁶ См.: Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. – М., 2002. – С. 202.

III. Литература

1. Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокопятилетию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. – М., 1964. – 519 с.
2. Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 82–104.
3. Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. – 1989. – № 2. – С. 17–31.
4. Аврех А.Я. Столыпин и Третья дума. – М., 1968. – 520 с.
5. Аврех А.Я. Царизм и третья июньская система. – М., 1966. – 181 с.
6. Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003. – 320 с.
7. Аксаков И.С. Исторические судьбы земства на Руси // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. – М., 1887. – Т. 5. – С. 229–230.
8. Александров В.А. Сельская община в России: XVII – начало XIX вв. – М., 1976. – 323 с.
9. Александров В.А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII – начало XIX в.) // Проблемы этнологии и этнографии. – М., 1979. – С. 94.
10. Амбарцумов Е.А. Интеллигенция // Большая советская энциклопедия. – Т. 10. – 311 с.
11. Амелин П.П. Интеллигенция и социализм. – Л., 1970. – 151 с.
12. Амосов А.И. Эволюция денежной системы России // Вопросы истории. – 2003. – № 8. – С. 86–95.
13. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. – Л., 1991. – 196 с.
14. Ананьич Б.В. К истории податных реформ 1880-х годов: (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочно-го) // История СССР. – 1979. – № 1. – С. 172.
15. Ананьич Б.В. Россия и международный капитал, 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. – Л., 1970. – 316 с.
16. Андреева Л.А. Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. – М., 2001. – 253 с.
17. Андрианов Б.В., Марков Г.Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопросы истории. – 1990. – № 8. – С. 3–15.
18. Анисимов Е.В. Время петровских реформ – М., 1989. – 496 с.
19. Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. – 1959. – Т. 65. – С. 119–162.
20. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. – М., 1980. – 239 с.
21. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века): Автореф. дис. ...д-ра. ист. наук. – М., 1966. – 31 с.

началах»⁷⁷. К ним он отнес «наш идеал местного самоуправления» (организация «крепких людей земли», взявшая на себя часть «государственного тягла») и «наш идеал наверху» («развитие дарованного Государем стране Законодательного, нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск Царской Верховной власти»). К этому П.А. Столыпин добавил еще два основания. Первое: единое и нераздельное российское государство при ведущей роли русского народа. Второе: «Православная церковь, как господствующая», пользующаяся «данью особого уважения и особою со стороны государства охраною» при недопущении нарушения прав других исповеданий и верований⁷⁸.

Итак, мы можем резюмировать, что идеалом П.А. Столыпина являлась представительная всесловная (внесловная) правомерная монархия, опирающаяся на класс мелких земельных собственников. Идеологическую концепцию П.А. Столыпина можно определить как либерально-националистический монархизм.

П.А. Столыпин предпринял энергичные усилия по распространению своей идеологической концепции и завоеванию общественного мнения всех слоев населения. Для продвижения земельной реформы П.А. Столыпин искал и выдвигал специалистов-аграрников, которые могли стать его надежными союзниками. Среди них особую роль играл энтузиаст землеустройства А.А. Кофод, по личной инициативе объехавший тысячу деревень. По результатам обследования он подготовил доклад, опубликовал статьи и обстоятельный труд «Крестьянские хутора на надельной земле». Брошюра А.А. Кофода «Хуторское расселение» разошлась полумиллионным тиражом. По ней знакомились крестьяне с сутью столыпинских реформ. С помощью А.А. Кофода П.А. Столыпину удалось найти около пятидесяти человек, которые были направлены в губернии для разъяснения намерений правительства в области земельного вопроса⁷⁹.

Большую роль в пропаганде правительственного курса сыграла сама личность П.А. Столыпина. « На трибуну Столыпин всходил с соз-

⁷⁷ Столыпин Петр Аркадьевич. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911 гг. - М., 1991. - С. 104.

⁷⁸ Цит. по: Сидоровнин Г.П. Указ. соч. – С.165.

⁷⁹ См.: Кофод А.А. 50 лет в России (1878-1920). Пер. с дат. - М., 1997. - С. 193-194.

нением своей правоты, с твердой уверенностью, что получит в Думе и в стране поддержку тех, кого он считал здравомыслящими гражданами. Столыпин был единственный министр, одаренный настоящим ораторским талантом. Говорил он смело, твердо, в его словах слушалась глубокая внутренняя серьезность. Сразу чувствовалось, что он, не меньше, чем красноречивые идеологи либерализма и социализма, предан своим убеждениям, верит в свое дело, в свое служение, в свою идеологию»⁸⁰.

Огромное впечатление на образованное общество России произвела яркая речь П.А. Столыпина в Государственной думе 10 мая 1907 г. «Ее изложение в прессе также стало событием: доклад и комментарии читали и разбирали всюду, где собирался народ. Это выступление, видимо, подтолкнуло к изданию речей П.А. Столыпина во II Государственной Думе, причем брошюра выходит оперативно, в том же 1907 году»⁸¹.

Большую помощь П.А. Столыпину в распространении его идей оказали такие видные консерваторы как Л.А. Тихомиров и М.О. Меншиков. Например, М.О. Меншиков писал: «Нет ни малейшего сомнения, что отныне в общине останется лишь самый неспособный крестьянский элемент, люди стада. Всякий крестьянин, искренне чувствующий в себе хозяина, пойдет на отруб»⁸².

Весной 1909 г. в свет вышел оригинальный философский сборник «Вехи», авторы которого прямо или косвенно поддержали принципы и подходы П.А. Столыпина по переустройству российского общества, а потому вызвали резкую критику левых.

Необходимость противодействия оппозиционной прессе, а также задачи подготовки выборов во II Государственную думу обусловили проведение соответствующей идеологической и пропагандистской работы, которая опиралась, в первую очередь, на органы печати.

П.А. Столыпин, будучи министром внутренних дел в правительстве Горемыкина 9 июня 1906 г. издал циркуляр губернаторам № 5378, в котором заявил о создании нового официального органа печати, связь которого с правительством, в отличие от «Русского государства», была бы закамуфлирована. С 8 июня 1906 г. Мелкая газета «Россия» была пре-

⁸⁰ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. - Нью-Йорк, 1952. - С. 369.

⁸¹ Сидоровнин Г.П. Указ. соч. - С. 226.

⁸² Меншиков М.О. Формула земли // Новое время. - 1908. - 21 октября.

196. Страховский И.М. Крестьянские права и учреждения. - СПб., 1904. - 256 с.

197. Судейкин В. Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского). - СПб., 1895. - 106 с.

198. Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли. - СПб., 1901 - 321 с.

199. Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. - СПб., 1906. - С. 8.

200. Торгово-промышленные заведения г. Москвы в 1885-1890 гг. - М., 1892. - 136 с.

201. Трубецкая О.В. Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. - М., 1904. - Т. 1. - Кн. 2. - 444 с.

202. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. - М., 1938. - Т.1. - 460 с.

203. Туган-Барановский М.И. Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900-1909 гг. и виды на будущее // Туган-Барановский М.И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. - М., 1997. - С. 427-512.

204. Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. - Нью-Йорк, 1952. - 432 с.

205. Фадеев Р.А. Письма о современном состоянии России // Фадеев Р.А. Собрание сочинений. - СПб., 1890. - Т. III. - Ч.2. - С.104-106.

206. Финн-Енотаевский А.Ю. Современное хозяйство России (1890-1910 гг.). - СПб., 1911. - 533 с.

207. Фирсов Н.Н. Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия. (Очерки из истории торгово-промышленной политики и соответствующих общественных отношений). - Казань, 1896. - 220 с.

208. Ховен А. Путевые заметки о некоторых оружейных заводах // Оружейный сборник. - 1876. - № 2. - С. 18.

209. Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. - М., 2001. - С.182 - 233.

210. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. - М., 1989. - 491 с.

211. Чекин А. Женский труд в современном производстве // Вестник Европы. - 1911. - № 11. - С. 313.

212. Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. (По анкете Вольного экономического общества) - Петроград, 1917. - 195 с.

213. Шарый В. Доходность акционерных предприятий за время войны // Вестник финансов, промышленности и торговли. - 1917. - № 33. - С. 191.

214. Швиттау Г.Г. Профессии и занятия населения. Опыт критико-методологического исследования в области экономической статистики. - СПб., 1909. - 324 с.

215. Шимановский М.Ф. Доклад // Труды XXV съезда горнопромышленников Юга России. - Харьков, 1901. - Т. 1. - С. 2.

216. Шубинской Н.П. Памяти П.А. Столыпина. - М., 1913. - 28 с.

217. Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. - СПб., 1877. - 160 с.

177. Рубакин Н.А. Наша правящая бюрократия в цифрах // Сын Отечества. – 20.IV.1905.
178. Русская энциклопедия. СПб., 1914. – Т. 9. – С. 34.
179. Русские ведомости, 4.XI.1905.
180. Русское государство. - 1906. – 1 Февраля; 1906.- 3 марта; 1906. - 15 марта.
181. Салтыков-Щедрин М.Е. Убежище Монрепо // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1988. – Т. 6. – С. 308.
182. Самоквасов Д.Я. Новооткрытые документы поместно-вотчинные документы XV–XVII столетий – М., 1905. – 43 с.
183. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года.– СПб., 1875. Вып. III. – С. 92–100.
184. С.-Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично–заводской промышленности. Информационный бюллетень. – Ноябрь 1900. – С.37.
185. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX столетия. – М., 1888. – Т. I. – 517 с.; Т. II. – 625 с.
186. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. В 2-х тт. – СПб., 1898. – Т. I. – 578 с.; Т. II. – 914 с.
187. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. – СПб., 1903. – Т. I. – 643 с.
188. Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование имп. Александра II. – СПб., 1889. – Т. I. – 848 с.
189. Скребицкий А.И. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян. Губернские комитеты, их депутаты и редакционные комиссии в крестьянском деле. - СПб., 1862. - Т. I. – 968 с.
190. Смирнов А. Земледелие и земледелец Центральной промышленной губернии // Русская мысль. – 1901. – Кн. VII. – С. 178.
- Соболев Г.Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917-1970-е годы.- Л., 1979.- С.8.
191. Совет съездов металлзаводчиков Северного и Прибалтийского районов. О сокращении заграничных заказов морского и военного ведомств. – СПб., 1909. – 77 с.
192. Ставровский В. Санитарное состояние фабрик одной из юго-восточных окраин Москвы [Рогожской части] // Известия московской городской думы. Отдел общих. – 1909. – № 6/7. – С. 43–49.
193. Столыпин Петр Аркадьевич. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911 гг. - М., 1991. – 411 с.
194. Струве П.Б. Крепостное хозяйство: Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. – М., 1913. – 340 с.
195. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. – СПб., 1894. – 291 с.

вращена в солидное издание и стала выходить в увеличенном объеме. С 11 июня в ней появляются передовые статьи, написанные от имени правительства, по самым различным вопросам внутренней и внешней политики⁸³.

После изучения «Материалов по истории выборов в первую Государственную думу», собранных по поручению С.Ю. Витте графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым, правительством были выработаны три основных направления агитационно- пропагандистской деятельности: 1) издание брошюрной литературы; 2) оказание материальной помощи издателям газет правого толка; 3) придание газете «Россия» характера серьезного правительственного официоза.

Репутация намеченного плана сталкивалась с серьезными проблемами. Товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский писал в своих воспоминаниях: «Наиболее трудным и практически бесплодным делом была организация правой печати. Правительство содержало более тридцати газет в разных местностях России, расходуя на это дело довольно крупные суммы, но, должен признать, без успеха... В рядах...правых партий...вообще не было людей умевших держать перо в руках»⁸⁴.

С большей эффективностью работала редакция газеты «Россия». Это стало возможным, во многом благодаря деятельности талантливого юриста, ученого и администратора И.Я. Гурлянда. Другим «столпом» редакции «России» был С.Н. Сыромятников, широко известный консервативный публицист «Нового времени». Характерным для него было следующее эклектичное представление в природе государственной власти в империи: «Россия - свободная демократия с свободным царем во главе, ответственным лишь перед Богом и совестью»⁸⁵. С.Н. Сыромятников считал, что истинный консерватизм «есть защита испытанного своего против неиспытанного чужого, защита не кулаком и палкой, а воспитанием общественной мысли и чувства»⁸⁶. Третьим важнейшим сотрудником «России» был А.Н. Гурьев.

⁸³ РГИА, Ф. 776, оп. 8, д. 2102, л. 9.

⁸⁴ Крыжановский С.Е. Воспоминания (из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи). - Берлин, Б.Г. - С. 102.

⁸⁵ Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли. - СПб., 1901 - С. 44.

⁸⁶ Там же. - С. 98.

Одной из задач «России» было обоснование необходимости проведения тех или иных правительственных мероприятий, разъяснение точки зрения «верхов». Например, 9 ноября 1906 г. в связи с началом строительства Амурской железной дороги С.Н. Сыромятников получил распоряжение помощника управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве, в котором указывалось, что «г[осподин] председатель выразил желание, чтобы на этот вопрос редакция газеты «Россия» обратила внимание»⁸⁷. А 10 ноября И.Я. Гурлянд через того же Н.В. Плеве получил указание П.А. Столыпина «осветить вопрос о крестьянском землевладении (указ 9 ноября 1906 г.) с точки зрения правительства в ряде статей газеты «Россия»»⁸⁸.

Второй важнейшей задачей «России» был «политический зондаж» по различным вопросам для выявления общественных настроений, расстановки политических сил, возможной реакции тех или иных кругов на мероприятия правительства. Например, желая знать, какую реакцию в обществе вызовут попытки решения правительством еврейского вопроса, П.А. Столыпин дал указание отразить эту проблему в «России»⁸⁹.

Уже к осени 1906 г. положение «России» как правительственного официозного органа окончательно определилось, а публикуемые в ней материалы рассматривались современниками как соответствующие взглядам руководителей государства, и, прежде всего, П.А. Столыпина. Сам П.А. Столыпин в начале октября 1906 г. приказал бесплатно рассылать «Россию» «во все волостные правления тех губерний, которые имеют русское население»⁹⁰. В целом на содержание «России» МВД ежегодно расходовало около 300 тыс. рублей. Ее распространение в столице в розницу осуществлялось специально организованной артелью. В среднем в июле-сентябре 1906 г. каждый месяц продавалось в столице 7217 экз., с 1 по 25 октября было продано лишь 3050 экз. Налицо явное падение интереса к «России». На ее незначительную популярность указывал в своем дневнике Л.А. Тихомиров⁹¹.

⁸⁷ РГИА, Ф. 1629, оп. 1, д. 116, л.10..

⁸⁸ РГИА, Ф. 1629, оп. 1, д. 400 б, л.10. 02.

⁸⁹ См.: Лихоманов А.В. Указ. соч. – С.102.

⁹⁰ РГИА, Ф. 776, оп. 8, д. 2102, л. 27.

⁹¹ См.: Лихоманов А.В. – С. 110-111.

156. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. – М., 1933. – 544 с.

157. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен (тома III и IV) // Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4-х Т. – М., 1965. – Кн. 2. – 664 с.

158. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4 т. – М., 1965–1967. – Кн. 1. – 725 с.

159. Покровский М.Н. Крестьянская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М., 2001. – С.72 – 181.

160. Полиевктов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. – М., 1918. – 392 с.

161. Положение Тверского Комитета. Обзор Оснований и Отдельные Мнения. – Тверь, 1859. – С.1-37.

162. Попов М. Из моего прошлого // Минувшие годы. – 1908. – № 2. – С. 185.

163. Радищев С. О некоторых вопросах Бакинской нефтепромышленности. – Баку, 1912. – 44 с.

164. Редакционная статья // Свобода. – 1888. – № 1/2. – С. 2.

165. Ремесленники и ремесленное управление в России. – Пг., 1916. – 421 с.

166. Речь Н.С. Авдакова // Промышленность и торговля.– 1908. – № 8. – С. 469.

167. Речь С.И. Тимашева на 8-м очередном съезде представителей промышленности и торговли // Промышленность и торговля. – 1914. – № 10. – С. 515.

168. Рожков Н.А. Натуральное хозяйство и реформы землевладения в древней России // Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. – М., 1906. – Ч. 1. – С. 102.

169. Рожков Н.А. Основные законы развития общественных явлений. Краткий очерк социологии. – М., 1907. – 88 с.

170. Рожков Н.А. Очерк истории труда в России // Архив истории труда в России. – 1923. – Кн. 8. – С. 7.

171. Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России. – Пг., 1923. – 154 с.

172. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: Основы социальной динамики. – М., 1923. – Т. 6. – 288 с.

173. Россия: Ее настоящее и прошедшее. – СПб., 1900. – С. 351–365.

174.

Ростовцев Я.И. Всеподданнейшая записка председателя Редакционных комиссий генерала Ростовцева, представленная его императорскому величеству 6 февраля 1860 года. – СПб., 1860. – 32 с.

175. Р.С.Т., З.Н.П. Три партии. Мы на перепутье.- Берлин, 1860. – С. 1-22.

176. Рубакин Н.А. Много ли в России чиновников (Из «Этюд о чистой публике») // Вестник Европы. – 1910. – № 1.

136. Морской сборник. – 1860.- № 12 (Приложение: «Об издании «Морского сборника» в 1801 году. - С. 2).
137. Московские ведомости – 1861 - № 94; 1866. - № 198; 1867 - 28 января - № 24.; 1869. - № 260. - 29 ноября, № 276. – 19 декабря; 1875. - № 62. - 10 марта; 1882. - № 92. - 4 апреля; 1867. - № 279- 21 декабря; 1869. - № 69. - 29 марта; 1868.- № 31- 9 февраля; 1882.-№141. - 23 мая; 1882. - № 138. - 20 мая; 1884. - № 123.- 5 мая; 1883. - № 283. - 12 октября.
138. Народническая экономическая литература. – М., 1958. – 680 с.
139. Огановский Н.П. Революция наоборот. - Петроград, 1918. – 102 с.
140. Огарев Н.П. Предварительные соображения финансовой комиссии и труды комиссии для устройства земских банков // Искандер и Н. Огарев. Сборник (1855–1860) – Лондон, 1861. – Ч. II. – С. 191–193.
141. Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. – М., 1906. – 322 с.
142. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Изд. 2-е, доп. и исправл. – СПб., 1908. – 306 с.
143. Павлов М.А. Воспоминания металлурга. – М., 1943. – 288 с.
144. Переписка Императора Александра II С Великим Князем Константином Николаевичем. 1857-1861. Дневник Великого Князя Константина Николаевича / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. – М., 1993. – 381 с.
145. Першин П.Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. – М., 1922. – 52 с.
146. Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. – СПб., 1906. – 224 с.
147. Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1909. - С.1-. 232.
148. Прокопович С.Н. Аграрный вопрос в цифрах. – СПб., 1907. – 126 с.
149. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы в 3-х тт. / Т. I: 1900–1907. – М., 1996.
150. Платонов С.Ф. Об условия их применения мировыми судьями местных обычаев при разрешении гражданских дел // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – № 4. – С. 78.
151. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. – М.-Л., 1925. – Кн. 1. – С. 11; 72–77.
152. Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова (Ответ на брошюру «Почему я перестал быть революционером») // Плеханов Г.В. Соч., 2-е изд. – М.-Л., 1925. – Т. III. –С. 75.
153. Плеханов Г.В. Пессимизм, как отражение экономической действительности (Пессимизм П.Я. Чаадаева) // Плеханов Г.В. Соч., 2-е изд. – М.-Л., 1925. – Т. X. – С. 155.
154. Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. – Пг., 1923. – Ч. 1–2. – 342 с.
155. Покровский М.Н. Предисловие // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. – Пг., 1924. – С. 4–5.

Гораздо более перспективным в агитационно-пропагандистском плане было издание брошюрной литературы, более читаемой в народе. Именно через эту форму правительство начало кампанию по активному компроментированию своих противников в печати. Наиболее известными были брошюры Н.П. Васильева (Гурлянда) «Правда о кадетах», «Наши социалисты», «Что такое трудовики?», выходявшие сотысячными тиражами. Для рассылки этих брошюр «была устроена секретная экспедиция, которая посылала книгу непосредственно по прямому адресу: это была целая фабрика»⁹².

Итак, система идеологических приводных ремней столыпинского аппарата была более эффективна, чем прежние попытки постановки идеологической работы в царской России пореформенного периода и начала XX века. Несомненным плюсом явился охват идеологическим влиянием более широкой и более разнообразной аудитории, которая включала в себя не только образованное общество, но массы крестьян и рабочих. Сама идеология и способы ее распространения стали более наступательными. Однако все же следует подчеркнуть, что в целом столыпинская агитационно-пропагандистская машина развивалась медленно и явно не поспевала за резко ускорившимся темпом общественной жизни и чрезвычайно возросшей во время революции активностью населения.

Реакция российского социума на утверждение столыпинского варианта идеологии модернизации была чрезвычайно полярной. Полус одобрения заявил о себе сразу же с началом активной политической деятельности П.А. Столыпина. Однако наиболее активно общественное мнение стало откликаться на идеи П.А. Столыпина после его знаменитой речи во II Государственной думе 6 марта 1907 г. Сама речь в стенах Думы была встречена бурными аплодисментами правых партий. Поздравительные телеграммы, письма и адреса поступали как от частных лиц, так и от учреждений, организаций и вооруженных сил. Депутация от газеты «Свет» вместе с рабочими типографии поднесла П.А. Столыпину приветственный адрес с 35 тысячами подписей от своих подписчиков из всех районов России. Поступил также приветственный адрес,

⁹² Крыжановский С.Е. Указ.соч. - С. 102-103.

подписанный тысячами москвичей⁹³. Открытки и письма были вделаны в огромную книгу около двух пудов весом⁹⁴.

Когда весной 1909 г. П.А. Столыпин серьезно заболел воспалением легких, слухи о его болезни взволновали широкие круги российского общества. Семье П.А. Столыпина выражали свое участие сановники, члены Государственной думы, лица великосветского общества. «Со всех концов России получались постоянно многочисленные телеграммы, с запросами о состоянии здоровья и наилучшими пожеланиями». «Дворец Ливадии, где отдыхал П.А. Столыпин, постоянно был полон просителей и лиц, желавших лично выразить свое сочувственное внимание»⁹⁵.

Для того чтобы понять степень проникновения новой идеологии в крестьянские массы следует подчеркнуть, что к 1 января 1916 г. на отруба и хутора вышло более 1 млн. домохозяев, или около 8-9% крестьянских дворов. В целом разверстывания дали 1,2 млн. дворов, хуторов и отрубов⁹⁶. По данным Н.П. Огановского, 52,2 % крестьян выделялись из общины с целью продажи своих земельных участков; 18,7 % - с целью улучшения своего хозяйства; 27,3 % - с целью закрепления за собой земли, которая в случае передела отошла бы к другим⁹⁷. Проведя детальное исследование положения крестьян Богородицкого уезда Тульской губернии, И.В. Мозжухин пришел к выводу, что только 22,8 % из числа обособившихся домохозяев вышли из общины с сознанием преимуществ хуторского и отрубного владения, 51,9 % выделились с целью удержания за собой излишков земли, 16,5 % крестьян были выделены

⁹³ В адресе содержались следующие слова: « Глубокоуважаемый Петр Аркадьевич. Ваше спокойное, убежденное слово, сказанное в Государственной думе, еще раз показало России, что власть, вверенная вам Государем, находится в чистых, честных и твердых руках. Измученная невзгодами Родина нуждается прежде всего в таком правительстве, которое, предъявляя широкое понимание народных нужд, ставило бы вместе с тем своей основной задачей охранение порядка и законности». Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1909. - С. 48-49.

⁹⁴ См.: Сидоровнин Г.П. Указ. соч. - С. 207.

⁹⁵ Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1909. - С. 232.

⁹⁶ См.: Чернышев И.В. Община после ноября 1906 г. - Петроград, 1917. - С. 12.

⁹⁷ См.: Огановский Н.П. Революция наоборот. - Петроград, 1918. - С. 27.

113. Лаппо-Данилевский А.С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. Исторический очерк. - СПб., 1899. - 126 с.

114. Левшин А.И. Достопамятные минуты в моей жизни. Записки А.И. Левшина //Русский Архив. - 1885. - № 8. - С.1-545.

115. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826 - 1855 гг. - СПб., 1909. - 614 с.

116. Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений. - М., 1871-1981. - Т. 1-6; 8; 10; 12; 15-17; 19-23; 27; 30; 32; 34; 40; 43; 45; 47.

117. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. - М., 1952. - С. 405-423.

118. Ленин В.И. Тетради по аграрному вопросу. 1900-1916. - М., 1969. - С. 21.

119. Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854-1891). - СПб., 1993. - С.437; Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). - М., 1996. - С.395.

120. Лосицкий А.Е. Выкупная операция. - СПб., 1907. - 56 с.

121. Лосицкий А. Этюды о населении России по переписи 1897 г. // Мир Божий. - 1905. - №8. - С. 231-233.

122. Лохтин П. Безземельный пролетариат в России. Опыт определения количества безземельного пролетариата, созданного существующими способами крестьянского землевладения. - М., 1905. - 187 с.

123. Лунин М.С. Письма из Сибири. - М., 1987. - 495 с.

124. Любович Е. Казенный миллиард // Промышленность и торговля. - 1909. - № 3. - С. 145.

125. Маслов П. Аграрный вопрос в России. - СПб., 1908. - Т.1 (Условия развития крестьянского хозяйства в России). - С. 211-212.

126. Менделеев Д.И. К познанию России. - М., 2002. - 576 с.

127. Меньшиков М.О. Формула земли // Новое время. - 1908. - 21 октября.

128. Мещерский А.В. О заповедных имениях: Исторический очерк. - М., 1894. - 20 с.

129. Мигулин П.П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893-1902 гг.). - Харьков, 1903. - 360 с.

130. Мигулин П.П. Русский государственный кредит. - Харьков, 1899. - Т. I. - 606 с.

131. Мигулин П.П. Экономический рост Русского государства за 300 лет (1613-1912). - М., 1913. - 224 с.

132. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. - СПб., 1901.

133. Министерство финансов. 1802-1902. - СПб., 1902. - Ч. I-II.

134. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры в 3 т. - М., 1995. - Т. 3. - 478 с.

135. Мозжухин И.В. Землеустройство в Богородицком уезде Тульской области. - М., 1917. - 356 с.

89. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879 / Отв. Ред В.Г. Чернуха. – СПб., 2005. – 503 с.

90. Зайцева Л.И. Аграрная реформа П.А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX – начала XX века. – М., 1995. – 178 с.

91. Иванюков И.И. Падение крепостного пава в России. – СПб., 1882. – 404 с.

92. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. – М., 1910. – 312 с.

93. Исаев А.А. Переселения // Вестник Европы. – 1890. - №4. – С. 811.

94. Календарь для учителей на 1914/15 учебный год. – СПб., 1914. – Ч. II.

95. Каблуков Н.А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. Очерки по экономии землевладения и земледелия. – М., 1908. – 398 с.

96. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. – М., 1989. – 653 с.

97. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. – М., 1919. – 268 с.

98. Кауфман А.А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. – М., 1907. – 71 с.

99. Кауфман А.А. Переселения и колонизация. – СПб., 1905. – 443 с.

Каценеленбаум З.С. Война и финансово-экономическое положение России. – М., 1917. – 80 с.

100. Клинген И. Исторический очерк хозяйственно-экономической политики уделов // Сельскохозяйственный сборник удельного ведомства. – СПб., 1905. – С. 45.

101. Козьминых-Ланин И.М. К вопросу об артельном харчевании фабрично-заводских рабочих Московской губернии. – М., 1914. – 73 с.

102. Козьминых-Ланин И.М. Продолжительность рабочего дня и рабочего года на фабриках и заводах Московской губернии. – М., 1912. – 15 с.

103. Козьминых-Ланин И.М. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губ. – М., 1911. – 36 л.

104. Коркунов Н.М. Русское государственное право. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 274.

105. Корнилов А.А. Крестьянская реформа. – СПб., 1905. – 271 с.

106. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855-1881): Исторические очерки – М., 1909. – С.3-15.

107. Кофод А.А. 50 лет в России (1878-1920). Пер. с дат. - М., 1997.

108. Кочуровский. Крестьянское хозяйство и переселение // Русская мысль. – 1894. - №8. – С. 28.

109. Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.44-202.

110. Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным хозяйствам Симбирской губернии (Исследование 1913 г.). – Симбирск, 1915. – 217 с.

111. Крыжановский С.Е. Воспоминания (из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи). - Берлин, Б.Г. – 222 с.

112. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. – СПб., 1905. – 156 с.

против своего желания⁹⁸. По данным Н.Я. Быховского, к 1916 г. 43 % крестьян продали свои наделы⁹⁹.

Приведенные данные позволяют предположить, что сознательными сторонниками столыпинской идеологии являлось 20-25 % крестьян, сделавших шаг к выделению из общины, что в относительном выражении было весьма скромным результатом. П.А. Столыпин сам признавал недостаточный размах своей идеологии. Так, в интервью в газете «Волга» в 1909 г. он в частности заявил: «Я был в соседней с нами Скандинавии. Как приятно поразил меня вид тамошней молодежи, одушевленно и гордо проходившей стройными рядами, с национальными флагами, перед иностранцами-туристами!»¹⁰⁰

Неприятие столыпинской программы преобразований носило массовый характер, особенно в среде крестьянства.

О первой реакции крестьян на указ 9 ноября можно судить из сотен приговоров и наказов, принятых сельскими сходами в первой половине

1907 г. Среди них не было ни одного, который бы полностью поддержал указ 9 ноября. Формы выражения недовольства были самыми разными – от сомнений и колебаний до осуждения и отрицания всего, что делало правительство в деревне. «Закон о земле 9 ноября 1906 г. не принимаем», – заявляли крестьяне Ново-Ямовской волости Пензенской губернии. Сход села Андреевка той же губернии полагал, что правительство издало указ «для своей пользы» и потому требовал его отмены¹⁰¹. Сход крестьян села Писцово Костромской губернии постановил: «Это не закон, а ловушка нашему брату»¹⁰². Крестьяне села Руховского Московской губернии приговорили: «Не выходить из общины никому в течение 24 лет»¹⁰³.

⁹⁸ См.: Мозжухин И.В. Землеустройство в Богородицком уезде Тульской области. - М., 1917. - С. 158.

⁹⁹ См.: Быховский Н.Я. Русская община и земельная реформа. - М., 1917. - С. 29.

¹⁰⁰ Цит. по: Государственная деятельность Председателя Совета Министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1911. - С. 8.

¹⁰¹ РГИА, Ф. 1278, оп. 1, д. 787, л. 322, 327.

¹⁰² Василевский Е.Г. Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. – М., 1960. - С.

69.

¹⁰³ Там же. - С. 71.

Уже 8 декабря 1906 г. в МВД представили совместный отчет министерские чиновники Врасский и Литвинов, посетившие Тульскую, Орловскую и Рязанскую губернии. Они писали, что крестьян не привлекает идея индивидуального землевладения и «пока не следует возлагать чрезмерных надежд на быстрое улаживание нашего аграрного неустroения»¹⁰⁴.

Об отрицательном отношении крестьян к указу говорилось на всех уездных, губернских и всероссийских съездах чиновников, имевших непосредственное отношение к проведению реформы¹⁰⁵.

Анализ многочисленных документов показывает, что фронт крестьянской борьбы развернутый против столыпинского землеустройства и обеспечивающей его идеологии, действовал в течение всех лет осуществления реформы, имея два направления: противодействие крестьян землеустроителям и систематическое давление на выделенцев, пытавшихся воспользоваться реформой в своих целях¹⁰⁶.

Увязывая идеологические конструкции С.Ю. Витте и П.А. Столыпина в единый логический узел, можно утверждать, что и виттевская идеология индустриализации, и столыпинская идеология аграрных преобразований взаимодополняли друг друга в попытке совместить в общегосударственной политике модернизации противоположные интересы помещного дворянства и нового класса – буржуазии, а также в сохранении за государством бюрократических рычагов вмешательства в народнохозяйственную жизнь страны. «Выступая за форсированное развитие экономики, Столыпин, вслед за Витте, считал, что оно должно осуществляться под государственным контролем и попечением»¹⁰⁷.

Общим для двух идеологий оставалась ориентация на дальнейшую буржуазную модернизацию экономики страны при сохранении незыблемости основ политической самодержавно-авторитарной системы, предполагавшей, по мысли реформаторов, сохранение за собой исторической инициативы и поэтому нуждавшейся лишь в некотором рефор-

¹⁰⁴ РГИА, Ф. 408, оп. 1, д. 70, л. 78.

¹⁰⁵ Труды съезда непрременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. - СПб., 1909. - С. 246-249.

¹⁰⁶ См.: Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. - Саратов, 1985. - С. 29.

¹⁰⁷ Шелохаев В.В. Общациональные интересы в конфронтационном обществе // Россия: Государственные приоритеты и национальные интересы. - М., 2000. - С.228.

68. Всеподданнейший отчет саратовского губернатора П. Столыпина за 1904 г. // Красный архив. – 1926 г. – Т. 17. – С. 85.

69. Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. – СПб., 1898. – 161 с.

70. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. Соч. В 8 т. – М., 1984. – Т. 7. – С. 222–223.

71. Голубев А.К. Подати и народное хозяйство // Русская мысль. – 1893. - №7. – С. 18-20.

72. Гофштеттер И. Забытый государственный человек Николай Алексеевич Милютин (По русским и иностранным источникам). – СПб., 1901. – 48 с.

73. Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. – СПб., 2006. – 368 с.

74. Головнин А.В. Всеподданнейший доклад Министра народного просвещения по проекту университетского устава 15 декабря 1862 г. – СПб., 1862. – 10 с.

75. Государственная деятельность Председателя Совета министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1911. - Ч. I - С. 1-39.

76. Градовский А.Д. Начала русского государственного права // Градовский А.Д. Собр. соч. – СПб., 1907–1908. – Т. VII. – 390 с., Т. VIII – 580 с., Т. IX. – 602 с.

77. Греч Н.И. Записки о моей жизни. – СПб., 1886. – 588 с.

78. Гушка А.О. [Коган О.А.] Представительные организации торгово-промышленного класса в России: По данным анкеты, произведенной XI (промышленно-экономическим) отделом Императорского русского технического общества. – СПб., 1912. – 208 с.

79. Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. – СПб., 1912. – 32 с.

80. Дейч Л.Г. За полвека. – М., 1922. – Т. 1. – Ч. 2. – 126 с.

81. Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она берет у него. – Изд. 2-е исправленное и дополненное. – М., 1897. – 256 с.

82. Десятилетие министерства народного просвещения 1833–1843. – СПб., 1864. – С. 3–4.

83. Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. – М., 1896. – 797 с.

84. Житков К.Г. Светлой памяти Великого князя Константина Николаевича генерал-адмирала русского флота (Биографический очерк). – СПб., 1912. – 137 с.

85. Журналы заседания ученого Комитета главного управления училищ по проекту Общего Устава Российских университетов – СПб., 1862. – Приложение VI. – С.2-5.

86. Зак С.С. Промышленный капитализм в России – М., 1908. – 172 с.

87. Законы о состояниях, ст.ст. 1–2 // Свод Законов Российской империи. В 16 т. – СПб., 1904. – Т. IX.

88. Записка, найденная в бумагах Н.Х. Бунге. 1881-1894 гг. - СПб., 1896. – 137 с.

47. Бржеский Н. Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. – СПб., 1906. – 219 с.
48. Былим-Колосовский Н. Развитие донецкой каменноугольной промышленности // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1901. – № 47. – С. 346.
49. Быховский Н.Я. Русская община и земельная реформа. – М., 1917. – 38 с.
50. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел в 2-х томах. – М., 1961. – Т. I. 1861-1864. – 422 с.; Т. II. 1865-1876. – 588 с.
51. Великая реформа. – М., 1911. – Т. III – 268 с.; Т. IV. – 280 с.; Т. V. – 311 с.
52. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. статей. 1909–1910. – М., 1991. – 235 с.
53. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х Т. – М., 1960. – Т. 1. – 555 с.
54. Витчевский В. Торговля, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. – СПб., 1909. – 362 с.
55. Вихляев П.А. Аграрный вопрос с правовой точки зрения. – М., 1906. – 63 с.
56. Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960. – Т.3 (17 октября 1905-1911). Царствование Николая II. – 723 с.; Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960. – Т.2 (1894 - октябрь 1905). Царствование Николая II. – 639 с.
57. Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб., 1905. – 163 с.
58. Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить, затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г., не позднее февраля // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. К столетию со дня рождения / Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского. – М., 1999, - Часть 2. – С.177-192.
59. Витте С.Ю. Записка С. Ю. Витте Николаю II от 9 октября 1905 г. о необходимости политических реформ // Витте Сергей Юльевич. Хроника. Документы, Воспоминания./ Подготовил к изд. Л.Е. Шепелев. – СПб., 1999. - С. 204-206.
60. Витте С.Ю. Записка С. Ю. Витте Николаю II от 9 октября 1905 г. о необходимости политических реформ // Витте Сергей Юльевич. Хроника. Документы, Воспоминания./ Подготовил к изд. Л.Е. Шепелев. – СПб., 1999. - С. 185,189.
61. Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. – СПб., 1910. – 329 с.
62. Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. – СПб., 1914. – 75 с.
63. Вольтке Г.С. Право промышленности и торговли в России в историческом развитии. – СПб., 1901. – 25 с.
64. Воронов Л. Иностранцы капиталы в России. – М., 1901. – С.1 - 22.
65. Восстание декабристов: Документы / Под ред. М.В. Нечкиной.- Т. XVII. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. - М., 1980. – 295 с.
66. В.В. (В.П. Воронцов). Судьбы капитализма в России. – СПб., 1882. – 312 с.
67. Воронцов В.П. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. – СПб., 1907. – 220 с.

мировании ее отдельных структурных механизмов. Этим объясняется та регрессивная эволюция взглядов первых государственных лиц, которую мы наблюдаем в вопросе введения конституции и системы представительства. Так Николай II, начав политические преобразования в 1905 г. со слов «России даруется конституция», в 1909 г. уже заговорил о желании превратить Думу в законосовещательный орган. А в 1913 г. он посчитал, что «при отсутствии у нас конституции Дума есть полная бессмыслица». В том же направлении развивались конституционные воззрения и у высших государственных чиновников - С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, В.Н. Коковцова¹⁰⁸.

Выводы

Доктрина «официальной народности», созданная С.С. Уваровым и внедренная в общественное сознание образованного общества России, представляла из себя стройную и достаточно эффективную в краткосрочной перспективе консервативную идеологическую систему, которая являлась пиком идеологического творчества дореформенного самодержавия.

Для решения задач модернизации страны самодержавная власть в конце 1850 - начале 1860-х годов создала новую идеологическую конструкцию - охранительный либерализм. Он включал в себя два взаимодополняющих элемента: правительственный либерализм и общественный либерализм. Важнейшими чертами новой идеологии явились охранительный характер, отрицание радикализма, эволюционность, отсутствие адекватной социальной базы. Охранительство, эффективное в тактическом плане, становилось ахиллесовой пятой в стратегическом развитии российского либерализма. Оно заставляло реформаторов действовать на идейном поле консервативного лагеря и тем самым зависеть от него: руководителей преобразований всегда можно было представить (что и происходило) как плохих «охранителей», предателей, «красных» и т.д.

Государственная идеология буржуазной модернизации России как комплексная система концепции развития, механизма формирования и использования общественного мнения, широкой группы поддержки во

¹⁰⁸ См.: Там же. – С.219-220.

второй половине XIX - начале XX века в законченном виде государственной властью создана не была. Однако, при этом, нельзя отрицать существования и противоречивого развития многих элементов данной системы. Особенности государственной протоидеологии буржуазной модернизации России следует считать:

- 1) ее противоречивый, расколотый характер связанный с эклектичным соединением элементов либерализма и консерватизма, конституционализма и монархизма, космополитизма и национализма, фритредерства и протекционизма, гражданского общества и бюрократизма;
- 2) ее, в целом, узкую социальную базу (за некоторым исключением идеологии П.А. Столыпина);
- 3) ее слабую боевитость, неразворотливость, низкую мобильность;
- 4) ее опору, главным образом, на государственный аппарат, а не на общественные движения и организации;
- 5) ее второстепенное, в большинстве случаев, значение в модернизации страны по сравнению с прямыми административными и законодательными решениями государственной власти.

Неразрешенное противоречие между идеями охранительства и возникшей протоидеологией буржуазной модернизации в рамках общей государственной идеологии явилось важнейшим показателем нарастающей неустойчивости самодержавия. Причинами этого противоречия стали недосформированность новой идеологической системы, противоречивая политическая позиция самодержавия и жесткое давление идеологических оппонентов.

Анализ формирования государственной идеологии буржуазной модернизации позволяет сформулировать *важный исторический урок*: никакие сколь угодно эффективные идеологические решения и мероприятия не могут, в конечном итоге, воспрепятствовать маятниковому, инверсионному движению общественного сознания от одного полюса к другому. Эффективными являются только те политические силы, которые не противодействуют сложившемуся вектору движения общественного сознания, а используют его.

27. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 год. – СПб., 1913. – С. XLIX.
28. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. – СПб., 1914. – С. L.
29. Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. – СПб., 1907. – 199 с.
30. Статистика налогов и пошлин. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий и дополнительный налог с неотчетных предприятий за 1912 г. – Пг., 1915. – С. XVIII–XX.
31. Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1896, 1897, 1898 гг. по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сим сборам. – СПб., 1900. – 221 с.
32. Статистические результаты раскладочного сбора за 1885 г. по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сему сбору. – СПб., 1888. – 287 с.
33. Статистический ежегодник на 1914 год. – СПб., 1914. – С. 395, 416–417.
34. Труды съезда непрременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. – СПб., 1909. – С. 246–249.
35. Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян. Т. 2. Свод предметов, обративших на себя внимание орловских дворян на уездных совещаниях. – С. 1–35.
36. Труды 29 съезда Бакинских нефтепромышленников. – Баку, 1911. – С. 229.
37. Ааронский Н.В. Профессиональные занятия населения Полтавской губернии по данным подворной переписи 1910 г. // Статистический ежегодник на 1915 год. Полтавское Губернское Статистическое Бюро. – Полтава, 1919. – № IV.
38. Александровский Ю.В. Закон 14 июня 1910 г. Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. – СПб., 1911. – 608 с.
39. Александровский Ю.В. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев. – СПб., 1913. – 161 с.
40. Аухаген Г. Критика русской реформы / Пер. с нем. и примеч. члена Комитета по землеустроительным делам А.А. Кофода. – СПб., 1914. – 32 с.
41. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1891. – Кн. 4. – 387 с.
42. Безобразов В.П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. – СПб., 1882. – С.1–715.
43. Безобразов В.П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. – М., 1863. – С.5–35.
44. Белов В.Д. Кризис уральских горных заводов 1909 г. – СПб., 1910. – 82 с.
45. Берендтс Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и общественной жизнью России. – СПб., 1915. – 202 с.
46. Блуменбах Е. Гражданское состояние [сословие] в России, а в частности, в прибалтийских губерниях, его права и обязанности. – Рига, 1899. – 64 с.

8. Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. – СПб., 1897. – Т. I. – Введение.
9. Департамент окладных сборов, 1863–15.IV.1913.[Исторический очерк]. – СПб., 1913. – 277 с.
10. Десятилетие министерства народного просвещения 1833–1843. – СПб., 1864. – С. 3–4.
11. Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 года комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб., 1873. – С. 1–54.
12. Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний. Труды особого совещания 1899–1901 г.. Составил А.Д. Поленов. – М., 1901. – 70 с.
13. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903.
14. Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. – СПб., 1906. – 97 с.
15. Отчет исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / Под ред. С.Н. Прокоповича. – М., 1918. – С. 83.
16. Отчет о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. – Пг., 1916. – С. 2–3.
17. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. – Пг., 1915. – С. 21–51.
18. О мерах к развитию производительных сил России. Доклад Совета съездов // Одиннадцатый очередной съезд представителей промышленности и торговли. – Пг., 1915. – С. 404–405.
19. О современном положении промышленности и торговли и видах на будущее в связи с предпринимательской деятельностью казны. Доклад Совета съездов // Восьмой очередной съезд представителей промышленности и торговли. – СПб., 1914. – С. 124.
20. О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны. Справка Министерства путей сообщения. – Пг., 1916. – 31 с.
21. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – СПб., 1905. – Т. 2. – 412 с.
22. Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. XVI. Итоги по империи. – Пг., 1915. – 48 с.
23. Положение о землеустройстве в Государственной думе и Государственном совете. – СПб., 1911. – 43 с.
24. Предварительные итоги переписи 1916 г. Вып. I. – Пг., 1916. – С. 636–637.
25. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916. – С. 1–527.
26. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 год. – СПб., 1912. – С. LIV–LV.

§ 3. Реализация авторитарной модели государственного строя

Развитие буржуазного общества в России, как исторический процесс включал в себя важную составляющую – модернизацию политической системы. При этом государственная власть взяла на себя реформаторскую инициативу в основном под влиянием внешних факторов.

Военно-политический натиск молодых капиталистических держав XVII–XVIII в. стал реальной угрозой независимому существованию таких периферийных государств Европы, как Россия. Адекватный ответ на это находился в русле создания регулярных армий, что требовало, в свою очередь, перестройки финансовой системы, увеличения налогов, роста бюрократии и усиления королевской власти¹. Не менее реальной была опасность экономического подчинения слабо развитых государств. В этот период одной из главных задач Голландии, Англии, Франции и Испании «стало овладение внешними рынками, что диктовалось насущными потребностями ранней мануфактуры. Рынки соседних стран представляли самую близкую добычу и – при наличии известных условий – значительные барыши. Подобного рода выгоды приобретались преимущественно в ущерб развитию экономики соседей. Голландцы богатели от эксплуатации Испании и особенно обширного французского рынка, нанося тяжелый урон французской промышленности и торговле и задерживая развитие во Франции капиталистического уклада. Англичане богатели за счет Испании и частично Франции, французы – за счет Испании и отчасти Германии»². Англичане и голландцы богатели и за счет России, на что так горько сетует в своих челобитных русское купечество XVII в.³.

На эти вызовы Запада русское правительство ответило сначала меркантилизмом, затем – реформами Петра I, а позже – утверждением системы «просвещенного абсолютизма». Государства, которые не пошли по пути такой защиты, постигла печальная участь утраты независимости или постепенного превращения в колонии или полуко-

¹ См.: Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 36.

² Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. – М.-Л., 1965. – С. 337.

³ См.: Павлова-Сильванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // Истории СССР. – 1968. – № 4. – С. 83.

лонии. Однако экономические и политические действия защищавшихся стран приводили к своеобразным результатам. Так, господство крепостничества в России вело к тому, что здесь развитие товарно-денежных отношений, внутренней и внешней торговли становилось предпосылкой для явлений, по форме напоминавших процессы, происходившие в буржуазных странах, которые, однако, искажались и наполнялись совершенно иным содержанием, порой превращаясь в полярную противоположность европейским образцам. В результате, к жизни были вызваны «тупиковые» экономические формы: барщинное поместье, крепостная мануфактура, докапиталистические банки⁴. Высокая эффективность и выгодность подневольного труда обеспечивала их жизнеспособность и устойчивость⁵. Увеличение же товарности на базе этих форм не просто расширяло сферу феодальных отношений, но изменяло их общественный характер – связь с капиталистической мир-системой обуславливала постепенное приобретение ими квазикапиталистического содержания. Характерно, что Россия, прежде больше известная экспортом продуктов охоты и рыболовства, а также лесного хозяйства, вышла на первое место по экспорту зерна⁶.

Именно благодаря «тупиковым» квазикапиталистическим формам в XVIII в. удалось форсировать промышленное развитие страны, замкнутое в конечном итоге на нужды постоянной армии. Это обстоятельство предопределило активную роль надстройки в виде становления абсолютизма.

Становление и развитие абсолютной монархии в России, как и в других европейских странах, было длительным процессом, включавшим ряд этапов.

Наиболее удачной следует признать ту точку зрения, которая, во-первых, отождествляет абсолютизм и самодержавие и, во-вторых, использует в качестве главного критерия абсолютизма не независимость волевых решений монарха, а их неограниченность со стороны или сословно-представительных, или парламентских институтов и учреждений. Исходя из этого, период с конца XVII в. до начала XX в. определен в исследовании как абсолютизм. Он включает в себя

⁴ См.: Там же. – С. 84–85.

⁵ См.: Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. – 1968. – № 4. – С. 83.

⁶ См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. – М., 2003. – С. 52.

5. Материалы дел из фондов государственного архива Тульской области (ГАТО):

– Тульский оружейный завод (ф. 187, оп. 1, д. 178).

6. Материалы дел из фондов Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб):

– Канцелярия Петербургского генерал-губернатора (ф. 2075, оп. 5, д. 20, 39);

– Канцелярия Петербургского губернатора (ф. 253, оп.3, д. 613, 2062, 3874, 4496);

– Петроградская городская Дума (ф. 792, оп. 1, д. 3193, 7418, 9162);

– Канцелярия Петроградского градоначальника (ф. 569, оп. 1, д. 461, 996; оп. 15, д. 808);

– Петроградское губернское правление (ф. 254, оп. 1, д. 3193, 7418, 9162);

– Петроградское уездное полицейское управление (ф. 961, оп. 3, д. 195; оп. 4, д. 920);

– Фабричная инспекция Петроградской губернии (ф. 1229, оп. 1, д. 2, 8а, 141, 203, 214, 225, 945);

– Строительное отделение Петербургского губернского правления (ф. 256, оп. 22, д. 11; оп. 29, д. 214);

– Петроградская городская управа (ф. 513, оп. 116, д. 157);

– Петроградская распорядительная дума (ф. 514, оп. 1, д. 196);

– Петроградская городская санитарная комиссия (ф. 210, 1, д. 164-а);

– Новолодожская уездная земская управа (ф. 682, оп. 1, д. 912, 918, 965, 1108,);

– Ямбургская уездная земская управа (ф. 1780, оп. 3, д. 1);

– Петроградские высшие женские курсы (ф. 113, оп. 1, д. 31).

7. Материалы дел из фондов Центрального государственного архива Военно-морского флота:

– Канцелярия Морского министерства (ф. 410, оп. 2, д. 1045).

II. Опубликованные первичные и вторичные источники

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е: В 45 Т. – СПб., 1830. – Т. XX, XXIX, XXX, XXXI, XXXIX.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е: В 55 Т. – СПб., 1830–1884. – Т. II, XX, XXI, XXII, XXV, XXXVI.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е: В 45 Т. – СПб., 1885–1916. – Т. I, VII, IX, XII, XIV, XVII, XIX, XXIII, XXIV, XXVI.

4. Свод законов Российской империи: В 15 Т. – СПб., 1832. – Т. 1. – Ч. 1.

5. Свод законов Российской империи: В 16 Т. – СПб., 1892. – Т. 2, 3; 1899. – Т. 4; 1903. – Т. 4, 5, 14; 1907. – Т. 4; 1912. – Т. 4.

6. Свод военных постановлений. – СПб., 1859. – Ч. 1.

7. Свод военных постановлений. – СПб., 1869. – Кн. XVIII.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Неопубликованные первичные источники

1. Материалы дел из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ):

- Постоянный совет объединенных дворянских обществ (ф. 434, оп. 1, д. 41, 260, 328);
- Коллекция рукописей Царскосельского дворца (ф. 543, оп. 1, д. 315);
- Всероссийский крестьянский союз (ф. 519, оп. 1, д. 15, 16, 21);
- Деятельность фракции трудовиков (ф. 522, оп. 1, д. 1, 2);
- Александр II (ф. 678, оп. 1, д. 603, 607, 673, 675, 696);
- Великий князь Константин Николаевич (ф. 722, оп. 1, д. 292, 336, 342, 351, 354, 355, 356);
- Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии. 1826-1880 (ф. 109, оп. 223, д. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 12).

2. Материалы дел из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА):

- Главный штаб (ф. 400, оп. 3, д. 2606, 2608, 2708, 2905);
- Военно-ученый комитет (ф. 401, оп. 5/926, д. 615);
- Русско-турецкая война 1877–1878 гг. (ф. 485, оп. 1, д. 839);
- Артиллерийский департамент (ф. 503, оп. 4, д. 268, оп. 5-6, д. 190);
- Главное артиллерийское управление (ф. 504, оп. 7, д. 953, 956, 959, 966);
- Канцелярия военного министерства (ф. 1Л., оп. 1, т. 15, д. 40).

3. Материалы дел из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА):

- Орловы-Давыдовы (ф. 1273, оп. 1, д. 2592, 2605, 2606).

4. Материалы дел из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА):

- А. Кривошеин (ф. 1571, оп. 1, д. 62);
- Крестьянский поземельный банк (ф. 592, оп. 43, д. 1064);
- Государственная дума (ф. 1278, оп. 1, д. 787);
- Комитет по землеустроительным делам Министерства земледелия (ф. 408, оп. 1, д. 70);
- Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел (ф. 776, оп. 8, д. 2102);
- Общая канцелярия министра финансов (ф. 560, оп. 14, д. 292);
- Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности при Государственном совете (ф. 1233, оп. 1, д. 7);
- И.Я. Гурлянд (ф. 1629, оп. 1, д. 116, 400).

этапы: сословной патерналистской монархии, бюрократической правомерной монархии, квазиконституционной монархии.

Большую научную продуктивность сохраняет социально-экономический критерий членения абсолютизма на крепостнический абсолютизм, госкапиталистический абсолютизм и бонапартизм, так как показывает преобладание и соотношение тех или иных экономических отношений и социальных сил, оформленных однотипной или видоизмененной надстройкой.

Революционный характер возникновения абсолютизма проявился в целом ряде позиций. Появилось новое обоснование легитимности власти. Оно стало в основном рациональным и снимало с государя ограничения традицией и обычаем. Для этого использовался симбиоз теории договорного происхождения власти и церковного учения о ее богоустановленности⁷. Генеральной посылкой становятся идеи «общего блага» и «всемирной пользы», понимаемой как политическое процветание государства, материальное и духовное благополучие подданных⁸. Для этого государство имело право полностью распоряжаться их душой и телом, а те в свою очередь, обязаны были выполнять все повеления власти, не судить монарха и не указывать ему, что делать.

Со временем, под влиянием набравшей обороты либеральной инверсии общественного сознания, идеологически окрашенной в просветительские тона, эта позиция была подкорректирована. Екатерина II отошла от провозглашенной Петром I идеи полного всевластия царя, от трактовки личного усмотрения государя как единственного двигателя жизни. Манифестом от 6 июля 1762 года было объявлено, что самодержавное самовластие само по себе без узды человеколюбивых качеств есть зло, пагубное для государства; усматривалась ценность в конкретных человеческих свойствах, признавалось определенное право личности поступать по собственной воле⁹.

Власть монарха приобрела самодержавный характер де-факто и де-юре, освободившись от институтов и норм традиционного общества. После этого государь для получения прав на престол более не нуждался в чьем-либо одобрении. Основанием законности передачи престола в XVIII в. стали воля прежнего монарха, ритуал корона-

⁷ См.: Шапиро А.Л. Указ. соч. – С. 76.

⁸ См.: Павленко Н.И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокопятилетию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. – М., 1964. – С. 399.

⁹ См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 189; Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 110.

ния и присяги подданных на верность не только царю, как было ранее, но и государству. При отстранении народа от роли субъекта власти, Петр I сохранил преемственность с XVII в. в том, что поддержал патерналистский взгляд на верховную власть, на ее отношение с обществом¹⁰.

Произошли изменения в политическом менталитете общества. Главным в службе становится не мотив спасения души, а деятельность ради «общей народной пользы», что знаменовало собой переход идеи государства из преимущественно религиозной в идею преимущественно светскую. Новым моментом в народном политическом сознании стало отделение государя от государства в смысле административного аппарата, понимание их как двух разных субъектов.

Законодательство, стремясь усовершенствовать общественные отношения, порвало связь с обычаем и имело преимущественно реформаторский характер, основываясь либо на иностранном законодательстве, либо на теоретических соображениях. При этом правовая деятельность имела несколько особенностей: она осуществлялась в русле постоянного воспроизводства регулярного полицейского государства, регламентирующего, в целях «отеческой» заботы всю повседневную жизнь и деятельность непросвещенных подданных, отстранив их при этом от выдвижения законодательных инициатив¹¹; законы не имели обратной силы, распространялись на всех лиц, должны были исполняться точно и буквально; закон стал определять работу механизма государственного управления, различных категорий профессиональных чиновников, произошло частичное отделение друг от друга разных ветвей власти.

Сложился новый механизм управления страной, опирающийся на рационализм и бюрократическое начало. Рационализм проявлялся в четком разграничении прав и обязанностей между центральными учреждениями исходя из отраслевого принципа. Приказная система, практически лишенная системности, была заменена коллегиальной. Бюрократическое начало выражалось в создании иерархии единообразных учреждений, руководствовавшихся в своей деятельности регламентами, инструкциями и наставлениями¹².

¹⁰ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 128–129, 132.

¹¹ На наш взгляд, сама общественная пассивность была причиной таких действий властей, как бы провоцировала ее авторитарные шаги.

¹² См.: Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 16–17.

неустойчивой, противоречивой, а, следовательно, обладает меньшим потенциалом прочности и может приводить к возвращению к казальсь бы уже пройденным этапам развития.

Выводы из исторических уроков сложного и противоречивого периода отечественной истории предполагают их учет в развитии современной России и, в первую очередь, того, что проведение социально-экономических и политических буржуазных преобразований должно сопрягаться с назревшими потребностями модернизации государства и становления гражданского общества, при учете специфики российского социума и российской цивилизации в целом.

вывода сознания преобразователей из-под власти идеологических догм и корпоративных интересов.

Никакие сколь угодно эффективные идеологические решения и мероприятия не могут, в конечном итоге, воспрепятствовать маятниковому, инверсионному движению общественного сознания от одного полюса к другому. Эффективными являются только те политические силы, которые не противодействуют сложившемуся вектору движения общественного сознания, а используют его.

6. Исторические корни современной России лежат в ее генезисе из состояния развивающейся периферийной страны, в буржуазно-модернизационном, стадильном смысле слова. Ее переходность и межформационность, с одной стороны, фиксируется всем ходом внутреннего исторического развития, а с другой – соотносится с такими же по своей сущностной основе, изменениями, происходящими в то или иное время, в той или иной степени во всех странах развивающегося мира. Это не исключает, однако, влияния на ход развития России специфических особенностей ее модернизации.

Их анализ, в первую очередь, природно-хозяйственного фактора, приводит к разрушению мифа о России как Великом Востоко-Западе. На самом деле географическое промежуточное положение между Западным и Восточным мирами не совпадает с социально-экономическим местом России. Образно говоря, она по условиям своего хозяйственного пути гораздо дальше отстоит от Востока, нежели Запад, который и занимает истинное в природно-хозяйственном смысле, промежуточное положение. Только в Западной Европе сложился природно-климатический оптимум для экономической самореализации, именно здесь условия были достаточно суровы, чтобы создать стимул к эволюции, и достаточно мягки, чтобы предоставлять для этого возможности.

Находясь достаточно далеко друг от друга, по условиям экономической деятельности, российский и восточный миры удивительно близки по своим модернизационным проблемам и задачам. Эта близость объясняется общим направлением межформационного сдвига от традиционного к буржуазному обществу.

7. В модернизирующемся обществе всегда происходит выбор между стратегией становления и стратегией формирования буржуазного общества. Приоритет того или иного варианта зависит от конкретной совокупности факторов. Российский опыт показывает, что стратегия формирования является более скоростной, но и более

В связи с тем, что дворянство фактически превратилось в правящее сословие, произошла трансформация *патриархальной* монархии в *дворянскую*. Однако при этом самодержавие проявляло достаточную самостоятельность в своей политике, так как имело широкую социальную базу, которая включала не только дворянство, но и все другие сословия.

Здесь следует особо указать на то, что в течение XVIII в. происходило противоборство двух тенденций в развитии дворянского сословия: попытки получения привилегий через завоевание политической власти или через волю монарха. С выходом в свет знаменитой «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» вторая тенденция окончательно возобладала, что, однако, означало не только торжество дворянства, но и его политическое поражение: в обмен на щедрые сословные привилегии дворяне, как класс, отстранялись от политической власти, а дворянское самоуправление, попавшее под бдительный контроль губернатора, обнимало только круг сословных дворянских интересов¹³. При этом нужно учитывать, что века службы отложились в коллективной памяти дворянства чередой традиций и преданий, которая связывала каждую дворянскую семью, род и в целом все дворянство с государством и страной. Со временем узко сословное понимание службы сменялось у части ее просвещенной элиты стремлением «как-то служить России» и рождало глубокое чувство социальной ответственности. Именно здесь зрели корни *глубокого социального раскола в стане ведущего сословия страны*. Крайнее размежевание дворянства станет отличительной чертой российской модернизации на всех ее политических этапах: от декабризма до большевизма.

В политическом смысле развитие самодержавно-бюрократических начал государственной жизни в XVIII в. заключало в себе как *прогрессивные*, так и *реакционные* черты¹⁴.

С одной стороны, существование регулярного государства подготавливало те правовые, социальные и психологические основы, без которых было бы невозможно становление *правомерного* государства, как первой ступени государства правового.

С другой стороны, опора на дворянство при отсутствии полноценной буржуазии и сословно-представительных учреждений, про-

¹³ См.: Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 99.

¹⁴ См.: Шапиро А.Л. Указ. соч. – С. 81.

монархический менталитет народа и господство крепостничества направляли развитие буржуазной государственности по наименее эффективному пути – бюрократическому. Конечно, «административные органы XVIII в. были шагом вперед по сравнению с Боярской думой и приказами, но не были шагом вперед по сравнению с ликвидированными сословно-представительными учреждениями города и деревни»¹⁵.

Таким образом, все эти изменения превратили русскую государственность к концу XVIII в. в сословную патерналистскую монархию, государственные учреждения которой были ограничены административным правом и сословными правами подданных и создали предпосылки для дальнейшей ее эволюции в направлении правомерной монархии.

Важным этапом в реализации бюрократического начала стало создание Государственного совета, что имело принципиальное значение: теперь воля императора осуществлялась при одном важном условии – если она превратилась в писанный закон, который предварительно обсужден в Государственном совете и публиковался Сенатом¹⁶. И несмотря на то, что со временем полномочия Государственного совета все больше и больше ограничивались, а верховная власть пыталась «изготавливать некоторые законы, обходя... Государственный Совет»¹⁷, его значение осталось очень высоким на протяжении всего додумского периода.

Создание Государственного совета показало серьезную метаморфозу, затронувшую регулярное государство. Власть со времени роспуска екатерининской Комиссии об Уложении отказалась от идеи о каком-либо народном представительстве в общегосударственном масштабе и сделала ставку на бюрократический принцип формирования государственных органов¹⁸. Причиной этого, на наш взгляд, были не только конкретные политические и экономические обстоятельства, с которыми вынужден был считаться Александр I, но также концептуальные особенности либеральной доктрины того времени: до середины XIX в. правовое государство зачастую подразумевало обеспечение индивидуальных прав, свободы человека от угнетения его со стороны других людей, а не защиту от давления со стороны государ-

возникновение на этой основе не только социального, но и социокультурного раскола.

3. Использование в российской модернизации аграрного сектора трех моделей развития: «вертикальной» (полукрепостнической), «горизонтально-рыночной» (столыпинской) и «вертикально-горизонтальной» (кооперативной) показывает тупиковость первой модели, катастрофичность – второй и большую перспективность – третьей и в экономическом, и социальном аспектах. Это подтвердил опыт многих стран, вставших на путь модернизации позже России. Отсюда следует необходимость внимательного изучения преобразователями и в России, и в других странах возможности развития широкого кооперативного движения.

4. Бюрократическое администрирование, ставшее основным методом управления страной в XVIII – XIX в. заложило основу последующих моделей управления и выработало привычку решать задачи форсированного догоняющего развития исключительно мобилизационными бюрократическими приемами. Это порождает своеобразную ловушку для всех реформаторов и преобразователей нашей страны. В ней сочетаются бюрократическое самомнение, нежелание решать вопросы с опорой на мнение простых людей и страх перед ответственными решениями, упование на волю вышестоящего начальства. Исторический опыт России XVIII – начала XX в. говорит о том, что именно бюрократическое администрирование несет с собой угрозу игнорирования властью простой истины государственного управления: нельзя приступать к реформированию общества, которому непонятны цели государственной политики, зато видны ее негативные последствия, ухудшающие положение населения или противоречащие его социокультурным ценностям; нельзя задерживать или ухудшать просвещение населения и требовать от него понимания властных решений.

5. Незавершенность перехода к буржуазному обществу обуславливает закономерность воспроизводства функционирования механизма социокультурной инверсии от одного крайнего идеала общественного сознания (авторитарного) к другому («соборному»). Исторический опыт учит, что эти переходы чреваты огромными потрясениями и потерями для общества. Выход из этой модели возможен только в русле постоянного поиска переходных опосредующих звеньев между полюсами инверсии. А это требует, в первую очередь,

¹⁵ Шапиро А.Л. Указ. соч. – С. 82.

¹⁶ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 143.

¹⁷ Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 78.

¹⁸ См.: Захаров Н.А. Указ. соч. – С. 77.

другой форме, и, в-третьих, в углублении межсекторного разрыва между сельским хозяйством и промышленностью. Новые экономические реалии повлияли на установление и крах квазиконституционного строя и бонапартистской политической системы, сказались на окончательной утрате самодержавием лидерства в проведении преобразований.

Обобщенный исторический опыт процесса становления буржуазного общества в Российской империи и деятельности государства по его формированию позволяет определить *исторические уроки*.

1. Большой экономический разрыв, возникший между Западом и Россией в XIX в. (и существующий до сих пор) с неизбежностью ставит проблему догоняющего развития, средством решения которой является постоянное воспроизводство выбора форсированной модели индустриализации и социально-политической модернизации при слабом, недосформированном субъекте буржуазных преобразований и ведущей роли его заместителя – государственной инициативы. Когда она ослабевает или становится неадекватной стоящим перед страной задачам, российское общество погружается в кризис. Отсюда вытекают важные исторические требования. Во-первых, необходимо, в первую очередь, уделять внимание развитию ведущего социального субъекта преобразований, дабы государству не обрекать себя на исполнение несвойственных ему функций. Во-вторых, властные структуры должны соизмерять масштабы задач государственной политики и их ресурсное обеспечение, что выводит на необходимость поиска возможных альтернатив и отказа от политики простых однозначных решений. В условиях догоняющего развития метод форсированного роста экономики не является абсолютно безальтернативным. При определенных обстоятельствах возможен путь постепенного накопления капитала при развитии мелкой и средней промышленности – путь в свое время теоретически обоснованный экономистами-народниками, а практически реализованный в 1970-1980-х годах в КНР.

2. Пристегнутость (включение на вторых ролях) российской экономики к капиталистической мир-системе «генетически» обуславливает возможное воспроизведение различных форм регрессии капитала и квазикапитализма. Это, в свою очередь, обуславливает возможность появления конгломерата капиталистических потоков («западного» и «почвенного») и квазикапиталистических укладов и

ства путем дарования народу гражданских прав и привлечения к участию во власти. Этим абсолютизм получил теоретическое обоснование своего главного кредо: просвещенный и неограниченный в своих правах государь мог сделать для блага государства больше, чем государь, ограниченный в своих правах. Поэтому Александр I, разделявший либеральные взгляды, хотел сделать государственное управление закономерным не ради того, чтобы поставить под контроль «общества» монарха и государственную власть, а ради того, чтобы обеспечить контроль над государственными учреждениями со стороны верховной власти и «общества»¹⁹.

Таким образом, в развитии регулярного государства к правовому постепенно побеждала тенденция бюрократизации управления. М. Вебер назвал ее «бюрократической рационализацией самодержавия»²⁰. Еще в период екатерининского правления произошло значительное увеличение армии чиновничества, умаление принципов коллегиальности. В сохранившихся коллегиях они эволюционировали в сторону единоначалия, поскольку считалось, что коллегия замедляла процесс управления, а низкий профессиональный уровень чинов коллегий зачастую вел к профанации самого этого принципа²¹. При Александре I поначалу пытались совместить коллежскую форму управления с министерской. Однако, неопределенность и запутанность отношений между министрами и коллегиями вызвали многочисленные нарекания министров, что привело к постепенному упразднению коллегий и открытию при министрах специальных департаментов наследовавших функции соответствующих коллегий. Последующее реформирование министерств в 1810–1811 гг. завершило процесс переустройства центрального управления на принципах единоначалия и бюрократизации административной власти, придало ему характер и структуру, которые в общих чертах сохранялись до 1917 г.²². С созданием министерств центр тяжести управления вновь переместился из области в столицу, что позволило монарху непосредственно руководить всем ходом дел через министров, перед ним ответственных и с ним связанных личными докладами и распоряжениями.

¹⁹ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 142.

²⁰ См.: Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное / Перевод А. Кустарева. – М., 2007. – С. 67.

²¹ См.: Каменский А.Б. Указ. соч. – С. 93.

²² См.: ПСЗ РИ. – Собр. 1-е. – Т. XXXI. – № 24307, 24326, 24686.

Появление Государственного совета и министерств означало продолжение реализации принципа разделения властей. С этого времени в стране под эгидой верховной власти действовала стройная система государственных учреждений, обособленных по функциям: Государственному совету принадлежала законосовещательная власть, министерствам – исполнительная, Сенату – контролирующая, судам – судебная²³.

Вскоре возникло несоответствие между новой системой центрального управления и местными уровнями власти, созданными еще законодательством Екатерины. Если в организации министерств восторжествовали принципы ведомственного разделения дел и единоличного начала, то губернские учреждения оставались по характеру управления смешанными и коллегиальными; губернаторы подчинялись министру внутренних дел, губернские правления – Сенату. Это противоречие стало серьезной управленческой проблемой для самодержавия вплоть до Великих реформ²⁴.

Набиравший обороты николаевский авторитаризм стал основным руслом, в рамках которого происходили шлифовка и некоторая трансформация правомерно-бюрократического сословного государства.

В первую очередь следует сказать об изменении социальных параметров российской монархии. Она все больше утрачивала сословное лицо и по составу, и по своим целям. При Николае I были приняты меры по ограничению власти помещиков над крепостными, и государство стало вмешиваться в отношения между ними в невиданном прежде масштабе²⁵. Изменение системы комплектования бюрократии ослабило роль дворянства в управлении. Преимущественно сословная система пополнения кадров сменилась преимущественно чиновной системой, основанной на принципе выслуги, наличия образования и профессионализма. В результате если в 1755 г. среди чиновников выходцы из дворян составляли около 50%, то в 1840–1855 гг. – уже 44%, притом, что дворянство постоянно пополнялось за счет чиновников-недворян²⁶.

²³ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 199.

²⁴ См.: Писарькова Л.Ф. Бюрократизация административной системы в первой половине XIX века // Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003. – С. 103.

²⁵ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 140.

²⁶ См.: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. – М., 1974. – С. 213–215.

Содержанием *предварительного (докапиталистического) этапа буржуазной модернизации* стало развитие функционального аспекта капитализма в абсолютистской форме. Это проявилось в организационно-технической модернизации промышленности, возникновении квазикапиталистических производственных отношений, политико-правовой модернизации российского государства при одновременном создании его сословного базиса. *Капиталистический этап формирования буржуазного общества (буржуазной модернизации)* явился прямой реализацией взаимодействия развивающихся индустриальных производительных сил и соответствующих им капиталистических экономических отношений в условиях функционирования добуржуазных пережиточных форм. Этот этап включал два исторических периода: пореформенный и империалистический.

Содержанием пореформенного периода стали: завершение формирования капиталистического уклада в виде двух социально-экономических потоков-пластов (почвенного и государственно-монополистического), и их конгломератного государственно-капиталистического и квазикапиталистического переплетения; отмена крепостного права и становление депрессивной модели эволюции аграрного сектора; интенсификация перехода от сословно-классовой социальной системы к буржуазно-классовой; дальнейшее плутократическое перерождение власти, предопределившее половинчатое и противоречивое расширение гражданских и политических прав и свобод и лишь некоторое приближение отдельных государственных институтов к либеральному идеалу; переход в связи с этим части преобразовательной инициативы в руки интеллигенции и политической оппозиции.

Модернизация периода империализма предполагала в первую очередь завершение становления экономического строя России в виде сложной системы: межформационной и переходной к капитализму с точки зрения стадийной динамики, многоукладной конгломератно-анклавной по своей структуре, квазикапиталистической и государственно-капиталистической по функционированию экономического механизма. Данные качества, обусловившие возникновение капиталистического способа производства, перекрывали перспективы развития капиталистической модернизации. Это проявилось, во-первых, в возникновении такого качества российского государственного капитализма, как убывающая прогрессивность, во-вторых, в продолжении функционирования депрессивной модели аграрной эволюции, хотя и в

шло сознательное, целенаправленное доформирование властью сословного общества и укрепление абсолютизма при попутном становлении капитализма, то в последующем мы наблюдаем переход власти на позицию активного целенаправленного формирования капитализма, пусть и отягощенного крепостными пережитками.

В начале нового этапа происходила ускоренная ликвидация институтов крепостничества и без промышленного переворота и индустриализации дальше двигаться было нельзя. Однако выбранная верхушечная форсированная модель экономической политики привела к появлению уродливого капитализма, основанного на насаждении «заимствованного» государственно-монополистического потока, пристегивании к нему как самобытного российского капитализма, так и докапиталистических укладов. Эта стратегия преобразований привела к перегреву российского социума и вызвала к жизни острые социально-экономические и политические противоречия. Попытка вырастить без буржуазной политической революции «ручных» капиталистов и цивилизованных рабочих для создания «английской» системы провалилась.

П.А. Столыпин попытался придать процессу формирования капитализма оттенок становления, попытался «освежить», дать простор самобытному, «автохтонному», почвенному потоку модернизации. Однако к тому времени антикапиталистическая, антибуржуазная тенденция российского пролетариата и крестьянства, проявившаяся в годы Первой русской революции, оказалась более устойчивой и востребованной массами, чем процессы становления буржуазного общества. Эта тенденция стала составным элементом психологической инверсии, направленной на утверждение догосударственных локалистских ценностей. И если в экономической сфере в ходе взаимодействия разновекторных потоков в победители вышел насаждаемый сверху капитализм, то в социально-политической сфере господствующим стал «общинный идеал», отодвинувший на задний план и монархизм, и либеральный поттерн.

Таким образом, в ходе формирования буржуазного общества в России периода империи происходили качественные изменения длительного типа в виде длительной буржуазной модернизации, что дает основание определить ее межформационный революционный характер.

Исследование подтвердило, что в длительной буржуазной модернизации можно выделить два этапа.

Напуганный выступлением декабристов Николай I перестал доверять дворянству как сословию. Таким образом, дворянство из правящего сословия превратилось в преобладающее сословие: сословные дворянские интересы были приоритетны для верховной власти, но не сравнительно с государственными интересами, а сравнительно с интересами других сословий; с мнением дворянства самодержавие считалось, но государственное управление находилось в руках бюрократии, зависимой от верховной власти, а не от дворянства²⁷. Здесь в полной мере подтвердился вывод сделанный К. Марксом о том, что «бюрократия, как *завершенная корпорация*, одерживает... верх над *корпорацией*, как незавершенной бюрократией»²⁸. Постепенное вытеснение принципа сословности из государственного аппарата опиралось и на процессы формирования капиталистического уклада. Он способствовал зарождению как новых социальных задач государства, так и обновленной социальной базы чиновничества.

В царствование Николая I не только возросла численность бюрократии, но также укрепились ее *военно-полицейские функции*, несколько изменилось социальное лицо, возросла роль в государстве за счет ослабления поместного дворянства²⁹.

Постепенно устраняя из государственного механизма элементы сословности, власть все больше содействовала эволюции государственного строя в сторону совершенствования правомерной монархии. Самодержавие самоограничивалось законом, который оно само творило. С этой целью в 1832 г. при составлении «Свода законов» в ст. 47 было указано, что осуществление самодержавной власти подчиняется принципу законности: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих»³⁰. Подтверждением правомерного характера государственной власти явился выход в свет в 1830–1832 гг. 45-томного «Полного собрания законов Российской империи» и 15-томного систематического «Свода законов Российской империи».

²⁷ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 148.

²⁸ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. – М., 1955. – Т. 1. – С. 271.

²⁹ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. – 1989. – № 10. – С. 7.

³⁰ Основные законы и учреждения государственные. Ст. 47 // СЗРИ: В 15 Т. – СПб., 1832. – Т. 1. – Ч. 1.

Отражением становления правомерной государственности стала и новая государственная идеология, разработанная министром народного просвещения С.С. Уваровым - теория официальной народности. (Подробно в главе 3).

В период правления Николая I в полную силу была реализована тенденция бюрократизации и централизации управления. Законы 1837-го, 1842-го, 1845-го гг. окончательно утвердили эти начала на местном уровне. Теперь власть губернатора, соединившего функции управления и надзора возросла, хотя ему отводилась роль исполнителя предписаний центральных властей без права действовать самостоятельно и под свою ответственность. Губернское правление, подчиненное и МВД, и губернатору, из коллегиально-совещательного учреждения превратилось в исполнительную канцелярию при губернаторе³¹. Такие изменения привели к росту «неправосудия», «своеволия», «насилия», «лихоимства», «бездействия», «потворства» губернаторов, что вызывало острую реакцию правительства. Только Комитетом министров за время царствования Николая I на губернаторов было наложено 189 взысканий³².

В первой половине XIX в. роль государства в жизни общества продолжала повышаться. Это выражалось, как в количественных, так и в качественных изменениях. Общая численность чиновников, в связи с министерской и местной реформами, а также общим авторитарным настроением, за 1796–1857 гг. увеличилась в 5,6 раза, то есть с 21,3 тыс. чел. до 119,3 тыс. чел.³³ соответственно возросли численность и разветвленность структурных подразделений в центре и на местах.

Смысл наступивших перемен в отношениях общества и государства был заключен в принципе, сформулированном Николаем I: «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя». Это означало, что, с одной стороны, власть не была склонна полностью расстаться с этикетски трактуемым либерализмом, да и не могла уже, признавая реальность внутренней свободы людей, духовного мира неподвластного начальству, но, с другой стороны, она боялась по соображениям безопасности вступить с ним в серьезный диалог, ибо он нес повышение дискомфорта состояния и власти, и обще-

³¹ См.: Писарькова Л.Ф. Указ. соч. – С. 120, 122; Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М., 2001. – С.184.

³² См.: Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М., 2001. – С.184.

³³ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 200.

российского общества на раннебуржуазной ступени развития и привело к смене модели модернизации России.

VII. Государственная идеология буржуазной модернизации России как комплексная система, включающая концепцию буржуазного развития, механизм формирования и использования общественного мнения, широкую группу поддержки, во второй половине XIX - начале XX века в законченном виде государственной властью создана не была. Она представляла собой в целом малоэффективную и противоречивую (консервативно-либеральную) идеологическую конструкцию, которая, с одной стороны, прямо обслуживала самодержавно-авторитарную модель буржуазной модернизации, а, с другой стороны, косвенно способствовала ее разрушению.

В целом ход российской модернизации можно представить следующим образом. Проводившиеся в XVIII – начале XIX в. в социально-политической сфере буржуазные преобразования субъективно были направлены не на становление буржуазного общества, а на доформирование сословного дворянского строя, но объективно, в конечном итоге, способствовали буржуазной модернизации страны. Правители России в этот период не стремились утверждать буржуазные порядки сами по себе, так как они не имели в их сознании какой-либо самостоятельной ценности. Главным приоритетом и смыслом развития у самодержавия всегда являлись укрепление и расширение державы, сохранение монархии, социально-экономическое обеспечение военной мощи страны. Исходя из этого государственная власть видела и ясно осознавала военно-политическую, экономическую и социокультурную угрозу, идущую с Запада. Адекватный ответ на нее, как казалось, лежал, прежде всего, в плоскости модернизации российской государственности и включения страны в мировое рыночное хозяйство. Неминуемым попутным последствием такой модернизации явилось постепенное вызревание самобытного потока российского капитализма, отягощенного квазикапиталистическими (рыночно-кабальными) формами.

К середине XIX в. докапиталистический этап буржуазной модернизации подошел к экономическому, военно-политическому и социокультурному пределу своего развития, главным образом, в силу исчерпания мануфактурной технологии и крепостного характера труда. Возникла острая необходимость перехода ко второму, капиталистическому этапу буржуазной модернизации. И если до середины XIX в.

капиталистическую по функционированию экономического механизма. Эти качества, с одной стороны, обусловили возникновение капиталистического способа производства, а, с другой стороны, они же перекрывали перспективы капиталистической модернизации.

II. Решающим звеном в развитии экономики России второй половины XIX – начала XX в. явилась политика государственного капитализма, которая, однако, имея в своей основе расколотый переходный характер, все больше приобретала качество убывающей прогрессивности.

III. В аграрном секторе России в конце XIX – начале XX в. утвердилась депрессивная квазикапиталистическая модель развития, итогом которой явилось единое действие двух, казалось бы, взаимоисключающих тенденций: движения к рыночному капиталистическому хозяйству, с одной стороны, и к консервации небуржуазных отношений, – с другой.

IV. В России в период с конца XVIII – до начала XX в. происходил переход от одного типа классового общества (сословно-классового) к другому (буржуазно-классовому). Этот процесс по всем социальным параметрам еще не вышел за пределы своего начального раннеиндустриального этапа и сопровождался серьезным системным кризисом, последствием которого стало отторжение почти всеми социальными силами царистского варианта буржуазной модернизации.

V. Самодержавие, являясь поначалу побудителем буржуазных изменений, в течение XIX в. утратило преобразовательную инициативу и уступило роль лидера модернизации российской интеллигенции и политической оппозиции. В условиях антиавторитарной инверсии массового сознания, высокого уровня радикализма народных масс, неприятия ими как феодальных, так и буржуазных ценностей становились бесперспективными и нежизнеспособными не только царистский авторитаризм или бонапартистская политическая система позднего российского самодержавия, но и любые попытки установления буржуазной демократии. Выход из создавшейся ситуации лежал только на путях перехода к другой модели модернизации.

VI. Интенсивно реализуемая во второй половине XIX – начале XX в. в России государственная политика в области модернизации страны, подчинив ресурсы общества интересам развития капиталистического уклада, обусловила возникновение сложных тенденций и противоречий в экономической, социальной, политической и социокультурной сферах. В совокупности это вызвало системный кризис

ства³⁴. И дело не в том, что самодержавие отказывалось от каких-либо преобразований. Их как раз было достаточно. Вопрос заключался в характере изменений и методах их осуществления. Почин преобразований Николай I, следуя традиции своих предшественников, оставял исключительно за собой. А.А. Кизеветтер по этому поводу писал, что особенность николаевского времени состояла не в недостатке преобразовательных попыток, а в бюрократической самонадеянности в реформировании страны³⁵. Дело было, однако, не только в самонадеянности, но и в справедливом опасении, что введение сословного представительства (а другое тогда и не мыслилось) в систему высших органов государственной власти ослабит ее реформаторский потенциал, так как верхушка дворянского сословия была не прочь обрести политические права английской аристократии, не поступаясь, однако, преимуществами русских душевладельцев.

Еще при Александре I на вооружение были взяты милитаризация и регламентация общественной и государственной жизни, опека над сословиями. Наиболее ярко эта стратегия проявилась в создании военных поселений, усилении цензурных стеснений, в походе М.Л. Магницкого и Д.П. Рунича против университетской науки³⁶. При Николае I произошел рост значения Собственной Его Императорского Величия канцелярии, на военный лад были переориентированы все сугубо гражданские ведомства: путейское, межевое, лесное, горное³⁷. В 1850 г. в Устав о службе гражданской была введена статья 838, по пункту 3 которой чиновник, не справлявшийся с обязанностями, мог быть уволен без объяснения причин³⁸.

Решив ограничить власть помещиков над крестьянами, Николай I существенно регламентировал отношения между ними. Так с 1826 г. по 1855 г. было издано 108 указов по этому вопросу. У всех у них одна общая черта: ограничение прав дворянства не выливалось в расширение прав крестьянства. Последние вообще не имели права жалобы на хозяев и рассматривались как предмет опеки со стороны государственных органов³⁹.

³⁴ См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 216–217.

³⁵ См.: Кизеветтер А.А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. – М., 1912. – С.419.

³⁶ См.: Пушкарев С.Г. Россия 1801–1917: власть и общество. – М., 2001. – С. 42.

³⁷ См.: Романовский С.И. Указ. соч. – С. 139.

³⁸ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 167.

³⁹ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 140–142.

Характерным примером осуществления принципов регламентации и опеки является реформа государственных крестьян, проведенная под руководством генерал-адъютанта П.Д. Киселева⁴⁰. Ее лейтмотивом явились, с одной стороны, желание реформаторов задержать естественный процесс дифференциации и пролетаризации населения⁴¹, а, с другой стороны, их бюрократическая самоуверенность в решении данного вопроса. Правительство при Николае не сомневалось в том, что оно одно призвано решать все государственные проблемы, все приводить в порядок и все проверять, что оно все это может⁴².

Наибольшую неэффективность государственная регламентация показала себя в регулировании земско-хозяйственного управления. В 1851 г. был издан Устав о земских повинностях и образовались губернские и уездные учреждения для заведывания ими. Однако многие положения Устава существовали только на бумаге. Так из-за инертности дворянских депутатов фактически бездействовали отдельные присутствия губернского комитета земских повинностей под председательством уездного предводителя дворянства и общие собрания губернских комитетов. Городские депутаты заранее подписывались на бланковых листах, чтобы скорее уехать. Собираясь раз в три года на короткое время, члены комитета не имели возможности серьезно рассматривать финансовые и хозяйственные вопросы. В итоге все дела решались губернатором по его личному усмотрению. Исполнение денежных повинностей и отчетность по ним находились на крайне низком уровне. Земских исполнительных органов не было. Дорожные и квартирные комиссии бездействовали. Исполнение повинностей производилось отдельными ведомствами или губернатором без учета местных интересов. Часто дворянство и не подозревало о наличии у него права ревизии. Отправление натуральных повинностей было организовано еще хуже, чем денежных⁴³.

За годы царствования Николая I под нажимом властей резко упало число печатных изданий, было запрещено открывать новые периодические журналы, а старые при малейшем подозрении запрещались. По постановлению цензурного комитета от 1837 г. каждая ста-

⁴⁰ См.: Пушкарев С.Г. Указ. соч. – С. 75–78.

⁴¹ По данным В.В. Леонтовича к началу реформ среди государственных крестьян «было 600000 душ, у которых вообще не было никакой земли». Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 160.

⁴² См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 165.

⁴³ См.: Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М., 2001. – С.189-192.

лидера модернизации российской интеллигенции и тесно связанной с ней политической оппозиции.

Реализуемая модель межформационных преобразований, основанная на форсированной индустриализации, государственном капитализме и квазикапиталистической (рыночно-кабальной) эксплуатации крестьянства и других слоев населения, попытке соединения сословных пережитков с элементами буржуазной политической системы, привели к углублению политического и социального раскола в обществе, к консервации конгломератно-анклавной структуры экономики и социальной сферы страны. Эти последствия обусловили высокий уровень радикализма народных масс, неприятия ими как феодальных, так и буржуазных ценностей и, тем самым, делали нежизнеспособной бонапартистскую политическую систему, предполагавшую свою социальную опору в виде эклектичного соединения политических усилий уже экономически слабеющего дворянства и еще политически слабой буржуазии.

Российская власть оказалась неспособной разрешить не только противоречие между модернизационными потребностями российского общества (связанных с отменой крепостнических и сословных пережитков, становлением современной капиталистической промышленности, развитием институтов гражданского общества) и целями самодержавия по сохранению и укреплению своей власти в новых условиях, но и противоречия между противоположными тенденциями, порожденными сложностью процесса перехода аграрного и традиционного российского общества к буржуазному и индустриальному. В области модернизации страны выбор был сделан в пользу подчинения ресурсов общества государственной политике, а не использования тенденций развития российского социума в его же интересах.

В условиях антиавторитарной инверсии массового сознания выход из создавшейся ситуации лежал только на путях перехода к другой модели модернизации.

Итак, *капиталистический этап длительной буржуазной модернизации* в России имел следующие результаты.

I. Важнейшим итогом межформационных преобразований в России явилось формирование в конце XIX – начале XX в. такого экономического строя, который представлял из себя сложную систему: межформационную и переходную к капитализму с точки зрения стадийной динамики, многоукладную и конгломератно-анклавную по своей структуре, квазикапиталистическую и государственно-

ли царизму другого пути, кроме охранительного, направленного на союз с помещиками и камарильей.

Важнейшим инструментом формирования элементов буржуазного общества являлась деятельность самодержавной власти по созданию государственной идеологии буржуазного развития. Если в докапиталистический период буржуазной модернизации присутствовали лишь некоторые бессистемные шаги в сторону идеологии модернизации, то в конце 1850 – начале 1860-х годов для решения задач модернизации страны самодержавная власть создала новую идеологическую конструкцию – охранительный либерализм. Он включал в себя два взаимодополняющих элемента: правительственный либерализм и общественный либерализм. Важнейшими чертами новой идеологии явились охранительный характер, отрицание радикализма, эволюционность, отсутствие адекватной социальной базы. Охранительство, эффективное в тактическом плане, становилось ахиллесовой пятой в стратегическом развитии российского либерализма.

Государственная идеология буржуазной модернизации России как комплексная система концепции развития, механизма формирования и использования общественного мнения, широкой группы поддержки во второй половине XIX – начале XX в. законченном виде государственной властью создана не была. Однако, находясь в стадии становления, она приобрела такие характерные черты как противоречивый, расколотый характер, наличие узкой социальной базы, слабая боевитость, опора, главным образом, на государственный аппарат, который отдавал предпочтение административным и законодательным мерам перед агитационно-пропагандистскими.

Анализ российских реформ второй половины XIX – начала XX в. позволил сделать вывод о том, что самодержавие, оказавшись в плену необходимости архаизации части своего социума ради капитализации другой, а также комплекса интересов правящих верхов, мифологических представлений о государственном и социальном устройстве, страха перед радикальными преобразованиями, за вторую половину XIX в. постепенно утратило преобразовательную инициативу в одних вопросах (становление элементов гражданского общества), предложило неадекватные утопические преобразования во вторых (реформирование аграрного сектора и сферы образования), опоздало – в третьих (ликвидация крепостного права, введение парламента и конституции, развитие многих элементов производительных сил), и, тем самым, уступило в социально-политической сфере роль

тв просматривалась тремя цензорами, а в 1848 г. цензурный комитет еще больше ужесточил свои требования⁴⁴. На протяжении первой половины XIX в. степень вмешательства государства в экономику продолжала оставаться на высоком уровне и имела свою специфику⁴⁵.

Таким образом, очевидно, что роль государства с началом абсолютистского периода сильно возросла во всех сферах общественной жизни. Относительная численность служащих государственного аппарата в первой половине XVIII в. увеличивалась, во второй половине XVIII в. – осталась стабильной и в первой половине XIX в. опять резко возросла⁴⁶. *Рост государственной опеки и регулирования* одновременно диктовался несколькими факторами: экономическим и политическим вызовом капитализирующейся Европы, необходимостью завершения строительства сословного общества, потребностями подготовки абсолютистского государства к буржуазным преобразованиям экономического строя, традиционно-патриархальными и крепостническими социальными основами и, в конечном итоге, пересечением двух формационных потоков: добуржуазного и буржуазного.

Специфическим результатом российской модернизации до середины XIX в. явилось постепенное становление гражданского строя при умалении или даже подавлении политической свободы подданных, что создавало еще одну сферу раскола: между уровнем политической и гражданской свободы.

Некоторое расширение гражданской свободы происходило в период авторитарной инверсии первой половины XIX в. К мероприятиям в этой области можно отнести отмену крепостного права в Прибалтике в 1816–1819 гг., введение инвентарных правил в Юго-Западном крае и Царстве Польском, издание многочисленных указов ограничивающих крепостничество в Великороссии, предоставление крестьянам права покупки земли, закон об «обязанных крестьянах 1842 года», который не только предоставил возможность освободиться некоторым крестьянам, но и подтвердил краеугольный камень либеральной программы Екатерины о том, что земля есть собственность не поселенных на ней крестьян, а помещиков.

В это же время жесткое идеологическое и политическое подавление вылилось в конечном итоге в активизацию интеллектуальной

⁴⁴ Романовский С.И. Указ. соч. – С. 141–142.

⁴⁵ См.: Волков В.В. Межформационная модернизация экономического строя России в XIX–начале XX века. – Тверь, 2004. – С. 81–85.

⁴⁶ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 201.

мысли либерального и революционного толка. Именно драма 14 декабря 1825 года обратила интеллектуальный поиск мыслящей элиты России на выработку инструмента национального самопознания русских⁴⁷. А фиаско авторитарного режима в Крыму породило десятилетие государственного реформаторства и теоретико-идеологической рефлексии интеллигентской оппозиции.

При всех различиях и особенностях режимов Александра I и Николая I у них было немало преемственных черт. Многие реальные правительственные начинания первой четверти XIX в. получили продолжение во второй его четверти. Это касалось не только правовой регламентации монархии и повышения роли государственного регулирования социальной жизни империи, но и целенаправленного строительства государственной системы просвещения и неуклонного расширения образованного слоя как из дворянской, так и разночинной среды.

Следующий этап политических преобразований сочетается с интенсивными революционными изменениями, проходившими в экономической и социальной сферах. Отмена крепостного права и бурное развитие капитализма, с одной стороны, потребовали адекватных шагов правительства в области государственного управления, а, с другой стороны, вызвали к жизни большую общественную и политическую активность населения России.

Кроме того, политические изменения диктовались и внутригосударственными причинами – несовершенством самих государственных органов. Например, отличительной чертой местного уровня управления являлись несогласованность, разноречивость в работе местных органов. Дореформенные учреждения дублировали работу друг друга, обладали смежной компетенцией. Одни и те же вопросы решали государственные учреждения и местные органы сословного самоуправления⁴⁸. Для дореформенного суда были характерны множественность судебных органов, сложность и запутанность процессуальных требований, волокита и взяточничество. В суде господствовала инквизиционная (розыскная) форма судопроизводства⁴⁹.

Для решения накопившихся и вновь возникших экономических, социальных и политических проблем самодержавие пошло по пути

⁴⁷ См.: Секеринский С.С. После Крымской войны: дилеммы нового царствования // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. – М., 2000. – С. 19.

⁴⁸ См.: Чистяков О.Н., Новицкая Т.Е. Реформы Александра II // Реформы Александра II. – М., 1998. – С. 19.

⁴⁹ См.: Там же. – С. 24–25.

иначе устранить монархическое начало. В результате, в то время как страна в начале XX в. безостановочно левела, царь, камарилья, официальное правительство неуклонно двигались вправо.

Анализ характера общественно-политических движений России второй половины XIX в. – либерализма и революционного народничества – позволил сделать вывод о переходном состоянии политической системы страны.

На политическую сцену вышла либеральная оппозиция, которая характеризовалась нерешительностью, идейной и политической слабостью, антирадикализмом, узкой социальной базой, этактистскими и антииндустриальными иллюзиями. Царизм вместо сотрудничества с ней предпочел противостояние.

Интеллигентский радикализм наиболее ярко воплотился в народническом движении. Его межформационный характер выразился как в доктрине народников (смещение разнородных политических задач – стремление совершить одновременно и демократический, и социалистический переворот в стране, сделавшей только первые шаги в сторону капитализма), так и в результатах их деятельности. Народничество и либерализм сыграли заметную роль в буржуазной модернизации страны. Их деятельность в определенной мере подтолкнула власть к либеральным реформам. Однако одним своим существованием они зафиксировали тот факт, что трон, бывший ранее инициатором нововведений, к концу XIX в. постепенно превратился в защитника традиций и порядка.

Утвердившийся после 1906 г. так называемый «обновленный строй» явился существенным шагом в сторону буржуазного правового государства, но шагом противоречивым. С одной стороны, Россия имела «конституцию» и парламент, разделение властей и относительно независимый суд, но, с другой стороны, эти институты носили неразвитый, переходный характер, отягощенный сословными пережитками. Поэтому в «третьеиюньский» период российское государство в политико-правовом смысле представляло собой *квазиконституционную правомерную монархию переходного типа от абсолютизма к правовому государству*. Социально-классовая сущность российского государства проявилась в политике бонапартизма, то есть лавирования самодержавия между Интересами буржуазии и помещиков. Однако бонапартистская политика царизма постепенно зашла в тупик. Увеличение экономической мощи буржуазии и усиление политического сопротивления пролетариата и крестьянства не оставля-

Контрреформы внесли в государственный строй такие поправки, которые усиливали в управлении обществом роль коронной администрации за счет ослабления ростков общественного самоуправления, несколько повышали значение воли монарха над правомерным порядком в управлении государством. Это, с одной стороны, создавало более стройную и менее противоречивую государственную организацию, что способствовало более эффективному проведению капиталистических преобразований в экономической сфере, но, с другой стороны, задерживало созревание институтов гражданского общества и развитие российской государственности в сторону правового государства. Кроме того, контрреформы явились попыткой «отвратить смуту», затормозить движение массового народного сознания в сторону локальных догосударственных общинных ценностей.

Исследование подтвердило, что буржуазная трансформация привела к тому, что абсолютистский режим стал носить по отношению к господствующим классам *плутократический характер*: предпринимательские круги своих социально-экономических целей достигали не политической борьбой, а при помощи денег и закулисных торгов с представителями государственной власти. Данное качество самодержавия заложило серьезное политическое противоречие. С одной стороны, буржуазное развитие требовало адекватных изменений в политических и правовых сторонах общественной жизни, но, с другой стороны, слишком тесное «сотрудничество» власти и буржуазных кругов не заинтересовывало их обоим делать решительные шаги в модернизации политического режима, так как все возникавшие экономические и социальные запросы буржуазии эффективно решались келейно, через сговор и личную унию с бюрократией. Следовательно, возможность плутократического перерождения самодержавия заключалась не только в росте капиталистического предпринимательства, но и в сущности российской бюрократии. В течение всего абсолютистского периода она представляла собой промежуточный переходный тип между «традиционным» типом чиновника и «рациональным».

Общественно-политические движения, отражая масштабный раскол российского общества, были носителями трех идеологических противоречий: между движениями и властью, между самими движениями и внутри движений. Наиболее значимое из них состояло в том, что если бюрократия полагала возможным совместить капитализм с самодержавием, то вся оппозиционная интеллигенция считала этот путь бесперспективным и тупиковым и потому стремилась так или

создания в политическом строе новых элементов правового государства. Были созданы всеобщие выборные органы местного самоуправления, обладавшие публичной властью – земства и городские думы, главной особенностью которых стал их переходный характер. Он выразился как в сочетании буржуазного и сословного принципов представительства, так и в сочетании чиновничьих и выборных институтов⁵⁰. Другой особенностью созданных органов местного самоуправления явилась их организационно-административная анклавность, отсутствие связи с крестьянским самоуправлением и изолированность от общегосударственной политики.⁵¹

Еще одна особенность – это недемократичный характер избирательной системы и жесткий контроль со стороны государства. Положение о губернских уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г.⁵² было составлено таким образом, что большинство гласных всегда было дворянским. По всем 34 губерниям, в которых предполагалось ввести в первую очередь земские учреждения, общее число уездных гласных равнялось 13024, из них от землевладельцев – 6204, от крестьянской курии – 5171, от городской – 1649⁵³. Из 74 гласных в тульском губернском земском собрании дворян было 61 (82,5%), купцов – 10 (13,5%), священников – 1 (1,3%), крестьян – 2 (2,7%). В уездных собраниях дворяне тоже преобладали⁵⁴.

Все эти особенности земских учреждений явились следствием противоречий как между бюрократией и либеральной общественностью, так и между различными полюсами самой бюрократии. К тому же на содержании закона в значительной степени сказалась борьба вокруг теоретических концепций местного самоуправления – общественной и государственной. К моменту принятия закона борьба между сторонниками разных концепций не была закончена, а сам П.А. Валуев, возглавлявший комиссию, придерживался промежуточной

⁵⁰ См.: Степанский А.Д. Модернизация административно-территориального устройства России в пореформенную эпоху // Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003. – С. 141; Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 150; Чистяков О.Н., Новицкая Т.Е. Указ. соч. – С. 2; Положение о губернских и уездных земских учреждениях. – СПб., 1864.

⁵¹ См.: Чистяков О.Н., Новицкая Т.Е. Указ. соч. – С. 20; Степанский А.Д. Указ. соч. – С. 143.

⁵² См.: Высочайше утвержденное 1 января 1864 г. Положение о губернских и уездных земских учреждениях (Положение о губернских и уездных земских учреждениях.- СПб., 1864).

⁵³ См.: Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М., 2001. – С.231.

⁵⁴ См.: Емельянов Н.А. Местное самоуправление в дореволюционной России. – Тула, 1996. – С. 45–46.

позиции. В силу данного обстоятельства «все местное управление оказалось проникнутым дуализмом»⁵⁵.

Обеспечивая в земских органах преобладание помещиков, власть рассчитывала, что они будут достаточно послушными. Однако на работу в земство пошли либерально настроенные помещики, которые стремились к расширению прав и функций земства, ослаблению бюрократической опеки и часто конфликтовали с администрацией по конкретным поводам. Некоторые земства «действовали бесконтрольно», «были не прочь возбуждать общие государственные вопросы, вторгаться в область внутренней политики», «но были другие случаи, когда земствам нескольких губерний необходимо было действовать по известному установленному плану... и когда ... стремление к объединению деятельности... рассматривалось как нечто незаконное...». «К сожалению спокойное, беспристрастное отношение администрации к самоуправлению составляло исключение». «Таким образом, образовались как бы два течения: одно законное... – предоставление в известных границах бесконтрольных прав местному самоуправлению; другое – возникшее на деле, – стремление местной административной власти к восстановлению своего обаяния, хотя бы ценою нарушения закона»⁵⁶.

Учитывая создавшееся положение, власть начала политику давления на земские органы еще в период царствования Александра II. По воспоминаниям А.И. Кошелева с 1867 г. «земские учреждения постоянно ограничивались в своей деятельности». Но если «и тогда администрация противодействовала земским учреждениям, то она это себе позволяла урывками и исподтишка», то к началу 1880-х годов она стала действовать открыто «как бы во исполнение служебного долга»⁵⁷. Одной из главных контрреформ стало новое Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июля 1890 г. Оно резко ухудшило избирательную систему. В результате влияние дворянства внутри земства очень усилилось, а представители крестьянства не избирались, а назначались губернаторами из числа кандидатов выдвинутых волостными сходами. При этом практически подчинив земство губернскому присутствию, власть, с одной стороны, поставило земство под строгий государственный контроль через введе-

В итоге, процесс социальных буржуазных преобразований по всем социальным параметрам еще не вышел за пределы своего начального раннеиндустриального этапа и сопровождался серьезным системным кризисом, последствием которого стало отторжение почти всеми социальными силами царистского варианта модернизации.

Тенденция господства процесса формирования буржуазного общества над его становлением наиболее ярко проявилась в политической сфере.

Политические преобразования пореформенного периода осуществлялись на фоне интенсивных изменений, происходивших в экономической и социальной сферах. Отмена крепостного права и относительно быстрое развитие капитализма, с одной стороны, потребовали адекватных шагов правительства в области государственного управления, а, с другой – вызвали к жизни большую общественную и политическую активность населения России. Кроме того, политические изменения диктовались и внутригосударственными причинами – несовершенством самих государственных органов.

Для решения накопившихся и вновь возникших проблем самодержавие пошло по пути создания в политическом строе новых элементов правового государства и совершенствования уже утвердившихся. Были созданы сословные выборные органы местного самоуправления, главными особенностями которых являлись: *межформационный переходный характер* (сочетание буржуазного и сословного принципов представительства, чиновничьих и выборных институтов), *организационно-административная анклавность* (отсутствие связи с крестьянским самоуправлением и изолированность от общегосударственной политики), *недемократичный характер выборной системы и жесткий контроль со стороны государства*. Освобождение крестьян из-под юрисдикции помещиков, распространение буржуазных отношений побудило к созданию новой судебной системы, основанной на фундаментальных принципах буржуазного суда. Однако судебные преобразования лишь частично затронули главный недостаток российской правовой системы – правовую обособленность крестьянского сословия, а вскоре они вообще были приостановлены последовавшими контрреформами. *В результате общий уровень народного права и народного правосознания к концу XIX в. не соответствовал происходившим буржуазным преобразованиям в экономической сфере.*

⁵⁵ Коркунов Н.М. Русское государственное право. – СПб., 1897. – Т. II. – С. 345.

⁵⁶ Записка, найденная в бумагах Н.Х. Бунге. 1881-1894 гг. – СПб., 1896. – С. 9-12.

⁵⁷ Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С. 155-156, 159.

ские позиции. При этом русская интеллигенция не могла стать духовной инстанцией, которая взяла бы на себя легитимацию буржуазного государства.

5. В общественном сознании широких масс в конце XIX – начале XX в. действовала социокультурная инверсионная волна, направленная на утверждение локализма, уравнительности и соборности.

6. В массе своей городские поселения достигли средней величины и представляли собой раннеиндустриальный тип города. Урбанизация прошла одну стадию взаимосвязи города и деревни (от слитности к дифференциации) и остановилась на второй (от дифференциации к интеграции), не в силах разрушить и интегрировать аграрный анклав российского общества. Поэтому, в целом, Россия характеризовалась низким уровнем урбанизации. В исследуемый период в России происходил переход от традиционного к рациональному типу воспроизводства населения. К началу XX в. его параметры улучшились (понижился уровень смертности и рождаемости, сократилась детность, увеличилась продолжительность жизни), однако они серьезно отставали от демографических показателей западных стран. Поэтому в России только наметились тенденции перехода к современному типу воспроизводства населения. Не смотря на все изменения и в общественной практике, и в массовом сознании господствующей оставалась авторитарно-патриархальная модель отношения к детям и человеческих отношений вообще, что отражало нерешенность демографических проблем модернизации.

Исследование позволило сделать вывод, что *к 1917 г. ни фактическое, ни юридическое превращение сословно-классовой структуры российского общества в буржуазно-классовую далеко не завершилось*. Наиболее существенными причинами торможения процесса формирования классового буржуазного общества стали: квазикапиталистический и анклавный характер экономической системы, углубившей и закрепивший не только экономический, но и социокультурный раскол; недостаточная динамика профессионализации; влияние элементов традиционного общества и социокультурной инверсии; высокие социальные издержки капиталистической модернизации, выбор властью форсированной верхушечной модели буржуазной модернизации, имевшей в своем характере противоречивое сочетание охранительства и проевропейского подражательства.

ние губернского по земским делам присутствия, а, с другой стороны, повысила его административный вес, ибо теперь земству была предоставлена возможность издавать общеобязательные постановления касательно местных дел⁵⁸.

Несколько иная ситуация сложилась при проведении городской реформы, так как она была сориентирована на внедрение так называемой «прусской системы», в соответствии с которой равное число гласных избирали налогоплательщики, уплачивавшие равную сумму налога. Списки налогоплательщиков составлялись по убывающей, начиная с тех, кто уплачивает самые большие налоги и кончая самыми мелкими налогоплательщиками. Таким образом, Городовое положение от 16 июня 1870 г.⁵⁹ обеспечивало достаточно умеренный состав городских дум и либеральный дух проявился здесь гораздо меньше, чем в земском самоуправлении. К тому же в выборах могли принимать участие только 5% городского населения⁶⁰.

Новое Городовое положение от 11 июня 1892 г. *усилило недемократичность избирательной системы*: налоговый ценз был заменен имущественным, то есть избирательное право теперь имели только владельцы недвижимости. Число избирателей сократилось в несколько раз⁶¹. Власть в думах оказалась в руках самых богатых людей. Она получила форму «голой, неприкрашенной олигархии»⁶². Кроме того, выборное начало было ограничено уже в самом законе: должностные лица общественного управления по Городовому положению 1870 г. подлежали утверждению административной властью, а с 1892 г. городские головы столиц «назначались высочайшей властью» из числа двух кандидатов, избранных думой и были расширены права администрации назначать при определенных условиях городских голов нестоличных городов и думских гласных⁶³.

Все это привело к тому, что эффективность дел городского самоуправления под началом крупной и средней буржуазии была ниже,

⁵⁸ См.: Степанский А.Д. Указ. соч. – С. 143–144; Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 315–316.

⁵⁹ См.: Высочайше утвержденное 16/28 июня 1870 г. Городовое положение (Городовое положение.- СПб., 1870).

⁶⁰ См.: Чистяков О.Н., Новицкая Т.Е. Указ. соч. – С. 22; См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С.500.

⁶¹ См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XII. – № 8708.

⁶² Михайловский А. Реформа городского самоуправления России. – М., 1908. – С.90.

⁶³ См.: Нардова В.А. Российское правительство и проблема выборности руководящего состава органов городского самоуправления (1870-1914) // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПб., 2003. – С. 118-119.

чем земских учреждений, а их политическая позиция – менее либеральной и менее радикальной, чем у земских помещиков. Данный факт ярко продемонстрировал политическую слабость и идеологическую аморфность российской буржуазии.

В целом деятельность земств и городских дум способствовала дальнейшему распространению и развитию либеральных взглядов и настроений среди общественности, значительная часть которой хотела конституции и парламента. В итоге административная децентрализация стала тем средством, с помощью которого правительство вопреки своим намерениям насадило на российской почве зародыши конституционного строя. Александр II под воздействием Н.А. Милютина и П.А. Валуева стремился отвлечь земской деятельностью общественность от большой политики, но в силу пренебрежения крупных помещиков земскими делами вышло как раз наоборот – земства, в которые пришли либеральные помещики, выдвинули прошения об учреждении центрального земского собрания⁶⁴. После этого, как писал М. Вебер, «вся система отношений между правительством и народным представительством строилась на аксиоматическом предположении, что народное представительство – естественный враг государственной власти и всегда им останется»⁶⁵, что впоследствии сыграло роковую роль в судьбе российского либерального движения.

Ликвидация крепостничества поставила на повестку дня преобразование судебной системы, так как освобожденные крестьяне выходили из-под юрисдикции их бывших владельцев. Кроме того, вступившие в силу буржуазные отношения требовали для своего развития не только нормативно-правовые, но и процессуальные гарантии. Для решения этих задач система старых судов была полностью ликвидирована и взамен создана совершенно новая, основанная на принципах равенства граждан всех сословий перед судом, независимости суда от администрации, состязательности процесса, публичности и гласности суда, применения суда присяжных. Были созданы органы местной административной юстиции, прошла реорганизация прокуратуры, сориентированной теперь на работу в суде. Независимость судебных

2. В результате модернизации рабочий класс сформировался в виде двухсоставного социокультурного образования. Промышленный пролетариат еще не сложился в класс буржуазного общества, так как был отягощен социально-экономическими и ментальными пережитками традиционного общества. Процессы индустриализации и урбанизации сопровождались двойной социокультурной динамикой. Рабочие, ставшие к станкам промышленных предприятий в конце XIX – начале XX столетия, сохраняли в своем сознании традиционные общинные ценности. Но при этом в ходе приспособления к новым жизненным обстоятельствам они не вытеснялись другими и не утрачивались, а трансформировались в рамках новой общности – трудового коллектива, принимая ярко выраженную антибуржуазную направленность.

В социокультурном основании рабочего класса находилась рабочая субкультура, возникшая на пересечении традиционной и буржуазной культур. Второй элемент составила основанная на противопоставлении классов «пролетарская культура», как идеологическая репрезентация класса во вне. Эти элементы, не смотря на разнородное формационное происхождение образовали относительно непротиворечивую на данном историческом этапе систему, что говорит о завершении формирования классового сознания российских рабочих. Однако содержание этого сознания позволяет сделать вывод о его симбиозном буржуазно-традиционном раннеиндустриальном характере.

3. Буржуазия в начале XX в. в своей массе ориентировалась на расширение собственного социального пространства в рамках сложившейся политической системы, а не на радикальные изменения политического и социального строя государства. Главными средствами для реализации своих интересов предпринимательские круги выбрали вполне приемлемые для самодержавия формы: различные обращения и ходатайства, закулисные сделки, дебаты в Думе, выступление в прессе. Вплоть до Февральской революции в отношении буржуазии к самодержавию четко прослеживались две тенденции: сотрудничество и оппозиция. Преобладала первая тенденция. Формационная слабость и незрелость российской буржуазии не позволили ей стать полноценным субъектом модернизационных преобразований.

4. Все сословия и классы, за исключением буржуазии, промежуточные социальные группы в целом заняли антикапиталистиче-

⁶⁴ Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 317; Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М., 2001. – С. 202, 220-222.

⁶⁵ См.: Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное / Перевод А. Кустарева. – М., 2007. – С. 72.

тупом на внешний, необходимостью установления квазикапиталистической смычки между капиталистическим сектором и неотрадиционной периферией.

Второе (после экономики) направление деятельности государственной власти по формированию буржуазного общества проявилось в ходе осуществления социальной политики самодержавия. Ее главными особенностями явились отсутствие четкого проекта буржуазных преобразований и сочетание развития сословного строя с процессами его разложения и превращения в буржуазную социально-классовую систему. Сущность этих процессов состояла в переходе от одного типа классового общества (сословно-классового) к другому (буржуазному).

1. Крестьянство как самое большое социальное образование экономически, социально и психологически замкнулось в потребительски-трудовой общинный класс-анклав, и тем самым обозначилась тенденция приостановки процесса пролетаризации. Не только высокая внутрисословная вертикальная мобильность крестьян и ухудшающиеся условия их жизнедеятельности тормозили формирование деревенских аналогов капиталистических классов: буржуазии и пролетариата, но и условия хозяйствования – преобладание кабально-арендных отношений, господство передельной общины и семейного труда в хозяйствах крестьян при сохранении в целом докапиталистического характера сельскохозяйственного найма.

В результате к 1917 г. сельская буржуазия и сельский пролетариат в целом не сформировались. Российское крестьянство того периода не являлось и мелкобуржуазным классом, ибо характер большинства крестьянских хозяйств оставался семейно-трудовым и потребительским, а крестьянство в основном было настроено не только антифеодально, но и антикапиталистически. Тяга к уравнительности в крестьянской среде имела давнюю историю и поддерживалась в до-реформенное время помещным дворянством исходя из хозяйственных задач, а в пореформенный период – государством по фискальным и политическим соображениям. Глубинная психологическая причина тяги к уравнительности в крестьянской среде заключалась в нарастании антиавторитарной инверсионной волны: все пореформенное время медленно, но неуклонно происходил разворот массового сознания от авторитаризма к локализму и соборности, причем тем интенсивнее, чем все менее эффективно авторитарная власть решала насущные общественные проблемы.

следователей от администрации была гарантирована их статусом членов окружного суда, а, следовательно, несменяемости⁶⁶.

Все эти мероприятия явились большим шагом вперед в становлении буржуазного суда. Однако дальнейшее развитие судебной системы было приостановлено последовавшими вскоре «контрреформами». В 1878 г. из ведения присяжных были изъяты все дела «о явном восстании против властей». В 1889 г. мировые суды были упразднены всюду, кроме Санкт-Петербурга, Москвы и некоторых других городов. Их функции перешли к чиновникам – уездным членам окружного суда, а в отношении крестьян – к земским начальникам, что явилось прямым нарушением принципа разделения властей.

Другим документом, который ознаменовал собой перевод правовой «энергии» государства из области строительства правового механизма в русло усиления административно-полицейского режима явилось положение «О мерах по охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.⁶⁷. Согласно этому акту в определенных губерниях могло вводиться состояние усиленной или чрезвычайной охраны. В таком случае губернаторы и генерал-губернаторы получали право запрещать всякие собрания, закрывать торговые и промышленные заведения, арестовывать любого жителя на срок до одного месяца, а также высылать за пределы губернии политически неблагонадежных лиц.

К тому времени обозначился главный *недостаток российской правовой системы*. Он состоял в том, что к середине XIX в. все население России делилось на две неравные правовые группы: крестьян, составлявших большинство и живущих в целом вне закона по нормам обычного права, и дворян, купцов, мещан и разночинцев, отношения которых регламентировались общегражданскими законами⁶⁸. Общий уровень народного права не соответствовал происходившим буржуазным преобразованиям.

⁶⁶ См.: Степанский А.Д. Указ. соч. – С. 151–152; Высочайше утвержденные 8 июня 1860 г. Учреждения судебных следователей (ПСЗ РИ.- Собр.2-е.- Т. XXXV.- Отд. I.- № 35890); Высочайше утвержденные 25 декабря 1862 г. Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых (Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых.- СПб., 1863); Высочайше утвержденные 20 ноября 1864 г. Учреждения судебных установлений (Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа.- М., 1991.- Т.8.- С. 32-82).

⁶⁷ См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. I. – № 350.

⁶⁸ См.: Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу.- Пг., 1915. – Т.2. – С. 64; Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. – 2000. – № 11–12. – С. 96.

Конечно полной отстраненности крестьян от влияния государственной правовой системы не существовало. Отходничество, участие в работе волостного и мирового судов, создание институтов присяжных заседателей и присяжных поверенных были теми путями, по которым закон прокладывал себе дорогу в общественную жизнь крестьян. Однако, несмотря на это, большинство крестьян законов не знало. Природа традиционного хозяйства, семейный характер производства, особенности общественного устройства накладывали отпечаток на мировоззрение крестьянина, его правовое поведение⁶⁹.

Россия не имела твердого разграничения между законом и административным распоряжением⁷⁰. Кроме того, законодательство не было строго систематизированным и имело массу изъянов⁷¹. В результате, появившаяся к концу XIX в. тяга крестьян к жизни по нормам государственных законов наталкивалась на их несовершенство, что также препятствовало образованию единого правового пространства.

Судьба многих преобразований, направленных на дальнейшее становление системы легального господства, также складывалась во второй половине XIX в. весьма противоречиво.

Цензурный устав 1865 г., позволявший общественности через прессу и гласность осуществлять определенный контроль над администрацией, в 1882 г. был заменен уставом, серьезно урезавшим эти возможности. Университетская автономия, дарованная в 1863 г., была стеснена новым университетским уставом 1884 г. Крестьянство, получившее с отменой крепостного права личные неполитические права, в 1889 г. было ограничено в них и поставлено в сильную зависимость от земского участкового начальника, назначаемого из потомственных дворян. В деятельности высших государственных учреждений также обнаружился отход от сложившегося порядка. Например, обсуждение законов стало происходить в Совете министров, чтобы миновать Государственный совет, где имелось много либеральных чиновников. По этой же причине Комитет министров стал выступать в роли высшей судебной инстанции, чтобы умалить роль Сената⁷².

⁶⁹ См.: Шатковская Т.В. Указ. соч. – С. 98–99.

⁷⁰ См.: Захаров Н.А. Указ. соч. – С. 176–190.

⁷¹ См.: Берендтс Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и общественной России. – СПб., 1915. – С. 122, 159; Платонов С.Ф. Об условиях применения мировыми судьями местных обычаев при разрешении гражданских дел // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – № 4. – С. 78.

⁷² См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 151–153.

самом секторе госкапитализма отсутствовал комплекс предприятий базовых отраслей, имели место ведомственная разобщенность, несовершенство хозяйственного механизма, слабая приспособленность к рынку, неумелое использование таможенного регулирования и иностранного капитала.

Как показал системный анализ проблемы формирования буржуазного общества, указанные экономические и политические факторы способствовали развитию такого явления как *убывающая прогрессивность российского государственного капитализма*, которая с начала XX в. нарастала по мере реализации госкапиталистических мероприятий.

8. В аграрном секторе России произошло становление депрессивной модели развития: в пореформенное время – на основе поддерживаемой сверху консервации архаических общественных отношений и квазикапиталистического характера аграрного производства, в эпоху монополизма – через утверждение в крестьянском анклав деревни капиталистических отношений при сохранении квазикапиталистического характера помещичьего уклада.

Исследование показало, что развитие экономического строя России в XIX – начале XX в. подтвердило общемировую экономическую закономерность, согласно которой капитализм как национально-государственное устройство исторически возникал не путем углубления рыночных отношений, которые по своей экономической сути основаны на принципе возмездности и эквивалентности, а, напротив, через нарушение эквивалентности в рыночном обмене. В России эта тенденция получила своеобразное воплощение. Во-первых, роль мировой периферии, в отличие от Запада, сыграло полунатуральное крестьянство и мелкое промышленное производство. Во-вторых, процессы регрессии капитала протекали в период интенсивного образования крупного индустриального производства и его монополизации, что крайне обострило межсекторные разрывы в народном хозяйстве и вызвало консервацию некапиталистических укладных форм. В-третьих, государство через проведение активной государственно-капиталистической политики превратилось в ключевую фигуру капиталистической модернизации страны. Такая исключительная роль государства обуславливалась относительной слабостью частного предпринимательства, отсутствием значительных капитальных ресурсов и высоко эффективной системы аккумуляции и межотраслевого перелива капитала, узким внутренним рынком и ограниченным дос-

удлинению рабочего дня. При этом крупный капитал эксплуатировал как мелкое товарное производство квазикапиталистического типа, так и мелкое капиталистическое производство. Такая регрессивная связь крупного капитала с мелким производством обусловила утверждение квазикапиталистического характера экономического строя России.

5. Для экономического строя была характерна незавершенность процесса первоначального накопления и его переплетение, как с элементами капиталистического способа производства, так и с предшествующими ему укладными формами.

6. Сложился межформационный переходный характер многих элементов рыночной инфраструктуры (денежный рынок, банковская система, торгово-промышленное законодательство, таможенная политика, фондовый рынок и др.).

7. Решающим звеном в развитии экономики России второй половины XIX – начала XX в. явился государственный капитализм. Он представлял собой такой вид организационно-хозяйственной деятельности государства, который основывался на ограничении им рыночно-ценовой координации и включал в себя государственное предпринимательство на основе государственной собственности и государственное регулирование, как в домонополистической экономической среде, так и в государственно-монополистической. Через активное государственное предпринимательство и проведение таких регулирующих мер, как таможенный протекционизм, предоставление выгодных казенных заказов, премий и ссуд, создание регулирующих в интересах буржуазии государственно-монополистических организаций государство напрямую содействовало буржуазному развитию производительных сил, становлению крупного частного предпринимательства и его монополизации, квазикапиталистическому пристегиванию к капиталистической экономике неотрадиционных укладов. Российский госкапитализм носил также расколотый характер, так как служил интересам крупной монополистической буржуазии только в контексте сохранения власти самодержавия и экономических привилегий помещиков. Этим во многом определился противоречивый характер деятельности правительства, сочетавшей как практику воспособления, поощрения капитала, а то и потворства ему, так и запретительно-ограничительные меры с угрозой применения репрессий. И здесь в полной мере проявилась незавершенность капитализации российской экономики. Наряду с этим в

Тенденция неправомерного принятия некоторых законодательных актов дала о себе знать еще при Александре II. «Смешно сказать, - писал по этому поводу в 1870 г. Д.А. Оболенский, - что даже те учреждения, которые в прошедшем царствовании (Николая I. – В.В.) пользовались известною самостоятельностью, как то Сенат, Государственный совет и Комитет министров, даже и эти учреждения кажутся некоторым министрам и государю слишком либеральными, и их стараются миновать во избежание разногласия. Первый Департамент Сената нарочно наполнили людьми, совершенно послушными всякому влиянию, а дела, подлежащие ведению Государственного совета и Комитета министров, постоянно начинают передавать на обсуждение отдельных комиссий, составленных из лиц одномыслящих»⁷³.

Было бы, однако, упрощением видеть в консервативном курсе Александра III полный разрыв с реформаторством Александра II. И в социальной, и в правовой сферах инициативы власти шли не в линейном режиме «от противного», а в рамках сложной и противоречивой политики эклектического соединения элементов охранительства и модернизации. Законы об учреждении дворянского банка, найме на сельскохозяйственные работы, о переводе государственных крестьян на выкуп подтверждают этот вывод.

В целом, контрреформы внесли в государственный строй такие поправки, которые, во-первых, усиливали в управлении обществом роль коронной администрации за счет ослабления общественного самоуправления, и, во-вторых, несколько повышали значение воли монарха над правомерным порядком в управлении государством. Однако вскоре стало ясно, что *попытка Александра III приостановить развитие русской государственности в сторону правового государства не увенчалась успехом*. Во многом это объясняется тем, что в отличие от направления государственного вектора, антиавторитарная социокультурная инверсионная волна только набирала свои обороты. О возврате к системе Николая I не думали даже те, кого можно назвать «реакционерами»⁷⁴. При этом, если консервативный лагерь испытывал острый недостаток кадров, то либералы продолжали составлять довольно значительное направление, «которое не могло быть упразднено новым политическим курсом правительства»⁷⁵.

⁷³ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879 / Отв. Ред. В.Г. Чернуха. – СПб., 2005. – С.257.

⁷⁴ Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 333.

⁷⁵ См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 362.

Политика усиления авторитаризма вошла в конфликт с основной массовой инверсией общественного сознания, которая обрекала на крах всякие попытки ужесточить авторитарную систему. Любое усиление власти встречало возрастающее сопротивление как в городе, так и в деревне⁷⁶.

Материальную основу наступавшей на самодержавие инверсии общественного сознания следует искать в процессах буржуазной модернизации: мощном экономическом развитии и связанных с ним изменениях социальной структуры и политического строя страны.

Буржуазная трансформация привела к тому, что абсолютистский режим стал носить *плутократический характер*, который выражался в том, что состоятельные люди и, в первую очередь, буржуазия, достигали своих социально-экономических целей не через политическую деятельность, а через закулисный «коммерческий» сговор⁷⁷. Созданные во многом сверху традиционные классы-сословия и инициированные властью слои буржуазии были в буквальном смысле слова привязаны к государственной казне и бюрократическому аппарату, ведавшему распределением государственных заказов и ссуд. Все это сковывало инициативу и предприимчивость, делало и дворянство и буржуазию общественно инфантильными и политически инертными: они не смогли создать устойчивые и активные политические партии и добивались защиты своих интересов через сословно-корпоративные организации. В этой ситуации неизменность социально-политических атрибутов соседствовала с тесным переплетением экономических интересов буржуазии, бюрократии и камарильи.

Раскрывая сущность бюрократии, К. Маркс замечал, что ее частной собственностью является само государство. Это теоретическое положение ценно для нас не только в силу того, что государственная цель превращается в личную цель бюрократии через «погоню за чинами» и «делание карьеры»⁷⁸, но и по другой причине, которая заключается в том, что это положение ведет к тому, что «в бюрократии тождество государственного интереса и особой частной цели выражено в такой форме, что *государственный интерес* становится *особой частной целью*, противостоящей другим частным целям»⁷⁹. Дру-

⁷⁶ См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 280.

⁷⁷ См.: Аврех А.Я. О природе российского самодержавия // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993. – С. 257–259.

⁷⁸ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М., 1955. – Т. 1. – С. 272.

⁷⁹ Там же. – С. 273.

2. В России углубился большой межсекторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Он обуславливался раз-ной последовательностью утверждения главных элементов капиталистического способа производства. В промышленности за весь императорский период благодаря целенаправленной организаторской деятельности государства приоритет отдавался развитию индустриальных производительных сил при запаздывании или деформации капиталистических производственных отношений. В аграрном секторе, напротив, опережали капиталистические производственные отношения, но не в фазе производства, так как здесь у капитализма не было никаких серьезных перспектив, а в фазе обмена. Промышленность, выкачивая экономические ресурсы из сельского хозяйства, не только тормозила его капиталистическую модернизацию, но в стратегическом плане задерживала и свое собственное развитие. Во-первых, низкая эффективность сельскохозяйственного производства препятствовала перекачке рабочей силы из деревни в город. Во-вторых, легкость получения доходов от эксплуатации дешевого наемного труда, поступавшего из деревни, и неотрадиционных укладов развращали крупный капитал и направляли капиталистическую модернизацию в русло экстенсивного развития и неоправданно высокого уровня привлечения иностранного капитала.

3. Результаты индустриализации и промышленной революции не только не соответствовали уровню развития западных стран, чем обуславливали технико-технологическую отсталость страны, но и тормозили создание адекватной материально-технической основы естественного становления монополистического капитализма. Это консервировало разрыв между двумя потоками промышленного производства, углубляло несоответствие низкого уровня технического развития промышленности со степенью её концентрации, консервировало преобладание торгового капитала над промышленным.

4. В России был высокий уровень регрессии капитала и формирования неотрадиционных квазикапиталистических укладных форм. С одной стороны, без регрессии капитала капиталистическая модернизация была бы обречена на провал, но, с другой стороны, регрессивные формы предопределили утверждение тупиковой модернизационной модели. Монополистические объединения совместно с торгово-ростовщическим капиталом, закабалая мелких производителей, в целом не разрушали мелкое производство, а консервировали его специфические черты, способствовали ухудшению условий труда и

ря на жизнеспособность и внутренний экономический потенциал, сдерживало формирование полноценного капиталистического рынка труда, дешевизной труда тормозило научно-технический прогресс, вошло в серьезное противоречие с развивающимся нравственным самосознанием людей, вело к технологическому тупику в земледелии. Поэтому отмена крепостничества стала главным условием ускорения капиталистического развития.

В середине XIX в. в российской модернизации начался *капиталистический этап перехода к буржуазному обществу*.

Исследование позволило определить, что во второй половине XIX в. заданные государственной властью России темпы экономического развития привели, с одной стороны, к его ускорению, с другой – к углублению межсекторного разрыва в экономике, что определяло отсталость страны в темпах экономического развития от Запада до реформ середины XIX в., а также к переходу на форсированную асинхронную модель общественного воспроизводства, возникновению основных признаков экономического строя России, которые показывают его буржуазно-формационный уровень.

1. Экономический строй России сложился в многоукладную переходную систему преимущественно конгломератного типа. Она характеризовалась длительным сосуществованием и устойчивым воспроизведением трех разнородных потоков-пластов моделируемых элементов и основанных на них отношений: неотрадиционного, почвенного («автохтонного», самобытного) капиталистического и государственно-монополистического («заимствованного»). Эти потоки-пласты образовали отдельные анклавов, которые автономно воспроизводили свой тип отношений. Связи между анклавами были построены больше не на синтезе и превращении одних форм в другие, а на параллельном, но разноплоскостном соразвитии. Анклавы при соприкосновении не образовывали сплава и в основном не приобретали новых качеств за счет утраты исходных. В российском конгломератном обществе преобладали не сквозные, а опоясывающие связи, которые отличались большой мягкостью и не стимулировали однородности. В роли таковых выступили: политико-правовая система царизма, политика государственного капитализма и включение властью квазикапиталистического («октябристского», кабального) механизма перекачки прибавочного продукта в капиталистический сектор.

гими словами, бюрократия не только становится средоточием государственного формализма и отчуждения, но и приобретает плутократические черты, как бы воплощая свое стремление «к тому, чтобы сделать жизнь возможно более материальной»⁸⁰.

Плутократическое перерождение правящего режима началось еще в дореформенный период через систему винных откупов, которая достигла своего апогея в правление Николая I. Приобретение крупных состояний в винно-откупном деле явилось одним из самых характерных путей формирования крупных капиталов в России⁸¹.

Важной особенностью откупного предпринимательства было то, то оно чрезвычайно способствовало возникновению и укреплению тесных связей откупщиков с верхами дворянского общества, с сановной правительственной бюрократией. Многие царские сановники, губернаторы, находясь на государственной службе, искали побочные источники обогащения, были «негласными откупщиками». Большие деньги, оборачивающиеся в сфере откупов, открывали двери самых высоких кабинетов и гостиных. В 1863 г. система винных откупов была отменена. Но к этому времени бывшие откупщики уже были готовы к переключению своей энергии на новые направления предпринимательской деятельности. Ее характерными чертами, которые наложили определенную печать на облик значительной части крупной российской буржуазии и на ее дальнейшее развитие, были ее паразитирование на казенном финансировании и тяготение к устройству своих дел через подкуп и дачу взяток представителям государственной администрации сверху донизу, что определило *плутократический характер власти*⁸².

Это новое качество самодержавия заложило серьезное политическое противоречие. *С одной стороны*, буржуазное развитие требовало адекватных изменений в политических и правовых сторонах общественной жизни, но, *с другой стороны*, слишком тесное «сотрудничество» власти и буржуазных кругов не заинтересовывало их обоим делать решительные шаги в модернизации политического режима, так как все возникавшие экономические и социальные запросы буржуазии эффективно решались келейно, через сговор и личную унию с бюрократией.

⁸⁰ Там же. – С. 272.

⁸¹ См.: Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. – М., 1952. – Т. 2. – С. 16–17.

⁸² См.: Гавлин М.Л. Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С. 99–105.

В условиях России эта характерная особенность бюрократии приобрела своеобразное преломление благодаря специфическому развитию русской государственности, которое состояло в том, что в силу высокой роли государственно-политического фактора в жизни страны, управление ею было монополизировано бюрократией, а традиции общественных союзов и самоуправления долгое время находились под жестким контролем и давлением государственной власти.

Однако, утверждения стройной бюрократической централизации не получилось. Российский бюрократический аппарат в силу обширности территории, рассредоточенности населения, отсутствия достаточных финансовых ресурсов, слабой профессиональной подготовленности «был сравнительно невелик и малоэффективен»⁸³. Яркую картину бюрократической неэффективности российского госаппарата дал в своих письмах генерал Р.А. Фадеев. Так он писал: «В таком непомерно громадном бюрократическом механизме, каков русский, в котором решение по каждому делу обуславливается хорошо подобранными формальностями, всякий начальник отделения сильнее министра в делах своего круга действий, каждый из них может вынудить желательное для себя решение у заурядного министра, теряющегося в хаосе текущих дел»⁸⁴; «С одной стороны, ... в России нет единства целей не только между министерствами, но даже между департаментами одного и того же министерства. С другой стороны, не смотря на разногласицу мнений и действий каждой канцелярской ячейки, каждого отделения, все они проникнуты тем же самым кастовым духом, духом порабощения всего сущего» и в результате «от первоначальной мысли законодателя остается одна шелуха, наполненная формальностью»⁸⁵. Р.А. Фадеев приводит факты экономического банкротства «русской владычествующей бюрократии»: горное ведомство «поглощает 6.364.000 из 6.474.000 руб. приносимых казенными заводами»; бюджеты ведомств выросли с 1864 г. по 1879 г. непомерно: министерства государственных имуществ с 9.337.000 на 11.060.000 рублей, губернских правлений, отдавших часть своих функций земствам, с 1.394.000 на 2.862.000 рублей, полиции с 4.000.000 на 10.500.000 рублей⁸⁶. «Западные финансисты никак не могут понять того явления, что при русских преобразованиях не про-

⁸³ Макарин А.В. Бюрократия в системе политической власти. – СПб., 2000. – С. 108.

⁸⁴ Фадеев Р.А. Письма о современном состоянии России // Фадеев Р.А. Собрание сочинений. – СПб., 1890. – Т. III. – Ч.2. – С.3.

⁸⁵ Там же. – С.25-26.

⁸⁶ Там же. – С.27-28.

В рамках николаевского авторитаризма проходили шлифовка и некоторая трансформация правомерно-бюрократического сословного государства. Постепенно устраняя из государственного механизма элементы сословности, власть все больше реализовывала тенденцию бюрократизации и централизации управления. На вооружение были взяты милитаризация и регламентация общественной и государственной жизни, опека над сословиями при одновременном приобретении государством надсословной самостоятельности, ограничение крепостничества, осторожное расширение сферы гражданской свободы при решительном подавлении политического инакомыслия.

В исследовании нашло дополнительное подтверждение то, что главная причина «раннего» начала политико-правовой и организационно-технической модернизации российского государства состоит в том, что *экономическое и политическое давление складывающейся капиталистической мир-системы заставило власть в России ускоренно развивать функциональный аспект капитала в абсолютистской форме.*

Комплексный анализ избранной для исследования проблемы позволяет утверждать, что такой формационный ответ России во многом был вызван господством в общественном строе России трех взаимосвязанных элементов: общинно-патриархальных отношений, крепостничества и поместной системы. Их единство способствовало наступлению нескольких важных последствий: торможению формирования сословного общества, сужению социальной базы формирующейся буржуазии, потере интереса дворянства к развитию сословного представительства, сращиванию на основе крепостничества интересов дворянства и государства и, в целом, – утверждению абсолютной монархии.

В экономическом строе России конца XVIII – первой половины XIX в. наблюдалось переплетение развивающейся многоукладности, сочетания общинных начал с крупномасштабным участием государства в экономической жизни, высокого уровня монополизма и мобилиционности, зарождения в недрах добуржуазной общественной формации капиталистического уклада и обслуживающей его квазикапиталистической периферии, разложения старых добуржуазных укладов.

Рыночно-крепостное квазикапиталистическое хозяйство (то есть такое хозяйство, в котором докапиталистические формы эксплуатации служили массовому производству рыночного продукта), несмот-

азной модернизации. Его главным итогом явилась организационная, техническая, политико-правовая модернизация российского государства, в котором под абсолютистской формой были созданы такие элементы современного буржуазного государства, как регулярная армия, полиция, бюрократия, унифицированное управление; были заложены основы легального господства и гражданского общества, разделения властей, суда, местного самоуправления, буржуазного менталитета. Все эти преобразования тесно переплелись с действиями власти по форсированному формированию сословного строя уже в условиях модернизации.

Центральное место в сложившейся сословной системе занимало дворянство, которое вплоть до отмены крепостного права обладало монополией на занятие командных должностей в гражданском и военном управлении, держало в своих руках не только все отрасли центрального управления и суда, но и местное коронное управление и полицию и, тем самым, образовывались мощные узлы патронажных отношений, что обеспечивало более или менее эффективное удовлетворение интересов этого привилегированного сословия. Однако, общая бюрократизация управления, включение через службу в состав дворянства представителей других сословий приводили к *понижению политического статуса дворянства, ослаблению зависимости от него государства*, что в целом благотворно сказалось на будущих преобразованиях XIX – начала XX в.

Появившиеся в начале XIX в. политические проекты делали ставку на развитие правомерной монархии (как этапа движения к правовому государству) через сочетание двух государственных начал – конституционно-гражданского (в сословно-монархической форме) и бюрократического. Первое начало за время правления Александра I постепенно утратило перспективы на свою полноценную реализацию, так как последствия либеральной инверсии грозили затронуть существенные интересы дворян-помещиков. В итоге, российский абсолютизм в первой половине XIX в. приобрел правомерно-бюрократический сословный характер. В этом отразилась его формационная двойственность, которая впоследствии стала одной из главных проблем буржуазной модернизации. Такой же проблемой стало усиление в конце XVIII – начале XIX в. раскола российского общества, проходившего в нескольких плоскостях: между народом и властью, народом и дворянством, правящей и духовной элитами и, самое главное, между силами традиции и модернизации.

исходит никакого перемещения государственных расходов, а только приращение их; что после преобразований денежные отпуска на все существовавшие до того учреждения остаются без перемены, но к ним прибавляются новые, что противоречит самому слову «преобразование»⁸⁷. Находит Р.А. Фадеев и причины создавшегося положения: сложное и запутанное делопроизводство, поглощение всего культурного слоя государственной службой, бездумное заимствование западноевропейских государственных форм при пренебрежении исконно русскими началами – земским общественным самоуправлением.

Говоря о количественной характеристике чиновничества, следует указать на тот факт, что в России в середине XIX в. на тысячу человек населения приходилось 2 чиновника, в Британии – 4,1, во Франции – 4,8. В 1910 г. этот показатель для России составил 6,2, Англии – 7,3, Франции – 17,6, Германии – 12,6, США – 11,3⁸⁸. Отставание в общем количестве чиновников находилось в резком контрасте с наплывом желающих получить место в центральных ведомствах. П.А. Валуев в 1861 г. по этому поводу докладывал: «Едва ли существует в целом мире государство, где столь значительная часть населения живет в разных должностях за счет остальной части этого населения, как в России. Наплыв людей, ищущих мест и сетующих на правительство, когда они не находят оных, или по неспособности не могут найденных удержать за собой, постоянно увеличивается. Они составляют тяжкое бремя для государственного бюджета и в то же время образуют постепенно возрастающий класс недовольных, вредный для спокойствия государства»⁸⁹.

Малоэффективность бюрократии во многом обуславливалась ее структурой. Местная администрация составлялась (до Великих реформ всецело, а после – частично) из дворянства и представляла собой продолжение патримониальной власти помещика. Второй слой администраторов включал плохо оплачиваемых необразованных мелких чиновников, очень часто не вникавших в суть дела. Верхушка бюрократии, состоявшая из высших чиновников и личных друзей (или членов семьи) царя, назначалась на должности без учета взгля-

⁸⁷ Там же. - С.28.

⁸⁸ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 203.

⁸⁹ Записка П.А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения сохранения внутренней безопасности» от 22 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.106.

дов и наклонностей конкретных кандидатов; была отделена от рядового дворянства и чиновничества непроходимой пропастью. Мелкие чиновники в любом нововведении видели для себя затруднение, положение же любого высшего чиновника было чрезвычайно непрочным и целиком зависело от личной воли императора⁹⁰.

Управление строилось по своеобразной откупной системе, имевшей мало общего с бюрократической централизацией⁹¹. Чиновники зачастую жили не за счет государства, не имевшего на них средств, а за счет зависимого от них населения или денежных подачек различного рода дельцов. Это во многом было связано с очень низким уровнем оплаты труда государственных служащих и высоким уровнем ее дифференциации среди различных классов чиновников. Например, если мелкий чиновник получал в первой половине XIX в. от 7 до 16 рублей в месяц, то один действительный тайный советник – 48 руб. 78 коп. в день при «казенной квартире с дровами», экипаже «с кучером», с кухаркой и горничной за казенное содержание. Через полвека эта тенденция сохранилась: 90% чиновников получали до 5 тыс. руб. жалования в год (из них 53,5% – не более 1 тыс.), тогда как 9% – от 10 до 20 тыс. руб., а 1% – до 50 тыс. руб. и выше⁹². По штатам 1845 г. Министерства внутренних дел губернатор без «добавочных» окладов получал около 300 руб. в месяц (не считая казенной квартиры), правитель канцелярии губернатора – 600 руб. в год, а помощник регистратора губернского правления – 9 руб. 50 коп. в месяц (без квартирных в размере 5 руб.)⁹³.

В 1811 году в связи с резким падением курса ассигнационного рубля с 54 серебряных копеек до 25 жалование чиновников составляло только 1/4 часть суммы предусмотренной штатным расписанием XVIII в. За первую половину XIX в. произошло существенное (примерно на 22%) снижение реального жалования государственного аппарата, выразившееся как в обесценивании денег, так и в росте цен⁹⁴. В таких условиях низшим чиновникам прожить на одно жалование было практически невозможно и поэтому его недостаток они компен-

⁹⁰ См.: Raeff M. The Russian Autocracy and its Officials // Russian Thought and Politics. Harvard Slavic Studies. – Cambridge Mass., 1957. – Vol. IV. – P. 79.

⁹¹ Макарин А.В. Указ. соч. – С. 109.

⁹² См.: Сироткин В.Г. Номенклатура в историческом разрезе // Через тернии. – М., 1990. – С. 318.

⁹³ См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XIV. – № 11155.

⁹⁴ См.: Писарькова Л.Ф. Бюрократизация административной системы в первой половине XIX века // Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003. – С. 126.

европейского и мирового исторического процесса, приходя к выводу о типологической идентичности закономерностей и этапов российской модернизации и общеевропейского пути.

Специфика объекта, предмета, территориальных и хронологических рамок исследования обусловили использование широкого круга опубликованных (статистические документы, законодательные акты Российской империи, научные работы современников, документы личного характера) и неопубликованных (канцелярские документы и статистические материалы) письменных источников, что позволило определить основные тенденции и противоречия перехода России от традиционного общества к буржуазному во второй половине XIX – начале XX в.

Анализ исторических источников и литературы показал:

1. В длительной буржуазной модернизации России можно выделить два этапа: предварительный (докапиталистический) этап, охватывающий XVIII – первую половину XIX в. и капиталистический этап, который включал два исторических периода – пореформенный и монополистический.

2. Россия, создав в ходе первого этапа модернизации основы буржуазной эволюции, вступила в ее второй капиталистический этап и вышла по ряду направлений на раннеиндустриальный уровень развития, будучи отягощенной крепостническими, абсолютистскими и патриархальными пережитками.

Это побудило нас провести комплексный анализ российской модернизации в целом, а также ее этапов. Особое внимание было обращено на проблемы социокультурного, экономического, социального и политического раскола российского общества, асинхронности буржуазных преобразований в различных сферах жизнедеятельности, роли государства в форсированной деформации естественного процесса становления буржуазного общества.

Исследование показало, что в ходе формирования буржуазного общества в России происходило преобразование всего ее жизненного уклада. Особенности этого процесса напрямую зависели от субъективных и объективных факторов экономического развития страны. Длительная территориальная экспансия, сложные природные условия, предшествовавшие исторические обстоятельства предопределили институциональное и функциональное своеобразие межформационных преобразований в стране. Прежде всего, это сказалось в ходе *предварительного (докапиталистического) этапа* российской буржу-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование деятельности государства и социальных групп в ходе формирования и становления буржуазного общества в России во второй половине XIX – начале XX в. позволяет сделать обобщающие выводы.

Историографический анализ показал, что рассматриваемая научная проблема исследовалась по многим ее аспектам. Для комплексного рассмотрения буржуазной модернизации России во второй половине XIX – начале XX в. сыграли важную роль те результаты исследований отечественных историков, которые обладают серьезной доказательной базой и наибольшей достоверностью. К ним относятся: поздняя концепция «национализаторского» направления, в которой взаимодействие госаппарата и монополий понимается как сложное переплетение, а развитие отношений между национальным и иностранным капиталами – как союз; выводы «нового научного направления» о роли «октябристского» капитала в консервации до- и раннекапиталистических укладов, об особом русском типе аграрно-капиталистической эволюции, при котором капиталистическое хозяйство оказалось тесно переплетенным с кабально-арендными и отработочными отношениями; положение о формационном, а не производственном кризисе крепостнической системы; характеристика условий обеспечения значительной роли государственного предпринимательства в экономическом развитии страны; концепция продворянской направленности политики самодержавия в крестьянском вопросе, в организации местного самоуправления, в дворянском предпринимательстве; положения о причинах формирования в стране психологически и политически слабого буржуазно-помещичьего класса, о приспособлении самодержавия и крупной русской буржуазии к существовавшему порядку и отношениям; концепция переходного характера социально-политического облика рабочего класса России.

Зарубежные исследователи наибольшего результата добились в рамках теории модернизации, которая явилась эффективным орудием описания экономических, социальных и политических изменений в России, но – слабым инструментом во вскрытии социальных противоречий (что, напротив, составляет сильную сторону отечественных историков). В основном возобладала точка зрения тех авторов, которые рассматривают Россию как неотъемлемое и полноценное звено

сировали за счет несправедливых доходов, получаемых в виде взяток с дел и регулярных «пособий» от промышленников, купечества и откупщиков. Высшие чиновники при этом получали исключительные возможности для обогащения. Существовала целая система взяток, подкупов, дарений, носившая практически легализованный характер. А.М. Кошелев, бывший 10 лет откупщиком, в записке, поданной министру финансов в январе 1853 г. писал, что «получать жалование из откупа считается теперь не взяткою, но жалованьем безгрешным, прибавочным к казенному жалованью...»⁹⁵.

Администрация многих губерний находилась на содержании откупщиков, которые платили чиновникам второе жалованье, не меньшее, чем казенное. Например, в конце 1830-х годов один из откупщиков ежегодно платил Симбирскому губернатору 10 тыс. руб., вице-губернатору – 20 тыс. руб., прокурору – 3 тыс. руб. Похожая ситуация была и в других губерниях⁹⁶.

В пореформенное время, в связи с ростом номинального и реального уровней содержания государственного аппарата, а так же с развитием капитализма, подкуп чиновников несколько отошел на задний план и дополнился обуржуазиванием части бюрократии, особенно ее верхушки, что нашло свое проявление в предпринимательской деятельности чиновников. Уже в 1860-х годах их значительная часть активно участвовала в грюндерстве, возглавляя акционерные компании и банки по совместительству с государственной службой в качестве директоров и членов правления⁹⁷. Управляющий делами Комитета министров статс-секретарь А.Н. Куломзин констатировал в этот период, что использование ведущими чиновниками Министерства финансов своего положения для оказания содействия различным группам капиталистов получило широкое распространение⁹⁸. У многих видных сановников «доходы от ценных бумаг составляли существенную часть их бюджета»⁹⁹. После 1884 г., когда верховная власть специальным законом запретила чиновникам высших пяти классов совместительство государственной службы и предпринимательства, связь бюрократии с частным капиталом приняла другие формы. На административные должности в компании приглашались отставные

⁹⁵ Цит. по: Гавлин М.Л. Роль винных окупов в формировании крупных капиталов в России XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С. 100.

⁹⁶ См.: Писарькова Л.Ф. Указ. соч. – С. 127.

⁹⁷ См.: Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). – М., 1992. – С. 53.

⁹⁸ См.: Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. – Л., 1973. – С. 130.

⁹⁹ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. – М., 1979. – С. 102.

чиновники и лица, находившиеся в близких отношениях с влиятельными государственными служащими. В начале XX в. 115 чиновников четырех высших классов владели промышленными предприятиями и еще 160 занимали свыше 240 мест в руководящих органах частных компаний. У ряда крупных сановников доходы от ценных бумаг составляли важную часть личного бюджета. В правлениях и советах практически всех банков и акционерных обществ чиновники занимали сотни мест.¹⁰⁰ Перед Первой мировой войной количество высших гражданских и военных чинов в правлениях акционерных компаний резко увеличилось. В начале 1914 г. более 30% всего состава руководителей акционерных обществ имели или офицерские, или гражданские звания. В большинстве своем они или вообще ушли с государственной службы, или числились на ней лишь номинально, оставаясь «причисленными» к различным ведомствам¹⁰¹.

Вместе с процессами обуржуазивания бюрократии происходило и обюрокращивание буржуазии. Возрастающий интерес представителей деловых кругов к различным жалованным атрибутам государственной иерархической системы был обусловлен, главным образом, их желанием повысить свой социальный престиж, так как само наличие чинов и званий никаких конкретных выгод профессиональной, предпринимательской деятельности не приносило. В XX в. любой крупный делец мог иметь высокий гражданский чин по «Табели о рангах». Надо было лишь заплатить в фонды различных благотворительных учреждений. И если в середине 90-х годов XIX в. лишь каждый десятый предприниматель имел чиновные звания, то к середине 1914 г., более половины всего контингента дельцов-распорядителей акционерных компаний владели классными званиями гражданских чиновников¹⁰².

Таким образом, социальное сближение между бюрократией и буржуазией стало реальностью общественной жизни России в конце XIX – начале XX в. (хотя этот процесс еще был далек от высокой степени исторической интеграции). Это привело к тому, что российские чиновники могли легко увеличивать свои возможности и богатство, пользуясь личной властью и политической бесконтрольностью. Ориентируясь не на государственное жалованье, а на «дополнительные» источники дохода, они в своем большинстве мало заботились о ра-

страна в начале XX в. безостановочно левела, царь, камарилья, официальное правительство неуклонно двигались вправо.

¹⁰⁰ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 205–206.

¹⁰¹ См.: Боханов А.Н. Указ. соч. – С. 175.

¹⁰² См.: Боханов А.Н. Указ. соч. – С. 66, 68.

постничества. «Осовременивание» политической жизни становилось все более неадекватным процессам становления капиталистического уклада, освобождению крестьян и назревшим задачам совершенствования политико-правовой сферы страны и вело к усилению раскола общества.

Сложившиеся противоречия власть попыталась разрешить в ходе создания в политическом строе новых институтов правового государства. Однако, к тому времени общая буржуазная трансформация привела к тому, что абсолютистский режим стал носить плутократический характер. Возникло серьезное политическое противоречие: тесное «сотрудничество» власти и буржуазных кругов не заинтересовывало их обоих делать решительные шаги в модернизации политического режима. В итоге, властью был сделан выбор в пользу политики подчинения ресурсов общества охранительной государственной политике, а не использования тенденций развития общества в его же собственных интересах. Это предопределило установление в начале XX в. авторитарной модели политической модернизации, основанной на соединении сословных пережитков с элементами буржуазной политической системы. Однако, высокий уровень радикализма народных масс, неприятия ими как феодальных, так и буржуазных ценностей делали нежизнеспособной бонапартистскую политическую систему, предполагавшую свою социальную опору в виде эклектического соединения политических усилий уже экономически слабеющего дворянства и еще политически слабой буржуазии.

Важнейшим показателем нарастающей неустойчивости самодержавия явилось неразрешенное противоречие между идеями охранительства и возникшей протоидеологией буржуазной модернизации в рамках общей государственной идеологии. Причинами этого противоречия стали недосформированность новой идеологической системы, противоречивая политическая позиция самодержавия и жесткое давление идеологических оппонентов.

Общественно-политические движения, отражая масштабный раскол российского общества, были носителями трех идеологических противоречий: между движениями и властью, между самими движениями и внутри движений. Наиболее значимое из них состояло в том, что если бюрократия полагала возможным совместить капитализм с самодержавием, то вся оппозиционная интеллигенция считала этот путь бесперспективным и тупиковым и потому стремилась так или иначе устранить монархическое начало. В результате, в то время как

циональном функционировании государства¹⁰³. Однако следует подчеркнуть, что положение со взятками в пореформенное время с приходом элементов гласности и утверждением закономерного управления все же изменялось. «При чем вероятность подкупа падала в геометрической прогрессии к росту положения чиновника на иерархической лестнице», «чем ниже был статус чиновника, чем в меньшей степени он находился под служебным и общественным контролем, чем ближе он находился к народу, тем больше было шансов, что ему будут давать, а он будет брать взятки, которые в среде крестьянства в начале XX в. означали в первую очередь приношения, дары, гостинцы, плату или подарок должностному лицу»¹⁰⁴.

Этот вывод, на наш взгляд, верен в том смысле, что в пореформенную эпоху верхние эшелоны власти нашли альтернативные взятке источники самообогащения, связанные с предпринимательской деятельностью. Например, акции курско-киевской железной дороги получили известность как акции Государственного совета и Сената, в связи с тем, что среди акционеров было очень много членов этих учреждений¹⁰⁵.

Говоря об интересах чиновной бюрократии, нельзя не упомянуть и об *ее тесных связях с крупным землевладением*. Высшие сановники часто сами были крупными землевладельцами. Н.А Рубакин подсчитал, что из 100 числившихся к 1905 г. действительных тайных советников, получавших в среднем по 15978 руб. жалования в год, 50 сами являлись землевладельцами и все вместе владели 284 тыс. дес. земли, то есть в среднем по 5680 дес. каждый. Из 584 тайных советников 194 были собственниками земли и имели вместе 3104,6 тыс. дес., или в среднем по 16 тыс. дес. на каждого¹⁰⁶.

Сравнение проявления двух тенденций в эволюции высшей бюрократии: ее переплетения с помещным дворянством и развития отношений с буржуазией показывает, что в конце XIX – начале XX в. связи высшего чиновничества с аграриями были намного прочнее и шире, чем с буржуазией. Достаточно сказать, что как в 1897, так и в 1914 г. 2/3 губернаторских постов занимали землевладельцы. Потомственные дворяне по происхождению составляли абсолютное большинство среди министров и главноуправляющих. В то же время вы-

¹⁰³ См.: Макарин А.В. Указ. соч. – С. 114.

¹⁰⁴ Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 205–206.

¹⁰⁵ См.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. – М, 1979. – С. 101–103.

¹⁰⁶ См.: Рубакин Н.А. Наша правящая бюрократия в цифрах // Сын Отечества. – 20.IV.1905.

ходцы из буржуазии достигали руководящих государственных должностей лишь в единичных случаях. То есть становление связей высшего чиновничества с промышленниками и банкирами в основном было следствием не одворянивания буржуазии, а включения дворянства в торгово-промышленную деятельность. Наиболее эффективными каналами в этом процессе явились: приобретение чиновниками акций промышленных предприятий, переход высокопоставленных управленцев в правления предприятий и банков по «рекомендации» Министерства финансов¹⁰⁷.

Непонимание российским чиновничеством идеи «служения народу» возникло не только в силу их особых материальных интересов, но и потому, что в России долгое время не признавалась значимость договорных отношений на основе контракта. Вместо этого института доминировала личная лояльность патронажно-клиентальных связей, которые затушевывали институциональный интерес, тормозили процессы социальной и экономической дифференциации¹⁰⁸.

В XIX в. патронажные связи между чиновниками в определенной мере ослабли сравнительно с XVIII в., однако не были полностью изжиты и препятствовали утверждению формализованных правовых отношений¹⁰⁹. Начиная с 1799 г., карьера стала определяться не только патронажно-клиентальными связями, но и стажем службы. В «среднем классе» гражданского управления, как и в армии, утвердился принцип «старшинства» – никто не имел возможности занять следующую ступень раньше того, кто более всех «показался на службе». То есть движение по лестнице управления определяли более не индивидуальные заслуги и способности, а продолжительность службы¹¹⁰.

Постепенно силу приобретал и другой служебный критерий – образовательный и профессиональный уровень. В XVIII – начале XIX в. для подавляющего числа чиновников военная служба была единственной их школой и багаж знаний, полученных в армии, признавался достаточным для исполнения как административных, так и

¹⁰⁷ См.: Дубенцов Б.Б. Высшее чиновничество в России в конце XIX – начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX – начале XX века. Сборник научных трудов. – М., 1988. – С. 46–59; См. также: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 223–224.

¹⁰⁸ См.: Макарин А.В. Указ. соч. – С. 114.

¹⁰⁹ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 168.

¹¹⁰ См.: Макарин А.В. Указ. соч. – С. 107.

Выводы по главе

Изменения в политической сфере заняли важнейшее место в модернизации России. Они вызывались целым комплексом противоречий, которые охватили российское общество.

Важнейшее противоречие сложилось между военно-политическим и экономическим натиском молодых капиталистических держав и необходимостью адекватного ответа в виде создания регулярной армии и, следовательно, всей системы современного регулярного государства, способной наладить экономическую связь с капиталистической мир-системой. Для решения этого противоречия в России пошли по пути утверждения абсолютистского авторитаризма на базе «тупиковых» квазикапиталистических форм при одновременном развитии форм легального господства (формально-правовых оснований, законодательства). Ведущей тенденцией в развитии регулярного государства по направлению к правовому явилось прохождение длительного этапа правомерного государства при закономерной бюрократизации управления.

Другое противоречие было вызвано нерешительностью и незаинтересованностью власти в своевременной ликвидации крепостного права и его остатков не только в силу многочисленных объективных условий, но и по причине абсолютизации и догматизации метода постепенных либеральных реформ. Возникшая в результате этого своеобразная модернизационная ловушка постоянно углубляла социокультурный раскол общества (между народом и властью, народом и дворянством, правящей и духовной элитами и, в конечном итоге, между силами традиции и модернизации) и, следовательно, тормозила развитие политических форм.

Еще одно противоречие возникло в первой половине XIX в. и развернулось между возрастающими потребностями капиталистического развития, ростом самосознания всех слоев российского общества, с одной стороны, и реалиями социальной и политической жизни России, с другой. Для его разрешения в условиях авторитарной волны самодержавием были осуществлены шаги по дальнейшему укреплению бюрократических начал и законности в управлении, регулированию прав сословий при одновременном приобретении государством надсословной самостоятельности, по осторожному расширению сферы гражданской свободы при решительном подавлении политического инакомыслия, распространению образования и ограничению кре-

Выводы

Общественно-политические движения, отражая масштабный социокультурный раскол российского общества, были носителями трех противоречий: между движениями и властью, между самими движениями и внутри движений между силами традиции и модернизации. Наличие народнического, либерального, эсэровского, марксистского движений в определенной мере подтолкнуло власть к либеральным реформам.

Самодержавная власть, бывшая ранее инициатором нововведений, к концу XIX в. постепенно превратилась в защитника традиций и порядка. В лоне общественно-политических движений формировался новый слой политической элиты, отрабатывались технологии политической борьбы, которая в начале XX в. привела к серьезным изменениям верхнего этажа государственной власти.

В связи с утратой самодержавием преобразовательной инициативы обозначилось острое противодействие бюрократии со стороны оппозиционной интеллигенции, которая стала претендовать на ведущую роль в модернизации страны. Если бюрократия полагала возможным совместить капитализм с самодержавием, то вся оппозиционная интеллигенция считала этот путь бесперспективным и тупиковым и потому стремилась так или иначе устранить монархическое начало. Тем самым, противоречие между бюрократией и интеллигенцией, присущее любому современному обществу, в российских условиях приобретало революционный межформационный характер. Кроме того, увеличение экономической мощи буржуазии и усиление политического сопротивления пролетариата и крестьянства оставили перед самодержавием два основных пути: дальнейшее реформирование и самоликвидация или охранительный путь, направленный на союз с помещиками и камарильей. В результате, в то время как страна безостановочно левела, царь, камарилья, официальное правительство неуклонно двигались вправо.

Несмотря на проводимые в пореформенное время буржуазные преобразования, Россия во многом оставалась на уровне тех политических задач, которые были поставлены во второй половине XIX в. Об этом свидетельствовало и доктринальное, и практическое «возвращение» к политическому опыту прошлого тех сил, которые наиболее близко подошли к пониманию реальной России, и, прежде всего, осознали приоритетность таких факторов как революционный потенциал крестьянства и важнейшая роль государства в модернизации.

служебных должностей¹¹¹. Но с 1803 г. закон установил определенные требования к уровню образования чиновников, а с 1809 г. – образовательный ценз для желающих получить чин VIII класса: среднее образование или сдача экзаменов по специальной программе. И хотя в 1834 г. ценз был отменен, но зависимость от образования в поступлении на службу и в ускорении ее продвижения остались. Результаты принятых мер постепенно сказались на повышении уровня образования бюрократии (см. таблицу 15)¹¹².

В течение императорского периода происходила неуклонная профессионализация чиновничества, благодаря возникновению специальных учебных заведений и постепенному отделению гражданской службы от военной. Если в XVIII в. типичный чиновник был офицером, то в XIX – начале XX в. – чиновником-юристом¹¹³.

Российский государственный аппарат принимал в свои ряды выходцев из всех слоев населения, что означало и их одворянивание. Этот процесс приводил к следующим последствиям. Первое – число дворян росло за счет представителей других сословий, что, с одной стороны, разрушало кастовость дворянства, а, с другой, – расширяло социальную опору режима. Второе – чиновники из других сословий и разночинцев отличались от чиновников из дворянства большей компетентностью и лояльностью к верховной власти, составляя самую верноподданную часть бюрократии¹¹⁴.

Итак, все сказанное о российской бюрократии позволяет сделать вывод о том, что в течение всего абсолютистского периода она представляла собой промежуточный переходный тип между «традиционным» типом чиновника и «рациональным». Подтверждением этому является следующее.

Первое - сословный институт чиновничества по происхождению сочетался с буржуазным институтом чиновничества по профессии.

Второй довод состоит в том, что российская бюрократия в силу ее недостаточной численности и малоэффективности, низкого жалования большинства государственных служащих, высокого уровня продажности и втянутости в неформальные товарно-денежные отношения, ориентации в целом не на формальные, а на патронально-

¹¹¹ См.: Писарькова Л.Ф. Указ. соч. – С. 123.

¹¹² См.: Дубенцов Б.Б. Самодержавие и чиновничество в 1881–1904 гг. (Политика царского правительства в области организации государственной службы): Дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1977. – С. 6–10, 204.

¹¹³ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 206.

¹¹⁴ См.: Там же. – С. 208.

клиентальные связи, низкий образовательный и профессиональный уровень, с одной стороны была уже не способна к широкомасштабной тотальной и бюрократической централизации по типу восточных деспотий, а с другой стороны, эти же ее качества тормозили и блокировали переход к «рациональному» типу.

Третья основа переходности заключалась в том, что мощь российского государственного капитализма явно не дотягивала до существенного огосударствления многих сторон жизнедеятельности общества, а, следовательно, превращения бюрократии в господствующую социальную силу, но до определенного момента была вполне достаточна для проведения буржуазной модернизации.

Четвертое. Абсолютизм под давлением экономических и политических обстоятельств вынужден был шаг за шагом передавать часть властных полномочий под контроль общественно-политических институтов, законодательно и силой общественного мнения ограничивать бюрократию и тем самым способствовать ее рационализации. Но передача эта происходила крайне противоречиво.

Пятое. В идейном и политическом багаже российской бюрократии конгломератно сосуществовали мистика и расчет, интуитивные импульсы и практические интересы. «Именно этот противоречивый гибрид традиционной органики и новоприобретенной прагматики был молчаливо признан приоритетным в государственной политике России конца XIX века»¹¹⁵.

Манифестом 17 октября 1905 г., был установлен так называемый «обновленный строй». Изданные 23 апреля 1906 г. Основные законы ввели в политическую жизнь страны законодательную Государственную думу и обновленный Государственный совет, изменили политическую роль царя и правительства, легализовали буржуазные политические процессы.

С формально-юридической точки зрения после 1906 г. в России абсолютизм прекратил свое существование, поскольку, во-первых, в Основных законах исчезло упоминание о неограниченном характере власти царя и, во-вторых, он стал осуществлять законодательную власть «в единении с Государственным Советом и Государственной Думой»¹¹⁶.

¹¹⁵ См.: Филиппова Т.А. Приоритеты поздней империи // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. – М., 2000. – С.135.

¹¹⁶ Захаров Н.А. Указ. соч. – С. 204.

лютой неприемлемости для нее «революционных методов борьбы против самодержавия и, следовательно, о нежелательности участия широких масс в этой борьбе»⁴⁸.

При этом надо учитывать, что бонапартистским реформам П.А. Столыпина противодействовал мощный союз камарильи, бюрократии и царя⁴⁹. После «министерского» и «парламентского» кризисов 1911 г., а так же после убийства П.А. Столыпина стало ясно, что верховная власть не собирается считаться ни с либеральной оппозицией, ни с «Основными законами» и что поэтому октябристская политика «мира» с третьеиюньским режимом потерпела провал. В этой ситуации, кадеты, отмежевавшись от радикализма, выработали вместе с тем тактику «параллельных действий», которая заключалась в сочетании парламентской деятельности с внедумской работой под лозунгом «изоляции власти» с целью недопущения «нежелательных эксцессов» новой возможной революции благодаря привлечению на свою сторону земского и городского самоуправления, легальных съездов, студенческих землячеств.

В годы Первой мировой войны экономическое и организационное усиление буржуазии и ее страх перед надвигавшейся революцией породили новую оппозицию самодержавию. С лета 1915 г. в оппозицию правительству в составе прогрессивного блока ушли почти все умеренно-правые и либеральные фракции IV Государственной думы и три группы Государственного совета. Компромиссная по своему характеру программа Прогрессивного блока (требование создания «министерства доверия», обновление состава органов управления, частичная политическая амнистия, введение волостного земства, восстановление профсоюзов, прекращение преследования больничных касс) правительством была отвергнута. Таким образом, царизм окончательно лишился своей либерально-буржуазной политической опоры и тем самым отошел от политики бонапартизма. Этому также способствовал переход в открытую оппозицию правительству многих руководителей объединенного дворянства и других правых сил⁵⁰.

⁴⁸ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Л., 1984. – С. 478.

⁴⁹ См.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978; Бородин А.П. усиление позиций объединенного дворянства в Государственном совете в 1907–1914 гг. // Вопросы истории. – 1977. – № 2; Зырянов П.Н. Третья дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. – 1969. – № 6.

⁵⁰ См.: Куликов С.В. Правительственный либерализм и образование прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Материалы конференции памяти В.С. Дякина. – СПб.- Кишнев, 2001. – С.287-288.

С окончанием Первой русской революции сложился комплекс меньшевистских идей, определивших политическое поведение этой фракции в последующие годы. В первую очередь следует назвать концепцию «общенациональной» революции, в которой пролетариат играет авангардную роль, но в случае победы уступает власть буржуазии⁴⁵. Большевики полагали, что революция началась слишком рано, так как страна была еще докапиталистической и отсталой и имела слишком слабый для социалистической революции пролетариат, и поэтому они видели «перспективы ближайшего будущего... предопределенного буржуазной революцией»⁴⁶. Тем самым, меньшевики, показав себя марксистскими доктринерами, приблизились к взглядам группы Освобождения труда 80–90-х годов XIX в. Указанная концепция предопределила ориентацию на коалицию рабочего, либерального и крестьянского движений, на трансформацию РСДРП в широкую рабочую партию, на признание равноценности думской и внедумской деятельности.

Исследование показывает, что объективная и субъективная слабость либеральных партий в начале XX в. нарастала, что отразило неспособность русской буржуазии к самостоятельному историческому творчеству, ее незаинтересованность в решительной победе над царизмом. Либералы поэтому и сами не особенно желали быстрых социально-политических реформ, приводящих, по их мнению, неминуемо к революции⁴⁷. Время между двумя революциями можно рассматривать как попытку господствующих классов предотвратить новую революцию, спасти монархию, обновив ее союзом с буржуазией. Кадеты, в связи с этим, большей частью сместились к тому «государственническому» западничеству с сильным «антинародным» акцентом, который представляли собой российские либералы-государственники 1860-х годов. Другая же часть кадетов стала питать надежды на новое внеклассовое радикальное единство людей доброй воли в новом Союзе освобождения. В целом, либеральная оппозиция из революционных событий извлекла только один вывод – об абсо-

⁴⁵ См.: Волобуев О., Клоков В. Большевики // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия.- М., 1996.-С.356.

⁴⁶ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. – М., 1997. – С. 344.

⁴⁷ См.: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. – М., 1970; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 гг.). – М., 1977; Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной Думы. – М., 1962.

Сравнение изначального смысла термина «абсолютизм» (власть монарха, свободная от участия сословно-представительных или буржуазных законодательных учреждений) с российской политической действительностью позволяет сделать вывод о том, что «обновленный строй» явился существенным шагом в сторону буржуазного правового государства, но шагом противоречивым и недостаточным для того чтобы утверждать, что «форму государства, которая возникла в России в 1906 г., следует назвать дуалистической правовой монархией, так как законодательная власть принадлежала парламенту и государю, а исполнительная в центре – императору и бюрократии, на местах – бюрократии и органам общественного самоуправления»¹¹⁷. В лучшем случае речь могла идти только о первых элементах дуалистического порядка правления, ввиду большого числа изъятий из законодательства в пользу монархического компонента политической системы¹¹⁸. С одной стороны, после 1906 г. Россия имела конституцию и парламент, разделение властей и независимый суд, но с другой стороны, эти институты носили неразвитый, переходный характер, отягощенный сословными пережитками.

Избирательное право не было всеобщим, имело непропорциональный, непрямой, сословно-цензовый характер¹¹⁹. От участия в выборах были отстранены женщины, лица моложе 25 лет, военнослужащие, батраки-крестьяне, не являвшиеся «домохозяевами», лица не являющиеся квартирными владельцами, часть рабочих, а также «инородцы»¹²⁰. Закон установил, что в 1906 г. один выборщик приходился на 2000 землевладельцев, на 7000 городского населения, на 30 000 крестьян и на 90 000 рабочих; число выборщиков, которые непосредственно выбирали депутатов в Думу, составлял по 51 губернии Европейской России в 1907–1910 гг. 3,3% всего населения¹²¹. Реально на то, из кого состоит Государственная дума, влияли примерно 7 тыс. участников губернских избирательных собраний и избиратели нескольких городов. Причем в этих городах избирательным правом пользовались от 1 до 4% населения. Кроме того, «представители разных сословий избирались в губернские избирательные собрания от-

¹¹⁷ Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 157.

¹¹⁸ См.: Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 36.

¹¹⁹ Леонтович В.В. Указ. соч. – Т. 2. – С. 444.

¹²⁰ См.: Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Политическая история России. От становления самодержавия до падения Советской власти. – М., 1999. – С. 228.

¹²¹ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 159.

дельно, и в зависимости от того, какому сословию будет предоставлена наибольшая доля выборщиков, оно и сможет оказать влияние на состав Думы»¹²². По избирательному закону 11 декабря 1905 г. наибольшим влиянием в избирательных собраниях пользовались крестьяне. Однако после третьеиюньского переворота эта курия стала избирать 22,5% выборщиков вместо прежних 42%, в то время как курия землевладельцев повысила свою долю с 32% до 51% выборщиков¹²³. В результате изменения избирательного закона цензовые граждане получили 65% голосов¹²⁴.

При таких условиях формирования Государственной думы все другие элементы государственного механизма, введенные в 1906–1907 гг. приобрели квазиконституционный характер. Например, термин «парламент» может пониматься в двух значениях: и как представительное учреждение с законодательной функцией, избираемое народом и выражающее его волю и как форма государственности, в которой правительство назначается парламентом и подотчетно ему. В России в начале XX в. парламент отсутствовал не только во втором, но и в первом смысле, так как при выборах не обеспечивалось полноценное, пропорциональное и равное представительство всех социальных групп населения. То есть парламентская форма не имела в этой части парламентского содержания. Исходя из этого, отсутствие парламентаризма во втором значении приобретало совершенно иной (авторитарный) смысл, нежели в некоторых ведущих странах мира, «где уже переходили к всеобщему избирательному праву»¹²⁵.

Согласно Основным законам существовали особые области, где не только была ограничена законодательная инициатива Думы, но один царь являлся законодателем. К этим областям относились вопросы императорской семьи, церковного дела, вопросы военного законодательства¹²⁶.

¹²² Дякин В.С. Выступление на вечере «Государственная дума вчера и сегодня... 1906–1917–1993» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – С. 18.

¹²³ См.: Пушкарев С.Г. Указ. соч. – С. 403.

¹²⁴ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 166.

¹²⁵ Дякин В.С. Выступление на вечере «Государственная дума вчера и сегодня... 1906–1917–1993» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – С. 19.

¹²⁶ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – Т. 2. – С. 448.

к решению аграрных проблем, то в левом лагере протекали более сложные процессы.

В партии эсэров наряду с официальным руководством, жестко придерживающимся своих первоначальных взглядов на социализацию земли и революционные стадии (социальную и социалистическую), политические и идеологические вопросы поднимались и оппозиционными фракциями. Наиболее сильной оказалась правая фракция, которая предполагала, что столыпинская реформа может привести к успеху, и призывала приспособиться к этому – трансформировать ПСР в сугубо крестьянскую партию, то есть обратить ее в классовое представительство одних только мелких сельскохозяйственных производителей. В противоположность этому левые эсэры, ориентируясь на радикализм народников 70–80-х годов XIX в., призывали к непосредственной борьбе за социализм, объединяя обе стадии «перманентной революции» М.Р. Гоца и к немедленной социализации фабрик и заводов⁴³.

В расколовшейся российской социал-демократии фракции большевиков и меньшевиков также по-разному оценивали опыт Первой русской революции. Если меньшевиков неожиданно проявившийся крестьянский радикализм оставил в оцепенении, то В.И. Ленин, наоборот, увидел в нем новые революционные возможности. Своим требованием «демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства» он положил начало радикальному пересмотру исторического наследия революционного крыла народников. В 1908 г., реферируя свою книгу «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг.» для журнала польских марксистов «Социал-демократическое обозрение», В.И. Ленин так изложил свою точку зрения: «Наша революция есть буржуазная революция именно потому, что в ней борьба идет не между социализмом и капитализмом, а между двумя формами капитализма, двумя путями его развития, двумя формами буржуазно-демократических учреждений. И монархия октябристов или кадетов есть «относительная» буржуазная «демократия» с точки зрения меньшевика Новоседского. И пролетарски-крестьянская республика есть буржуазная демократия»⁴⁴.

⁴³ См.: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. – М., 1997. – С. 356–357.

⁴⁴ Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – С. 167.

послужила образцом для деятельности последующих поколений революционеров. И хотя именно крестьянству, а не рабочим предстояло, по убеждению народников-народовольцев, определить в конечном итоге судьбу страны, проголосовав за социализм в будущем Учредительном собрании, рабочие рассматривались революционерами как ударная сила, которая должна была поддержать заговорщиков в момент восстания⁴⁰.

В начале XX в. политическая жизнь самодержавной России вступила в решающую фазу своего развития.

С учреждением Государственной думы Николай II стремился ограничить ее компетенцию, превратить в законосовещательный орган, опираясь на Положение об усиленной охране, сохранить систему и методы бюрократического управления. Подобная политика усиливала не только либеральную и радикальную оппозицию, но и ее правую часть. Противопоставив себя наиболее влиятельным кругам русского образованного общества, верховная власть попыталась опереться на крайних монархистов из дворянства, крестьянского и городского сословий⁴¹. В основании такого курса лежали серьезные объективные обстоятельства. Они заключались в том, что увеличение экономической мощи буржуазии и усиление политического сопротивления пролетариата и крестьянства не оставляли царизму другого пути, кроме охранительного, направленного на союз с помещиками и камарильей. В результате, мы наблюдаем такой странный и непонятный на первый взгляд факт: в то время как страна безостановочно левела, царь, камарилья, официальное правительство также неуклонно двигались вправо⁴².

В рядах многих политических сил на основе переосмысления революционных событий Первой русской революции происходили глубокие размежевания и метаморфозы, которые характеризовались возвращением большинства участников политической жизни к исходным посылкам XIX в. в понимании того, что произошло, и соответствующих планов на будущее.

Если правые в основном оглядывались на времена Александра III, добавив, в лице Совета объединенного дворянства, либеральный (полный враждебности к крестьянской общине) подход

⁴⁰ См.: Гинев В.Н., Цамуталли А.Н. Указ. соч. – С. 22.

⁴¹ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 224.

⁴² Аврех А.Я. О природе российского самодержавия // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993. – С. 318.

Авторитарный характер имели и другие важные положения конституционного законодательства. Из трех стадий выработки закона – почин, обсуждение и санкция – Дума была свободна только в обсуждении проектов, как правило, не ею вносимых и всегда не ею окончательно утверждаемых.¹²⁷ Основные законы могли пересматриваться только по инициативе царя, а по остальным законам законодательный почин Государственной думы и Государственного совета был сильно ограничен тем, что высказанные пожелания 30 членов Думы или Совета направлялись не позднее чем за месяц до дня слушания соответствующим министрам или главноуправляющим, которые могли тормозить обсуждение возбужденного вопроса, откладывая его внесение¹²⁸. И даже эти ограниченные права законодательной инициативы постоянно урезались правительством. Из ведения Думы фактически изымались разработки законопроектов¹²⁹. Министры ответственности перед Думой не несли. Дума могла лишь обратиться к ним за разъяснениями, которых они могли и не давать (ст. 40 Учреждения Государственной Думы)¹³⁰.

По статье 87 Основных законов правительство наделялось законодательными функциями: при возникновении чрезвычайных обстоятельств оно имело право в промежутках между сессиями и с одобрения царя издавать указы, которые приравнивались законам, но теряли этот статус, если не вносились на очередную сессию народного представительства или если вносились, но отклонялись последним¹³¹. Император и правительство широко пользовались этой статьей. Между 27 апреля 1906 г. и 3 июня 1907 г. было издано 60 чрезвычайных постановлений. Столкнувшись с трудностями последующего их утверждения, верховная власть стала пользоваться 87 статьей более осмотрительно (в 1907–1914 гг. было издано всего 26 актов), но с начала войны и до 1917 г. издала 654 акта. При чем большинство чрезвычайных постановлений осталось формально временными¹³².

Чисто формально в пересмотренном «Учреждении Государственной Думы» статус Думы определялся, как и ранее – как совеща-

¹²⁷ См.: Дякин В.С. Сфера компетенции указа и закона в третьей ионьской монархии (1906–1917 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1976. – Т. VIII. – С. 256.

¹²⁸ См.: Захаров Н.А. Указ. соч. – С. 211; Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 447.

¹²⁹ См.: Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Указ. соч. – С. 234.

¹³⁰ См.: Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 37.

¹³¹ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 451.

¹³² См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 157.

тельного органа, создаваемого для «обсуждения законодательных предположений, восходящих к верховной самодержавной власти по силе основных законов» (ст. 1).

В отличие от западных конституционных монархий в России реальным центром власти являлся не законодательный корпус, а монарх. В том случае, если одна из палат не утверждала закон, он мог вноситься на повторное рассмотрение в течение той же сессии – по указанию императора. Напротив, законопроекты, одобренные обеими палатами, но не получившие утверждения императора не могли рассматриваться в таком же порядке. Этим еще раз подчеркивался перевес монарха над парламентом в сфере законодательной власти. Кроме того, Дума и Совет не имели окончательного права утверждения бюджета.

Авторитарная сущность «обновленного строя» состояла и в том, что по основным законам царь имел право назначать и сменять всех чиновников в государстве за исключением судей¹³³. Кроме того, Государственный совет состоял на половину из назначаемых ежегодно царем высоких государственных чиновников¹³⁴.

Торжество монархического начала довершалось обилием различных изъятий в виде особых законов, подзаконных актов, положений и административных распоряжений, особенно, в области финансов, бюджета, управления армией, руководством администрации. Это приводило к тому, что исполнительная власть по этим вопросам оказывалась вне действенного парламентского контроля¹³⁵. На эту тенденцию обращали внимание многие наблюдатели, в том числе и зарубежные. В частности, М. Вебер писал, что в сложившихся условиях, «при системе псевдоконституционализма монопольное положение Совета (Совета министров – В.В.) укрепляется неимоверно: министры могут вертеть как хотят призрачным парламентом, созданным их же машиной управления и лишенным того влияния, которое он мог бы иметь, если бы был обеспечен правом»¹³⁶. Но самое парадоксальное состояло в том, что при настоящей конституционной монархии, будь она реализована, «монарху было бы обеспечено фактическое

¹³³ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 457–458.

¹³⁴ См.: Пушкарев С.Г. Указ. соч. – С. 444; Высочайше утвержденное 24 апреля 1906 г. Учреждение государственного совета (ПСЗ РИ.- Собр. 3-е.- Т. XXVI.- Отд. I.- № 27808).

¹³⁵ См.: Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 39–40.

¹³⁶ См.: Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное / Перевод А. Кустарева. – М., 2007. – С. 68.

Морально-психологическая двойственность народников обуславливалась не только формационным и социокультурным расколом, но и разнородными идейными влияниями на российскую интеллигенцию. Во время николаевского царствования перед образованным обществом были закрыты возможности для политической деятельности, но зато оказалось в избытке времени для умственных занятий, чтения и философствования. И в это же время, не без воздействия властей, началось увлечение немецкой идеалистической философией, которая оказала огромное воздействие на формировавшуюся российскую интеллигенцию. У ее представителей развилось неистребимое стремление к поиску исчерпывающих ответов на абсолютные вопросы бытия, а, следовательно, традиции утопического мышления³⁸.

Разночинный этап оппозиционного движения принес с собой позитивистские и материалистические идеи Конта, Дарвина, Бюхнера, Молешотта и других, широкий спектр социалистических учений. Различные теоретические системы трансформировались и причудливо переплелись в особую русскую идеологическую форму. В ней философский материализм уживался с нравственным идеализмом, крайний позитивизм с религиозным мессианизмом, анархизм с идеей особой роли интеллигенции в революции.

Переходный характер революционного движения второй половины XIX в. состоял и в результатах его деятельности. На наш взгляд, главный из них заключался как в доказательстве неэффективности террористических методов, их несоответствия революционным задачам, по крайней мере до момента взятия политической власти, так и в нахождении важнейшего звена российской политической революции – организации рабочего движения и его союза с крестьянским движением. Современные исследования показывают, что пропагандистские и организационные усилия «Народной воли» заложили фундамент революционного рабочего движения. «Отношения между рабочими и интеллигенцией в движении «Народная воля» 1880-х гг. были сравнительно гармоничными и не подтверждали стереотипный образ «Народной воли» как сугубо террористической организации, интересующейся рабочими только в качестве «пушечного мяса»³⁹. Во многих отношениях пропаганда «Народной воли» в рабочей среде

³⁸ См.: Kelly A. Mikhail Bakunin. – Oxford, 1982. – P. 6.

³⁹ Перл Д. «Народная воля» и рабочие // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. – СПб., 1997. – С. 284.

В народничестве ярко выразился своеобразный комплекс ощущений русского интеллигента, включавший в себя две разнородные линии умонастроения и поведения. С одной стороны, присутствовали покаяние, чувство вины и долга, идеализм и утопические проекты, а, с другой, – стремление к самоутверждению, тяга к практическим делам и творчеству, материализм и позитивизм. Эти два основания, причудливо переплетаясь, погружали внутренний мир революционера-народника в двойственное состояние – состояние противоречия между необходимостью тотальной борьбы и важностью своей мессинской роли. Для первого элемента важен был приоритет цели, для второго – средства. Примеры Бакунина, Нечаева и Ткачева, их исключительность, только подтверждает общее правило – народники в своей массе еще не представляли собой того целостного революционного типа, который позже проявился в большевизме. Это хорошо подметил Н.А. Бердяев: «По сравнению с экстремизмом Нечаева и Бакунина, другие течения русской революционно-социалистической народнической мысли были смягченными и умеренными»³⁴. Властями левой оппозиционной интеллигенции 70-х годов XIX в. были П. Лавров и Н.К. Михайловский, которые ратовали за нравственную оценку социальных явлений. И даже переход к террору больше производит впечатление результата жажды мести и эмоционального срыва революционеров из-за бессилия противостоять авторитарной системе подавления, чем их продуманной революционной тактики.³⁵ Однако, уже история народовольческого террора наглядно показала, что главная тенденция развития субъективного фактора революционного движения в России шла в русле идей высказанных П.Н. Ткачевым – в сторону сведения «писаревского рационализма с бакунинским динамизмом»³⁶. Так, террор стал постепенно оцениваться как эффективное политическое средство, а политический радикализм приходил на смену народническому анархизму³⁷. Этот, можно сказать, предбольшевистский психологический подход тем больше утверждался в революционной практике, чем дальше развивалась буржуазная модернизация.

³⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 57.

³⁵ Гинев В.Н., Цамутали А.Н. В борьбе за свободу // «Народная воля» и «Черный предел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. / Под ред. С.С. Волка. – М., 1991. – С. 178.

³⁶ Карпачев М.Д. Истоки российской революции. Легенды и реальность. – М., 1991. – С. 178.

³⁷ См.: Ленин В.И. Заключительное слово по аграрному вопросу // Ленин В.И. ПСС. – М., 1972. – Т. 12. – С. 365.

господство над бюрократией» и ему не пришлось бы воздействовать на большую политику через посредство интересов различных клик¹³⁷.

Изложенных фактов вполне достаточно, чтобы присоединиться к некоторой корректировке к мнению С.Ю. Витте, который утверждал, что принятые законы «сохранили за Государем обширнейшие верховные и державные права, иначе говоря, что они установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламента»¹³⁸. При этом верховные и державные права царя оказались, во многом, связанными «бюрократически рационализированным абсолютизмом канцелярии» (М. Вебер).

Поэтому, на наш взгляд, в «третьешюньский» период российское государство в политико-юридическом смысле представляло собой квазиконституционную правомерную монархию переходного типа от абсолютизма к правовому государству¹³⁹. В результате, была создана качественно новая политико-правовая система, в которой механизм власти определялся союзом монарха и бюрократии против парламента.

Однако этот вывод ни сколько не умаляет тех шагов, которые были предприняты в направлении правового государства, осуществляющего легальное господство. К ним можно отнести, в первую очередь, сами новые Основные законы Российской империи, которые дали конституционное понятие закона¹⁴⁰, четко разделили основные и обыкновенные законы при наделении первых наибольшей силой обязательного действия, установили определенные пределы власти императора, назначили порядок издания законов, определили устройство Государственной думы и Государственного совета¹⁴¹.

В результате этих законоустановлений политический строй наполнился новым содержанием. Дума получила законодательные, контрольные и бюджетные полномочия. Манифест 17 октября 1905 г. и

¹³⁷ См.: Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное / Перевод А. Кустарева. – М., 2007. – С. 68.

¹³⁸ Цит. по: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 442.

¹³⁹ Близкую точку зрения высказывает и А.Н. Медушевский. Он пишет о «мнимом конституционализме» царского режима после революции 1905 г. См.: Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 45.

¹⁴⁰ Текст закона устанавливался Государственной думой вместе с Государственным советом и утверждался императором.

¹⁴¹ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 156.

Основные законы 23 апреля 1906 г.¹⁴² гарантировали российским подданным неприкосновенность личности и все основные гражданские свободы, но противоречащее им положение от 14 августа 1881 г. «О мерах по охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», предоставлявшее администрации чрезвычайные полномочия так и не было отменено. Правовые гарантии не распространялись на лиц, подозреваемых администрацией в политических преступлениях¹⁴³.

Указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. дал старообрядческой церкви и большинству религиозных сект свободу вероисповедания и богослужения. Однако не были отменены ограничения выбора места жительства и поступления в государственные учебные заведения для «лиц иудейского вероисповедания».

Законодательством 1905–1906 гг. предварительная цензура была значительно сокращена. Наказуемыми считались только прямые нападки на царя, царскую власть и хула на православную церковь. При думской монархии периодическое издание могло быть закрыто только по приговору суда. Основные законы предоставили российским подданным свободу собраний и союзов. Согласно «временным правилам» 4 марта 1906 г. публичные собрания политического характера должны были происходить с ведома полиции. Полицейский чиновник имел право их закрыть, если в выступлениях ораторов содержались призывы к насильственным действиям. Законодательство 1906 г. легализовало организацию рабочих профсоюзов без права на забастовку и политические партии при их обязательной регистрации в соответствующем «присутствии», что смогли осуществить только верноподданнические политические организации¹⁴⁴.

В 1906 г. российским подданным была предоставлена свобода выбора места жительства и выезда за границу. Причем последнее стало доступным даже для лиц со скромным доходом и без особых бюрократических проволочек.

Основные законы провели не только четкое разделение законодательной власти от исполнительной, но и обеспечили независимость

¹⁴² См.: Высочайше утвержденные 23 апреля 1906 г. Основные государственные законы (ПСЗ РИ.- Собр. 3-е.- Т. XXVI.- Отд. I.- № 27805); Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» (ПСЗ РИ. - Собр. 3-е. – Т. XXV.- Отд. I. - № 26803).

¹⁴³ См.: Пушкарев С.Г. Указ. соч. – С. 446.

¹⁴⁴ См.: Там же. – С. 446–448; Именной Высочайший указ, данный Сенату 4 марта 1906 г. «О временных правилах о публичных собраниях» (ПСЗ РИ.- Собр. 3-е.- Т. XXVI.- Отд. I.- № 27480).

нообразных идей³⁰, а, с другой стороны, новые общественно-политические и интеллектуальные силы, не получив легальные каналы для проявления творческой энергии, воспользовались относительной и кратковременной свободой прессы и образования для выражения своего недовольства.³¹ Тем самым проснувшиеся оппозиционные круги получили только один практический канал политической деятельности – радикальный и революционный.

К этому следует добавить и тот факт, что не пойдя на сотрудничество с либералами, не завершив земскую судебную и другие реформы, придав последним бюрократический характер, проявив негибкость, грубость и излишнюю жестокость в отношениях с оппозицией, царизм сам толкнул на революционный путь многих представителей интеллигенции. К тому времени последняя получила достаточную порцию новых веяний из западной идеологии, науки и философии в виде утилитаризма, позитивизма и реализма, настраивавших их не на абстрактное теоретизирование, а на практические дела. «Все хотели что-то делать: бизнесмены – торговать, инженеры – строить, молодежь – учиться, а революционеры – совершать революцию»³².

Наиболее ярко революционная тенденция воплотилась в движении народников. Переходный характер этого движения выразался в его особенностях.

Отрицание детерминированности исторического процесса и признание возможности «свободы выбора» развития страны, желание бороться против феодально-крепостнических порядков и в то же время не допустить развития капитализма, ориентация на общину как на уравнилельно-демократический институт и основу будущего русского социализма – эти мотивы деятельности народников были обусловлены слабым развитием капитализма и породили наивную надежду на возможность осуществления социалистической революции, используя общину, стремление совершить одновременно и демократический, и социалистический переворот в стране, сделавшей только первые шаги в сторону капитализма³³. Такое смешение политически разнородных задач социалистическими силами показывает формационную отсталость российского общества, слабость адекватных субъектов буржуазных преобразований.

³⁰ См.: Crankshaw E. The Shadow of the Winter Palace: The Drift to Revolution. 1825–1917. – L. 1976. – P. 183.

³¹ См.: Wood A. The origins of the Russian Revolution. 1861–1917. – L., 1987. – P. 14.

³² Slonim M. The Epic of Russian Literature. – Oxford, 1950 – P. 206.

³³ См.: Ленин В.И. Тетради по аграрному вопросу. 1900–1916. – М., 1969. – С. 21.

понимаемых модернизационных сил, так как, на наш взгляд, последние включали и реформистские, и радикальные элементы.

Межформационная экономическая и социальная переходность явилась глубинной причиной подъема революционного движения. Конкретно это выразилось в создании неустойчивой и разбалансированной социально-политической системы, обремененной серьезными противоречиями. Первое было заложено крестьянской реформой, которая, поменяв частновладельческое крепостничество на государственно-корпоративное²⁵, предоставила крестьянам маленькие земельные наделы при высоких выкупных платежах. Эта несправедливость сразу же стала предметом недовольства левой интеллигенции. После А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского, резко осудивших реформу, позицию ее радикального неприятия заняли все представители народнического движения. Речи народников И.Н. Мышкина и А.И. Ливанова распространяли мысль о том, что крестьянин после реформы не получил свободы, оказался фактически прикрепленным к земле, окончательно разорился и деревня находится на грани вымирания²⁶. Необходимо учитывать, что достоянием гласности стали «многочисленные случаи откровенного саботирования «правил» освобождения...»²⁷. В результате сложилась идеальная питательная среда для формирования революционных сил – социальные перетряски, дестабилизированная экономика, расслоение общества при высоком градусе недовольства²⁸.

Второе противоречие было связано с тем, что александровские реформы пытались «взрастить либеральные идеи на чуждой им почве тоталитарного монархизма»²⁹, механизм функционирования которого на тот момент напрочь отвергал выборность руководящих органов, но парадоксально предполагал наличие трибуны для выражения различных взглядов. Все это привело к тому, что, с одной стороны, нежелание царя созвать парламент закрыло возможность сплотить вокруг трона определенные слои общественности, создать легитимную школу политических лидеров, арену сопоставления и проверки раз-

²⁵ См.: Волков В.В. Указ. соч. – С. 119.

²⁶ См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 318.

²⁷ Романовский С.И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции. – СПб., 2000. – С. 154.

²⁸ Там же. – С. 158.

²⁹ Там же. – С. 154–155.

судебной власти¹⁴⁵. После долгой борьбы в 1913 г. удалось восстановить институт мировых судей в некоторых губерниях при лишении земских начальников судебных функций и сохранении волостных судов (действующих на основе обычного права) с апелляционной инстанцией в виде верхнего сельского суда в составе председателей волостных судов под председательством мирового судьи¹⁴⁶.

Не смотря на определенные шаги в формировании правового государства и гражданского общества, авторитарный режим все же реформировал не существо, а прежде всего фасад архаичной политической системы. При этом бюрократический аппарат категорически выступал против парламентаризма с его идеей разделения властей, сделал основной акцент на укрепление органов исполнительной власти. И если в середине XIX в. идея защиты незыблемости самодержавия и недопустимости конституционализма и представительства была вполне понятна и оправдана, ибо это позволяло осуществить модернизацию в экономической и социальной сферах силами самого самодержавия, то в начале XX в. она превратилась в тормоз всех буржуазных преобразований.

При рассмотрении социально-политической сущности думской монархии анализ соотношения классовых сил в этот период обязательно следует дополнять учетом *фактора относительной самостоятельности российского государства*, игравшего в истории нашей страны исключительно важную роль. Длительное время царизм чувствовал себя достаточно прочно благодаря наличию массовой социальной базы, признанию и поддержке со стороны народа и, главным образом, крестьянства. Именно «в этом кроется разгадка того исключительного упорства с коим царизм сохранял общину и сословный крестьянский слой...» – указывал А.Я. Аврех¹⁴⁷. Однако с середины XIX века ситуация стала меняться. С одной стороны, политика форсированной индустриализации на основе квазикапиталистической эксплуатации крестьянства подрывала традиционную социальную опору самодержавия, но, с другой стороны, возникло и все более развилось уравновешивающее соперничество помещиков и буржуазии. В думский период эти изменения воплотились в *политике бонапартизма*, то есть лавирования самодержавия между различны-

¹⁴⁵ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 457.

¹⁴⁶ См.: Степанский А.Д. Указ. соч. – С. 159.

¹⁴⁷ См.: Аврех А.Я. О природе российского самодержавия // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993. – С. 289.

ми классами, слоями и группами в целях поиска надежной социальной опоры при разрушении прежней, прежде всего, - между дворянством и буржуазией. Осуществляя политику бонапартизма, исполнительная власть как по своей социальной природе, так и психологии все же больше импонировала дворянству, гораздо чаще прислушивалась к требованиям его представителей в лице Совета объединенного дворянства.

Своеобразие и роль российского бонапартизма можно понять только в контексте раскрытия исторических функций конституционной монархии как формы правления. Компаративный анализ показывает, что в странах с «органическим характером буржуазного развития» «переход от абсолютизма к конституционной монархии был шагом к формированию гражданского общества и правового государства...»¹⁴⁸, а в странах, вынужденных пойти по пути ускоренной модернизации в форме догоняющего развития – временным историческим компромиссом буржуазного либерализма и традиционалистских сил во имя сохранения стабильности системы и проведения модернизации. Непрочность этого компромисса из-за слабости или отсутствия среднего класса и сложность задач социального переустройства привели к политическим революциям и утверждению авторитарных вождистских режимов¹⁴⁹. В связи с этим можно утверждать, что российский квазиконституционный бонапартизм на деле стал формой перехода не к более совершенным буржуазно-демократическим формам, а к диктатуре вождистского типа.

Следовательно, сам по себе российский квазиконституционный бонапартизм представлял «туиковую» историческую форму, обусловленную особенностями российской модернизации. План политических реформ, задуманных П.А. Столыпиным в осуществление бонапартистского курса, не удался¹⁵⁰. Главная причина этого, на наш взгляд, состояла в углубляющемся социальном расколе общества, остановить который было невозможно, так как проводившиеся реформы «уже опоздали»¹⁵¹. Причем опоздали по той причине, что госу-

¹⁴⁸ Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 44, 45.

¹⁴⁹ См.: Там же. – С. 45.

¹⁵⁰ См.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978. – С. 233.

¹⁵¹ См.: Дякин В.С. Выступление на вечере «Государственная дума вчера и сегодня... 1906–1917–1923» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – С. 22.

миримые: «Как только принцип местного самоуправления и общественной самодеятельности укрепился, наиболее актуальной проблемой стал вопрос о том, будет ли окончательное реформирование самодержавия проведено мирно, или оно осуществится насильственным путем»²².

Именно факт проникновения наиболее дальновидными представителями власти в «тайну» земства позволяет объяснить на первый взгляд неадекватные действия правительства по отношению к земским органам, когда подозрение, с которым с которым оно смотрело на земство и на любую инициативу от него исходившую, все больше обострялось²³. Нетерпимое же отношение властей ко всякому своеволию, на наш взгляд, стало главной причиной роста не только земской, но и в целом всей либеральной оппозиционности, даже отодвинув на второй план такой фактор, как недовольство дворян экономическими мероприятиями царизма. И в этом плане большой интерес представляют события 90-х годов XIX в. Противоречивое отношение администрации к инициативам общественности, в том числе и земской, по борьбе с голодом 1891–1892 гг., резко отрицательная реакция царя на речь Родичева во время приема 17 января 1895 года, в которой выражалась надежда на предоставление земствам права высказывать свое мнение, подавление любых совместных инициатив земств – все это, во-первых, показало неготовность власти вести конструктивный диалог с либеральной оппозицией и, во-вторых, направляло последнюю в радикальное русло. «С этого момента начала развертываться пропасть между общественностью и государственной властью. Пропасть эта все расширялась и, наконец, привела к революции в 1905 году»²⁴.

Итак, формационная незрелость российского капитализма вывела на политическую сцену либеральную оппозицию, которая характеризовалась нерешительностью, идейной и политической слабостью, антирадикализмом, узкой социальной базой, этатистскими и антииндустриальными иллюзиями. Царизм пугала даже такая либеральная оппозиция и вместо сотрудничества с ней он предпочел противостояние, что и предопределило рост либерального радикализма в начале XX в. Несмотря на данную характеристику либеральное движение второй половины XIX в. объективно входило в состав широко

²² Walkin J. / The Rise of Democracy in Pre-revolutionary Russia. – L., 1963. – P. 174.

²³ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 332–340.

²⁴ См.: Там же: – С. 339.

крестьянской революции¹⁷. В связи с этим к русскому либерализму едва ли применима типологизация, которая используется при изучении западноевропейского либерализма¹⁸. Русский либерализм – это особый *тип интеллектуального либерализма*, возникший и формировавшийся, прежде всего, на теоретическом уровне в неадекватной среде¹⁹.

В ходе исследования выяснено, что развитие либерального движения было тесно связано с особенностями российской государственности.

В середине – второй половине XIX в. сложилась такая ситуация когда бюрократическое пренебрежение мнением дворянства, чиновничий произвол и коррупция породили в среде образованного общества резко негативное отношение к бюрократии.

Во второй половине XIX в. недовольство административными структурами, бюрократией охватило не только левых и либералов, но и консервативные слои общества²⁰. Для либералов антибюрократические настроения и выпады стали своеобразной политической отдушиной, что устраивало к тому же и самодержавие. Ключевым вопросом, по которому возникало противостояние между государством и либералами, стал вопрос о перспективах и тенденциях развития земского самодержавия. Оно рассматривалось властью неоднозначно и переменчиво в зависимости от политической конъюнктуры. Само создание земских органов, с одной стороны, мотивировалось необходимостью модернизации системы местного управления, а, с другой стороны, исходило из желания решить некоторые социальные задачи: правительство одновременно пыталось и компенсировать дворянам утрату их вотчинной власти, и расширить социальную опору самодержавия, и создать противовес конституционным стремлениям²¹. Последнее, однако, остановить было невозможно, так как оно было имманентно земским органам самоуправления. Последующие земские и дворянские инициативы по созданию центрального земского собрания это убедительно доказали. Поэтому отношения между земствами и администрацией характеризовались как в принципе непри-

¹⁷ См.: Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 35–37; Пантин И.К. Драма противостояния // Полис. – 1994. – № 3. – С. 82.

¹⁸ См.: Шелохаев В.В. Указ. соч.: – С. 36.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 319–321.

²¹ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 309.

дарственная власть в силу своего тщеславия и высокомерия до них «не дозрела»¹⁵². С учреждением Государственной думы Николай II стремился ограничить ее компетенцию, превратить в законосовещательный орган, опираясь на Положение об усиленной охране, сохранить систему и методы бюрократического управления.

«Опоздание» реформ усугублялось и другими факторами. Давали о себе знать несовершенство и неадекватность законодательного порядка, который, по словам самого П.А. Столыпина, приводил к провалу обсуждаемых законов. Так, правительством П.А. Столыпина выдвигался комплекс взаимосвязанных законопроектов, развивающих тенденцию к становлению правового государства и гражданского общества: о введении института участковых комиссаров вместо земских начальников, о реанимации института мировых судей, о создании всесословной волости, о расширении географии земства, о праве на экономические забастовки, о страховании рабочих, о пересмотре нормирования труда женщин и подростков, о реформе образования, о введении прогрессивного подоходного налога и др.

Однако, в тот период в России не оказалось одновременно и охранительных, и либеральных сил, способных реализовать эту программу и конструктивно работать в запутанной законодательной системе¹⁵³.

Итак, политические преобразования, проводящиеся в России в начале XX в. привели к следующим результатам. Процесс буржуазной модернизации государственного устройства и управления императорской России, достигнув некоторых принципиально важных преобразований, в конечном итоге зашел в тупик. Бонапартизм, опиравшийся на причудливое сочетание квазиконституционной авторитарной системы, архаической официальной концепции власти, пережитков сословного строя, всевластия бюрократии и начатков буржуазного политического процесса, оказался нежизнеспособной политической формой. В основе краха думской монархии, прежде всего, лежал глубинный экономический и социокультурный раскол российского общества, преодолеть который при императорском варианте модернизации оказалось невозможно.

Выводы

¹⁵² См.: Вебер М. К положению буржуазной демократии в России // Вебер М. О России: Избранное / Перевод А. Кустарева. – М., 2007. – С. 46–47.

¹⁵³ См.: Мичурин А.Н. Конституционный кризис 1911 г. в исследованиях В.С. Дякина // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – С. 53.

Изменения в политической сфере заняли важнейшее место в модернизации России. Они вызывались целым комплексом противоречий, которые охватили российское общество.

Важнейшее противоречие сложилось между военно-политическим и экономическим натиском молодых капиталистических держав и необходимостью адекватного ответа в виде создания регулярной армии и, следовательно, всей системы современного регулярного государства, способной наладить экономическую связь с капиталистической мир-системой. Для решения этого противоречия в России пошли по пути утверждения абсолютистского авторитаризма на базе «тупиковых» квазикапиталистических форм при одновременном развитии форм легального господства (формально-правовых оснований, законодательства). Ведущей тенденцией в развитии регулярного государства по направлению к правовому явилось прохождение длительного этапа правомерного государства при закономерной бюрократизации управления.

Другое противоречие было вызвано нерешительностью и незаинтересованностью власти в своевременной ликвидации крепостного права и его остатков не только в силу многочисленных объективных условий, но и по причине абсолютизации и догматизации метода постепенных либеральных реформ. Возникшая в результате этого своеобразная модернизационная ловушка постоянно углубляла социокультурный раскол общества (между народом и властью, народом и дворянством, правящей и духовной элитами и, в конечном итоге, между силами традиции и модернизации) и, следовательно, тормозила развитие политических форм.

Еще одно противоречие возникло в первой половине XIX в. и развернулось между возрастающими потребностями капиталистического развития, ростом самосознания всех слоев российского общества, с одной стороны, и реалиями социальной и политической жизни России, с другой. Для его разрешения в условиях авторитарной волны самодержавием были осуществлены шаги по дальнейшему укреплению бюрократических начал и законности в управлении, регулированию прав сословий при одновременном приобретении государством надсословной самостоятельности, по осторожному расширению сферы гражданских свобод при решительном подавлении политического инакомыслия, распространению образования и ограничению крепостничества. «Осовременивание» политической жизни становилось все более неадекватным процессам становления капиталистического

тания самодержавия с гражданскими свободами, достижения гармонии интересов между различными группами сельского населения, ориентация на половинчатые реформы.

Слабость пореформенного либерализма явилась одним из следствий глубоких противоречий российской модернизации: между капиталистическими, квазикапиталистическими и госкапиталистическими элементами экономического строя¹⁴; между задачами российской модернизации и современным уровнем и состоянием либерализма на Западе.

Говоря о втором противоречии нужно подчеркнуть что, если носители либеральных идей эпохи ранних буржуазных революций в Европе вели борьбу со старым строем, используя энергию народных масс, то русский либерализм, не без влияния общественного спада буржуазной революционности, с самого начала носил гораздо более ограниченный характер. Он стремился не только к модернизации существующих порядков, но и к поиску эффективных средств отвлечения масс от революции, которой страшился. В.И. Ленин по этому поводу писал, что либеральная программа и либеральная тактика «сводится вот к чему: пусть сложится у нас европейский уклад без той тяжелой борьбы, которая создала его в Европе»¹⁵.

Общая неразвитость капитализма порождала такие явления как отсутствие сильных промежуточных слоев, которые могли бы составлять социальную опору либерального движения, отсутствие должного уважения к законности со стороны народа и власти, ярко выраженные антибуржуазные настроения почти всех слоев населения. Все это ослабляло либерализм, делало его бесперспективным направлением русской революции. Находясь в русле антиавторитарной инверсии, народ проявлял большую тягу не к либерализму, а к древним вечевым ценностям. Либерализм же при этом использовался вынужденно и только как внешняя форма движения¹⁶. Поэтому причина провала русского либерализма заключается в возрастании несоответствия между передовой либеральной доктриной и социумом, не готовым к ее восприятию в условиях вызревания плебейско-

¹⁴ См.: Волков В.В. Указ. соч. – С. 143-144.

¹⁵ Ленин В.И. Возрастающее несоответствие // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 22. – С. 372.

¹⁶ См.: Ахиезер А.С. России: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Новосибирск, 1997. – Т. 1. – С. 266-268.

тистских настроениях всех русских либералов, которые были твердо убеждены в том, что только государственная власть может служить орудием прогресса⁸. Вплоть до начала XX в. даже те из либералов, которые осуждали бюрократический характер государства и считали желательным углубление и расширение реформы Александра II, все же часто предпочитали самодержавие конституционному режиму. Другие деятели либерализма, «считавшие конституцию в конечном итоге неизбежной и относившиеся к ней положительно, думали, что еще не настало время говорить об этом и что абсолютная монархия не дала им еще всего, что она может дать. Они считали, что монархия эта должна привести в исполнение дальнейшие моменты либеральной программы и тем самым создать дальнейшие необходимые предпосылки, при которых только и может дать положительные результаты конституционный режим»⁹. Большинство либералов представляло собой аморфную группу деятелей, веривших в успех эволюционного пути под руководством самого правительства; левое же крыло было представлено немногочисленными конституционалистами, либералами-максималистами¹⁰.

Указанная позиция российских либералов свидетельствовала об их крайней слабости, что проявлялось в политической дряблости, готовности подчиняться любым распоряжениям правительства. Большинство либералов преобразований не требовало, оно их униженно просило и при малейшей опасности немедленно отступало. Это не могло не подорвать общественный авторитет либерального движения и привело к тому, что в конце концов оно осталось без народной поддержки¹¹. Узость социальной базы либерального движения приводила к снижению его энергии и целеустремленности, к тому, что «во всех сколь-нибудь серьезных вопросах» проявлялось «почти невероятное бессилие либерализма»¹².

Слабость либералов проявилась и в широком распространении в их среде политических утопий. К ним следует отнести антииндустриализм части дворянских либералов¹³, иллюзии о возможности соче-

уклада, освобождению крестьян и назревшим задачам совершенствования политико-правовой сферы страны и вело к усилению раскола общества.

Если в первой половине XIX в. в условиях авторитарной социокультурной инверсионной волны самодержавием были осуществлены шаги по дальнейшему укреплению бюрократических начал и законности в управлении, регулированию прав сословий при одновременном приобретении государством надсословной самостоятельности и решительном подавлении политического инакомыслия, распространению образования и ограничению крепостничества, то во второй половине XIX в. для решения накопившихся и вновь возникших экономических, социальных и политических проблем в ходе становления капиталистического уклада самодержавие пошло по пути создания в политическом строе новых элементов правового государства.

Диалектика его формирования состояла в том, что модернизация страны использовалась ведущими субъектами государственной власти с целью сохранения и упрочения своего бытия. В результате в политическом теле империи возникло новое диалектическое противоречие, где роль отрицательного (но контролируемого властью) момента призваны были сыграть протоэлементы правового государства. Поэтому не удивительно, что после всех политических преобразований, проведенных во второй половине XIX – начале XX в., основное содержание монархии осталось неизменным.

По своей социальной сути Великие реформы являлись мерами капиталистического порядка, которые, однако, как ни парадоксально, всколыхнув дворянскую общественность, почти не задели российскую буржуазию. Причину этого следует искать в самой буржуазной трансформации, которая привела к тому, что абсолютистский режим стал носить плутократический характер. Возникло *серьезное политическое противоречие*: тесное «сотрудничество» власти и буржуазных кругов не заинтересовывало их обоих делать решительные шаги в модернизации политического режима. В итоге, властью был сделан выбор в пользу политики подчинения ресурсов общества охранительной государственной политике, а не использования тенденций развития общества в его же собственных интересах. Это предопределило установление в начале XX в. авторитарной модели политической модернизации, основанной на соединении сословных пережитков с элементами буржуазной политической системы и гражданского общества, ведущей к углублению экономического и социокультурно-

⁸ См.: Field D. Kavelin and Russian Liberalism // The Slavic Review. – 1873. – Vol. 32. – No. 1. – P. 60.

⁹ Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. – М., 1995. – С. 336–337.

¹⁰ См.: Fisher G. Op. cit. – P. 27.

¹¹ См.: Anderson T. Russian Political Thought. – N.-Y., 1968. – P. 291–292.

¹² Ленин В.И. Возрастающее несоответствие // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 22. – С. 378.

¹³ См.: Laue Th. The Chances for Liberal Constitutionalism // The Slavic Review. – 1965. – Vol. 24. – No. 1.

го раскола в обществе, к консервации конгломератно-анклавной структуры экономики и социальной сферы страны. Эти последствия обусловили высокий уровень радикализма народных масс, неприятия ими как феодальных, так и буржуазных ценностей делали нежизнеспособной бонапартистскую политическую систему, предполагавшую свою социальную опору в виде эклектического соединения политических усилий уже экономически слабеющего дворянства и еще политически слабой буржуазии.

дворянского по составу, постепенно стали входить представители из других сословий – купцов, мещан и даже крестьян⁴.

Причины либерализации образованного общества следует искать, на наш взгляд в целом комплексе факторов, возникших в середине XIX в. в России. Мы уже упоминали воздействие духовной «вестернизации» и социокультурной инверсии. Однако только этим ограничиваться невозможно, ибо нас в первую очередь интересует не происхождение самих либеральных идей, а условия и причины формирования той социальной среды, которая эти идеи воспринимала, аккумулировала и воспроизводила.

Экономические истоки либерализации, во многом, состояли в положении и запросах пореформенного дворянства. Главной причиной дворянского недовольства являлась неспособность правительства справиться с хроническим аграрным кризисом. Дворян особенно возмущало то, что основное внимание властей направлялось на развитие промышленности, а не на оказание помощи аграрному сектору экономики⁵. Большинство землевладельцев осознало, что возможности, заложенные в Жалованной грамоте дворянству, оказались исчерпанными вместе с крепостным правом, что необходимо преодолеть политическую изоляцию сословия перед лицом растущей бюрократии и, что сделать это лучше всего через развитие классического либерализма⁶. Формулированию подобных настроений способствовало наличие корпоративности и сословных организации дворян⁷.

Объективные истоки либерализма заключались в тех качественных изменениях в состоянии производительных сил страны, которые, в конце концов, привели к осознанию неотложной необходимости изменить общественные отношения. Поскольку развитие России в эту эпоху было направлено к капитализму, отягощенному различными формами регрессии капитала, постольку либеральная оппозиция по своему социальному смыслу могла быть только «квазибуржуазной», то есть обладающей рядом особенностей, которые ее резко отличали от западных «аналогов». Здесь, прежде всего, следует сказать об эта-

⁴ См.: Fisher G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. – Cambr. (Mass.), 1958. – P. 6–7; Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. – М., 2003. – С. 272–276.

⁵ См.: Hamburg G. The Russian Nobility on the Eve of the 1905 Revolution // The Russian Review! – 1979. – Vol. 38. – P. 324–325.

⁶ См.: Emmons T. The Russian landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. – Cambr. (Mass.), 1967. – P. 381.

⁷ Ленин В.И. Гонители земства и анибалы либерализма // Ленин В.И. ПСС. – Т. 5. – С. 26.

§ 5. Отражение проблем формирования буржуазного общества в идеологии общественно-политических движений

Реформаторская инициатива императорской власти привела к тому, что в XIX в. произошло усиление позиций образованного общества, повышение активности и разнообразия его деятельности. Одно из направлений общественности – либерализм постепенно получил все более широкое распространение в дворянской среде. И если при Екатерине II критически мыслящие дворяне составляли незначительное меньшинство, то уже в эпоху Александра I происходило созревание либерального сознания всего высшего сословия¹. «Все тянули песню конституционную, – отмечал Н.И. Греч, – в которой запева-люю был император Александр Павлович»². Именно в этом русле были созданы некоторые основы гражданского строя и, в первую очередь, институт частной собственности, механизм свободного пред-принимательства и законодательно охраняемые сословные права, что подтолкнуло процессы самостоятельного развития гражданского общества на базе дворянского и городского сословий при активной роли образованного общества³. Несмотря на всплеск частновладельче-ского крепостничества в период царствования Екатерины II, к началу XIX в. наметилась тенденция гуманизации социальных отношений.

Получив заметную поддержку власти в лице Александра II, великой княгини Елены Павловны и великого князя Константина Николаевича, либерализм начал резко набирать свою силу. В середине 50-х годов XIX в. в России появляется так называемая «либеральная партия», «включившая» в свои ряды и западников, и славянофилов. Либерализм стал модой среди чиновничества, он глубоко проник в публицистику и художественную литературу. Заявили о себе пред-ставители либерализма и в русской провинции. Одной из особеннос-тей либерального течения этого периода явилось его большое соци-альное разнообразие. В состав либерального общества, в основном

¹ См.: Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 Т. – М., 1995., – Т. 3. – С. 252; Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. – М., 1995. – С. 55.

² Греч Н.И. Записки о моей жизни. – СПб., 1886. – С. 446.

³ См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. – М., 2003. – С. 110–120.

§ 4. Решение узловых противоречий государственной политики в области буржуазного реформирования страны

Проведенное исследование показало, что государственная поли-тика в области буржуазной модернизации страны была наиболее тес-но связана с проблемами социокультурного раскола общества, отме-ны крепостного права, индустриализации, развития локального кре-стьянского мира в интересах модернизации и преодоления стадиаль-ного отрыва России от Запада, укрепления экономической и военной мощи страны.

Конец XVIII в. в России характеризовался попыткой решения новых задач усложняющегося общества более эффективными средст-вами, которыми для этого обладал Запад, как бы постоянно посы-лающий вызов России. Идеологическим и нравственным основанием промышленного и военного успеха стали развитый утилитаризм и либерализм. Поэтому не удивительно, что именно они были взяты на вооружение российской элитой¹. «Не было ничего парадоксально-го..., – пишет Х. Рэксдейл, – в том, что прогрессивные реформы и са-модержавная власть обнаруживали тесную связь. Напротив, эта связь являлась вполне логичной. Дело в том, что в большинстве европей-ских стран, особенно в Восточной Европе, прогрессивные мероприя-тия, которые в следующем столетии получают название либеральных, без воздействия абсолютной власти были бы немыслимы. Однако большей части режимов, считавшихся абсолютистскими, как раз и не доставало власти, необходимой для осуществления реформ. Иными словами, в условиях XVIII в., как ни странно, именно либерализм, представленный общественным мнением, часто выступал сторонни-ком абсолютизма»².

Необходимо учитывать, что либерализм попал в социальную среду, идеалом которой являлось сословное общество во главе с мо-нархом, который советуется со своими подданными по важнейшим вопросам общественной жизни. Следуя этим пожеланиям, высказы-ваемым в комиссии по составлению нового Уложения, Екатерина II своими законодательными актами завершила юридическое оформле-

¹ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика Рос-сии). – Новосибирск, 1997. – Т. 1. – С. 186–191.

² Рэксдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 годах // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 4.

ние сословного строя. Признание личных прав только за тремя сословиями, а права самоуправления – за двумя, было половинчатым шагом, но все же служило важным фактором эволюции самодержавия в направлении правомерного государства, а также создавало основу для проведения буржуазной модернизации³.

Наиболее уязвимое звено либерализма – это его метод. Он состоит в абсолютизации постепенности в устранении помех личной свободе. То есть, рождаясь в лоне буржуазной революционной модернизации, либерализм парадоксально становится на антиреволюционные позиции, отражая интересы уже утвердившейся у власти крупной буржуазии. Но то, что было естественным для Европы того времени, в России приобретало совершенно иной смысл. Страх многих российских либералов перед радикализмом и политической революцией существенно повлиял на содержание и темпы проводившейся в последствии буржуазной модернизации.

В первую очередь это проявилось в реформах Екатерины II, которая, теоретически следуя за Монтескье, а, практически осознавая неприятие широкими слоями ценностей либеральной цивилизации, искренне считала, что новые законы ни в коем случае не должны вести к разрыву с существующим порядком, так как создаются с целью его улучшения и совершенствования исторического института⁴. В окончательной интерпретации Екатерины этот принцип заслуживал своей реализации на российской почве только в сфере становления гражданского строя и только для некоторых социальных групп. Дальнейшая историческая задача состояла в том, чтобы расширить эту гражданскую свободу на все новые группы населения⁵.

Анализ показывает, что именно эта позиция *консервировала своеобразную модернизационную ловушку*. Ее суть состояла в постоянном углублении социокультурного раскола общества и, следовательно, в торможении развития политических форм. Ловушка сохраняла свою устойчивость не только в силу многочисленных объективных условий, но и по причине абсолютизации и догматизации метода постепенных либеральных реформ. В результате власть из первого эшелона преобразований постепенно в течение XIX века стала переходить на вторые позиции, уступая интеллигенции роль активатора модернизации.

³ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 140.

⁴ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 43.

⁵ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 34.

надельная земля, если к ней при выходе из общины присоединяется купленная у частных владельцев, становится частной собственностью¹¹⁵.

Итак, земельное утеснение, аренда и платежи за землю стали главными факторами депрессивного развития аграрного сектора России в период Столыпинской реформы. К этому следует добавить правовое неравенство крестьянства, административный и полицейский нажим на него. Все это предопределило неудачу очередного этапа реформирования страны.

Выводы

Российское самодержавие долгое время являлось важнейшим звеном буржуазной модернизации страны. Однако, оказавшись в плену объективной необходимости архаизации части своего социума ради капитализации другой, а также комплекса интересов правящих верхов, мифологических представлений о государственном и социальном устройстве, страха перед радикальными преобразованиями, оно за вторую половину XIX постепенно утратило преобразовательную инициативу в одних сферах, предложило неадекватные утопические преобразования во вторых, опоздало – в третьих. Главную субъективную причину этого следует искать в неспособности разрешить противоречие между модернизационными потребностями российского общества и целями самодержавия по сохранению и укреплению своей власти в новых условиях.

Эволюция государственной политики в области реформирования (модернизации) страны была зависима от сложности процесса перехода аграрного и традиционного российского общества к буржуазному и индустриальному. Выбор был сделан в пользу стратегии подчинения ресурсов общества государственной политике, а не использования тенденций его развития в интересах общества.

¹¹⁵ См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 280; Высочайше утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной думой закон «О землеустройстве» от 29 апреля 1911 г. (ПСЗРИ – Собр. 3-е. – Т. XXXI – Отд. I - № 35370).

вышел самый важный указ, утверждавший права глав крестьянских дворов приватизировать общинные земли, находящиеся в их пользовании, а также требовать объединения разрозненных полосок земли в единой меже или получать денежную компенсацию от общины за них. По этому указу вступало в силу положение об отмене передельной общины с согласия 2/3 (позднее 1/2 крестьянских дворов). Указом от 15 ноября 1906 г. разрешалось закладывать общинные земли в крестьянском банке¹¹¹. 15 октября 1908 г. были изданы «Временные правила о выделе наделной земли к одним местам», которые гласили, что «наиболее совершенным типом земельного устройства является хутор, а при невозможности образования такового – сплошной для всех полевых угодий отруб, отведенный особо от коренной усадьбы»¹¹². «Временные правила» 19 марта 1909 г. предусматривали разверстание на хутора и отруба целых селений. После длительного обсуждения закон, подписанный императором 14 июня 1910 г., заменил собой указ 9 ноября 1906 г.¹¹³. Новый закон признал за крестьянами право личной собственности на принадлежащее имущество, дополнил указ правилами о беспередельных общинах, которые были признаны перешедшими к подворно-наследственному владению.

С другой стороны, наделные земли, в том числе хутора и отруба, по-прежнему оставались сословно-крестьянскими, а владельцы их были ограничены в своем праве распоряжаться ими. П.А. Столыпин так пояснил сложившееся положение: «Наделная земля не может быть отчуждена лицу других сословий; не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю»¹¹⁴. Кроме того, были установлены временные нормы концентрации наделных земель в одних руках – не свыше 6 наделов в одном уезде. Крестьянский банк тоже ограничивал свои операции с крестьянами-покупщиками – не свыше 3 наделов. Все эти ограничения тормозили процесс мобилизации крестьянских земель и способствовали их обесцениванию. Правда, законом 2 мая 1911 г. было установлено, что

¹¹¹ См.: Шанин Т. Революция как момент истины... – М., 1997. – С. 37; Именной Высочайший Указ, данный Сенату 15 ноября 1906 г. «О выдаче Крестьянским Поземельным Банком ссуд под залог наделных земель» (ПСЗРИ.- Собр. 3-е.- Т. XXVI - Отд. I - №28547).

¹¹² Александровский Ю.В. Закон 14 июня 1910 г. Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. – СПб., 1911. – С. 378–379.

¹¹³ См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XXX.- № 33743.

¹¹⁴ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия // Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. – М., 1991. – С. 177.

Нерешительность и незаинтересованность власти и дворянства в ликвидации крепостного права стала главным субъективным тормозом преобразований. Поэтому, несмотря на то, что реформы Екатерины II были попыткой реализации в России либеральной модели развития, объективно направленной на формирование гражданского общества и правового государства, в конкретных исторических условиях того времени подобная попытка носила утопический характер⁶.

В этой связи следует подчеркнуть, что наиболее адекватной представляется позиция тех авторов, которые предлагают разводить понятия «крепостничество» и «крепостное право», понимая под первым систему внеэкономической зависимости, при которой человек был лишен права или возможности свободно распоряжаться собою, а под вторым – такую форму крепостнической зависимости, в основе которой лежало право собственности одного человека на другого⁷.

И крепостное право и крепостничество в целом устанавливали для буржуазных преобразований своего рода ограничительные пределы. Но еще более серьезной проблемой явилась произошедшая в ходе екатерининских реформ разбалансировка всей крепостнической системы, когда режим крепостничества был снят или существенно ослаблен для одних сословий и сохранен по отношению к крестьянству в крайней своей форме – в форме крепостного права.

В результате, в конце XVIII–начале XIX в. усилился раскол общества, и стал проходить в четырех плоскостях: между народом и властью, народом и дворянством, правящей и духовной элитами, и в целом, между силами традиции и новации. Сделав ставку на половинчатое решение проблем крепостничества и становления гражданского общества, власть в своем либеральном порыве сразу же усилила эти разломы.

Освобождение от службы дворян и наделение их широкими сословными правами привело к важнейшим для России последствиям.

Во-первых, оно породило в народе сильнейшую ненависть к помещикам и как к эксплуататорам, и как к слою, который не вписывался в их тотемическую модель мира. Наиболее радикальным требо-

⁶ См.: Каменский А.Б. Центральное и местное управление и территориальное устройство в контексте реформ XVIII века // Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003. – С. 94.

⁷ См.: Островский А.В. Выступление. Материалы круглого стола «Крепостное право и крепостничество в России. Дискуссионные проблемы» // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. – СПб., 1997. – С.20-21; Шепелев Л.Е. Выступление...// Там же. – С.36.

ванием крестьян этого периода был уход от помещика под власть царя, то есть переход в разряд государственных крестьян⁸.

Во-вторых, народный царь стал нужен крестьянам для защиты их локальных миров от притесняющего государства, основу которого составляли те же дворяне. Поэтому враждебность в это время усилилась не только к помещикам, но и к начальству, а так же в целом к самой идее либеральных преобразований, несущих крестьянам лишь одно зло. Все это хорошо объясняет резкое усиление тяги крестьянства к древнему земледельческому идеалу вольной догосударственной жизни.

Осознав враждебность народа ко всем нововведениям за исключением ликвидации крепостного права, и, одновременно, уяснив кровную заинтересованность дворянства в его сохранении, власть остановилась в своих преобразованиях. Характеризуя сложившуюся типиковую ситуацию, А.И. Герцен писал об Александре I, что он желал улучшений, но не знал как к ним приступить. Предпринимая попытки двигаться по либеральному пути, он терял опору в социально значимых слоях – и у дворянства, и у крестьян⁹.

В конце XVIII – начале XIX в. возник и третий социальный раскол – между правящей элитой и частью духовной элиты. Представители последней постоянно шли к либерализму, тогда как правящая элита вынуждена была обращать внимание на соотношение всех социальных сил и поэтому страшилась, прежде всего, накопления социокультурных противоречий, понимая неустойчивое положение либерального идеала в такой стране, как Россия¹⁰.

Три формы социального раскола породили в обществе рост массового дискомфорта, что неизбежно вызвало стремление отойти от господствующего либерального идеала к противоположному – идеалу умеренного авторитаризма.

Результаты исследования позволяют признать, что в лоне либеральной волны, проходившей в конце XVIII – начале XIX в., власти и «обществу» все же удалось сделать *определенный минимум, необходимый для развертывания модернизации в обществе.*

Следующий шанс решения модернизационных проблем и ловушек был дан российской власти в драматической ситуации середины XIX в. Ее проясняют бурные правительственные и общественные де-

⁸ См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 200–205.

⁹ См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 199.

¹⁰ См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 196–200.

рых видов кооперации и кустарного производства) в целом приобрела депрессивные черты.

К ним можно отнести: падение роста сельскохозяйственного производства, деградацию животноводства, не способного решить экономические проблемы в деревне, отсутствие условий и возможностей модернизации единоличных крестьянских хозяйств, продолжение политики неэквивалентного отчуждения прибавочного продукта государственным и частным капиталом, прекращение перекачки трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность. Серьезным последствием реформы стало то, что кабальная сельскохозяйственная система «латифундия – надел» до известной степени даже увеличила свои возможности, причем, именно за счет капитализма. «Теперь она получила союзника в лице «октябристского» капитала, экономически неизмеримо более организованного, чем в дореволюционную эпоху, ибо он представлен не только всей старой, патриархальной буржуазией, но и финансовым капиталом, непосредственно растапливающим в землевладение, расширяющим поле неэквивалентного обмена в колониях и т.д. и т.п.»¹⁰⁷.

Важный социальный итог реформы состоял в том, что она не обуржуазила, а *несколько осереднячила деревню*. Так повысился удельный вес хозяйств со средней земельной обеспеченностью в 13–15 дес. на двор при росте всего крестьянского землевладения с 38 до 43,4¹⁰⁸. 30,3% крестьян великорусского центра стали владельцами от 15 до 25 дес.¹⁰⁹ При этом процент крестьянских хозяйств с 2–3 лошадьми возрос с 47,6 в 1901 г. до 49,7 в 1912 г., а с 4–5 лошадьми понизился с 18,6 до 15,2, а многолошадных – с 13,9 до 11,2¹¹⁰.

По степени радикализма Столыпинская реформа носила противоречивый характер. С одной стороны, власть повела решительное наступление на общину. Об этом свидетельствует и содержание законодательства, и практика административных насильственных мер его реализации. В октябре 1906 г. было отменено положение, по которому крестьяне обязаны были испрашивать согласия общины на внутрисемейный передел земли и на получение паспорта. 9 ноября 1906 г.

¹⁰⁷ См.: Гефтер М.Я. Указ. соч. – С. 95–96.

¹⁰⁸ См.: Бобович И.М. Выступление. Материалы дискуссии «Столыпинская аграрная реформа» // Английская набережная, 4. Ежегодник. Санкт-Петербургское общество историков и архивистов – СПб., 2000. – С.11.

¹⁰⁹ См.: Китанина Т.М. Выступление...// Там же. – С.19.

¹¹⁰ См.: Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. – СПб., 2000. – С.206.

водство пшеницы увеличилось на 12%, ржи – на 7,4%, овса на 6,6%, ячменя – на 33,7%¹⁰⁴.

Говоря о структурных изменениях, произошедших в ходе реформы, следует отметить относительную малочисленность участковых хозяйств, неравномерность их размещения по регионам страны (земледельческий центр оказался менее всего затронутым реформой), малоземелье большинства таких хозяйств. По мнению дореволюционных экономистов, необходимый минимум для ведения хозяйства колебался в зависимости от районов от 8 до 15 десятин. Около половины хуторов и отрубов фактически располагали площадью менее 8 десятин, то есть ниже потребительской нормы¹⁰⁵. Только 16% владельцев участковых хозяйств в 12 обследованных уездах различных губерний в 1913 году имели на двор более 15 дес. и могли вести действительно рациональное хозяйство. Но примерно 1/5 образованных единоличных хозяйств к моменту обследования уже числилась настолько «опавшими», что даже не вошли в итоговые данные.

Обследование также показало, что концентрация земли, приближение ее к усадьбам дали экономию издержек производства, позволили повысить агрикультуру, но при этом возникли трудности с содержанием скота, в связи с чем поголовье его заметно сократилось¹⁰⁶. В экономическом плане выдел хуторян и отрубников отрицательно сказался на хозяйстве общинников, так как часто был связан с нарушением привычных севооборотов и всего цикла сельхозработ.

Таким образом, вырабатывая курс аграрных преобразований, правительство не отказалось от своего традиционного стремления регулировать социально-экономические процессы в деревне. Это вмешательство по-прежнему носило госкапиталистический характер. Однако основная ставка теперь делалась не на государственно-корпоративное прикрепление крестьян к земле, а наоборот, на разрушение общины и выкачивание прибавочного продукта путем эксплуатации теперь уже разрозненных мелких товаропроизводителей. Новая модель, несмотря на ряд прогрессивных сопутствующих мер (устройство сельскохозяйственных складов, развитие сельскохозяйственного образования, строительство элеваторов, организация пособий переселенцам и выходцам на хутора и отруба, поддержка некото-

¹⁰⁴ См.: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 59.

¹⁰⁵ См.: Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. – Пг., 1915. – С. 21–51.

¹⁰⁶ См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 292.

баты об освобождении крестьян, проходившие в то время. Они затронули целый круг проблем: предпочтение и сочетание в будущем аграрном строе России крупного и мелкого типов хозяйства, дилемма экономического прогресса и социальной стабильности, выбор между фритредерством и принципом правительственной регламентации хозяйственной жизни, эволюция от общинного к личному крестьянскому землевладению, становление института частной собственности и, наконец, порядок и принципы освобождения крестьян¹¹.

Ход дискуссий предопределялся основополагающим тезисом о недопустимости превращения крепостных в настоящих рабов, в частную собственность хозяев, так как этому препятствовал более высокий, чем в XVIII столетии уровень нравственной и социальной жизни общества. Поэтому оставалось только два пути: или надо было восстановить старый крепостной строй, а с ним и общественно-правовой характер отношений между крестьянами и дворянами, или провести в жизнь так называемое освобождение крестьян, то есть надо было перерезать существующие связи между крестьянами и помещиками¹². Первый путь означал автоматическую утрату дворянством гражданской свободы, дарованной ему Жалованной грамотой 1785 г., и, следовательно, остановку всей модернизации страны. Движение в этом направлении было равносильно самоубийству, и поэтому оставался только единственно возможный – второй вариант, хотя и он был не безупречен с точки зрения формального толкования либеральных ценностей и, в первую очередь, понимания права собственности.

В ходе осмысления путей будущей крестьянской реформы выдвигались различные проекты и формировались принципиальные позиции.

Обязательно следует назвать самые крайние предложения, поступившие в тайные комитеты по крестьянской проблеме еще в период царствования Николая I и тогда же отклоненные, как неприемлемые: «с одной стороны, личное освобождение крестьян без передачи им земли, с другой стороны, отобрание земли у дворян для наделения ею крестьян»¹³. И то, и другое представлялось невозможным по социально-политическим и моральным соображениям. Кроме того, любой решительный шаг в одном из этих направлений грозил разрушить

¹¹ См.: Долбилов М.Д. Земельная собственность и освобождение крестьян // Собственность на землю в России: История и современность / Под общей ред. Д.Ф. Аяцкова. – М., 2002. – С. 45.

¹² См.: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995. – С. 146.

¹³ Там же. – С. 146.

сложную идеологическую конструкцию самодержавия, опорой которой стали две, на первый взгляд, взаимоисключающие, мифологемы: о Царе-батюшке, радеющем за крестьянскую Правду и государе-императоре – защитнике и глашатае интересов дворянства, то есть тех, кто в XVI–XVII веках называл себя «всею землей»¹⁴. Угроза пролетаризации крестьянства, в которой тогда видели главную опасность для общественной морали, социальной стабильности и трона¹⁵, со временем несколько видоизменила обозначенную антитезу.

В преддверии реформы спор велся уже между двумя моделями переустройства земельно-правового режима. Патерналистская модель, основанная на принципах неприкосновенности помещичьей собственности на землю и корпоративной ответственности за административный порядок в имении, трудовую занятость земледельческого населения, эффективность аграрного хозяйства, была детищем аристократической оппозиции реформам¹⁶. Однако большинство помещиков ориентировалось на формулу переустройства, которую современники часто характеризовали словом «развязка», то есть разведение двух сословий в экономическом и правовом отношениях.

Курс на «развязку» находился в русле официальной политики¹⁷ и стал возможен в силу особенностей дворянского правосознания, которое хотя и воспринимало землю, как частную собственность, но все же рассматривало ее отчуждение как нечто законное по сравнению с ограничением права собственника распоряжаться собственностью¹⁸. Последнее в определенной степени имело место в тогдашних земельно-правовых отношениях (например, закон от 1853 г. запрещал помещикам сдавать в аренду свои имения, если на них имеются крепостные) и попытки сделать нечто большее в этом направлении воплощались в многочисленных проектах об ограничении права помещиков распоряжаться своими поместьями.

Эти обстоятельства не могли не вызвать в дворянской среде некоторой обеспокоенности по поводу перспектив правительственной регламентации поземельных отношений, при удержании за помещиком крепостнических обязанностей. В результате произошел резкий смысловой сдвиг в видении земельной собственности. Безвозвратное

¹⁴ См.: Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 57–58; Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 252–266.

¹⁵ См.: Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 84–85.

¹⁶ См.: Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середины 1870-х гг. – М., 2002; Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 152.

¹⁷ См.: ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 354, л. 7.

¹⁸ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 195.

ственного производства, поднялась урожайность, выросло использование машин и удобрений, увеличились накопления крестьян в сберегательных кассах. Но насколько эти изменения были связаны с мероприятиями столыпинской реформы, если учесть, что среднегодовой прирост продукции в сельском хозяйстве в 1901–1905 гг. составил 2,4%, а в 1909–1913 гг. он уменьшился до 1,4%⁹⁷? Кроме того, динамика десятичных сборов зерна в Европейской России 1891–1915 гг. (пуд./дес.) показывает, что в 1901–1915 гг. агротехнический прогресс по всем показателям происходил медленнее, чем в 1891–1905 гг.: сборы ржи в первом случае увеличились на 13 %, а во втором – на 9%, сборы пшеницы соответственно – на 10 и 0%, овса – на 12 и 8%, ячменя – на 16 и 7%⁹⁸.

Эффект от столыпинской переселенческой кампании был ничтожным: 2,5 млн. человек, переселившихся за Урал, не смогли существенно повлиять на демографические показатели. Избыточное трудоспособное население деревни увеличилось с 23 млн. в 1900 году до 33 млн. – в 1913 г.⁹⁹. В результате падение всех показателей на душу населения в сельском хозяйстве продолжалось, обостряя секторный разрыв между промышленностью и аграрным производством. Количество лошадей в расчете на 100 жителей Европейской России сократилось с 23 голов в 1905 г. до 18 – в 1910 г., количество крупного рогатого скота, соответственно, с 36 до 26 голов¹⁰⁰. По другим данным этот показатель для всей России по лошадям составил: 1905 г. – 25, 1909 г. – 24, 1913 г. – 23; по крупному рогатому скоту соответственно: 39, 36, 35¹⁰¹. «Общее количество скота за трехлетие 1911–1913 гг. уменьшилось с 188,6 млн.голов до 173,4 млн.голов»¹⁰².

Вследствие этого производство на душу населения сократилось с 25 пудов в 1900–1904 гг. до 22 пудов в 1905–1909 гг.¹⁰³. И это при том, что площади посевов выросли на 10,5 млн. дес. (на 14%), произ-

⁹⁷ См.: Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 317.

⁹⁸ См.: Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М., 1975. – С. 216.

⁹⁹ См.: Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. – М., 1969. – С. 371–373.

¹⁰⁰ См.: Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России. – СПб., 1911. – С. 440.

¹⁰¹ См.: Объяснительная записка к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1913 г. – Пг., 1914. – С.240.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См.: Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России. – СПб., 1911. – С. 431.

отрубников были связаны с родной деревней общими угодьями, ставших объектом внутренних распрей между общинниками и выделенцами. Препятствием для организации рационального хозяйства служило и то обстоятельство, что многие крестьяне имели прикупленную землю в составе сельских обществ и отдельных крестьянских товариществ. Сельские общества, у которых купленная сообща земля вошла в общий севооборот, отказывались компенсировать совладельцу земли ее стоимость. Присоединение же к участку пая в товариществе исключалось. В результате доля обособленных в одних границах отрубных и хуторных хозяйств достигала только четверти всех единоличных хозяйств⁹³. Прибавив к этому наличие в общинах наделов, укрепленных в собственность, нередко проданных посторонним лицам, получим картину крестьянского землепользования еще более сложную и запутанную, чем она была до начатой Столыпиним реформы. Вследствие этого еще более настоятельная потребность в коренном сломе сложившегося земельного порядка путем «черного передела»⁹⁴.

Главный итог столыпинской аграрной реформы заключался в том, что она не смогла подорвать общину и та продолжала оставаться центральным звеном в хозяйственном устройстве аграрной экономики. Если в 1905 г. в Европейской России насчитывалось около 135 тыс. общин, то к 1917 г. в пределах современной территории России их было примерно 110 тысяч⁹⁵. В 1913 г. из всего произведенного национального дохода в сельском хозяйстве (5,6 млрд. руб.) свыше 5 млрд. руб. пришлось на долю крестьянских хозяйств, в то время как во владельческих хозяйствах произведено было 625 млн. руб.⁹⁶.

Нараставший сельскохозяйственный кризис был смягчен целым рядом благоприятных факторов: общей хорошей конъюнктурой, несколькими особо урожайными годами, ростом цен на сельскохозяйственную продукцию, отменой выкупных платежей. В целом за все дореволюционные годы XX столетия выросли объемы сельскохозяй-

⁹³ Всего в 1907–1916 гг. на наделных землях участковое землевладение охватило 15,4 млн. дес. земли, то есть 11% от общей площади наделных земель. См.: Першин П.Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. – М., 1922. – С. 46–47.

⁹⁴ См.: Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. – 1997. – № 7. – С. 91.

⁹⁵ См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 291.

⁹⁶ См.: Отчет исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / Под ред. С.Н. Прокоповича. – М., 1918. – С. 83.

отчуждение части земли в пользу крестьян приобрело значение помещичьей платы за снятие с остальной земли имени различных стеснений и ограничений и за действительную свободу распоряжения.¹⁹ Таким образом, дворяне добивались укрепления частной земельной собственности, которой можно было бы распоряжаться по личному усмотрению, но в их представлениях создание этой собственности больше связывалось с решениями благодетельной и щедрой власти, чем с индивидуальными усилиями владельцев. Это приводило к завышенным надеждам на предпринимательские успехи после «избавления» от крестьян. На самом деле «радостный сельскохозяйственный апофеоз»²⁰ был неуместен на фоне неподготовленности землевладельцев к буржуазным преобразованиям в деревне.

Дело в том, что крепостнический режим превращал помещика не столько в хозяйствующего землевладельца, сколько в организатора крестьянского труда и поэтому лишал конкретного и предметного наполнения идею земельной собственности как таковую. Помещик не мог помыслить легальных способов распоряжения всей своей землей, независимых от способов распоряжения крепостными душами. Поэтому образ земельной собственности не имел в глазах дворянства яркой эмоциональной окраски. Оно самоидентифицировало себя скорее в роли душевладельцев, чем землевладельцев²¹. Причем, это имело место несмотря на то, что крестьянские хозяйства и дворянские имения в большинстве случаев не были полностью разъединены друг от друга как производственные единицы и поэтому образовывали специфическую земельную систему «латифундия – надел»²². Она включала общие земельные и лесные угодья, водные и иные ресурсы, чересполосное хозяйство.

«Развязка» мыслилась помещным дворянством только как выкупная операция, так как «земля, которой пользовались крестьяне до 1861 г., была признана полной собственностью помещиков»²³. Власть же попросту проигнорировала ту часть правосознания крестьян, согласно которой земля всегда была царской, то есть государственной. Царь, – согласно этим представлениям, – отдавал землю крестьянам,

¹⁹ См.: Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 152.

²⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Убежище Монрепо // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1988. – Т. 6. – С. 308.

²¹ См.: Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 47.

²² См.: Гефтер М.Я. Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 88–89.

²³ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб, 1991. – Т. 1. – С. 390.

а затем предоставлял крестьян с землей дворянам для того, чтобы те могли служить царю. По мнению крестьян освобождение состояло в том, что они избавлены от барщины и от оброка, и это представлялось им вполне логичным и справедливым: ведь господ давно уже освободили от обязательной службы. Если же они после этого добровольно вступали на государственную службу, то за это получали жалование наличными и поэтому не нуждались более в том, чтобы крестьяне их кормили. Но в отношении правового положения земли ничего не изменилось. Земля принадлежала царю, крестьянин ее обрабатывал и поэтому вполне естественно, государство предоставляло крестьянину землю²⁴.

Пойдя наперекор крестьянскому правосознанию в вопросе легитимности права помещиков на землю, власть, как ей казалось, пошла с ним на компромисс (хотя весьма и незначительный) в этом праве для крестьян. Компромисс этот заключался в том, что разработчики реформ признавали за крестьянским сословием его право на присвоение усадебной и надельной земли, как неотъемлемый сословный атрибут, хотя форма присвоения (полная собственность, владение или пользование) могла материализоваться только в результате бюрократической интерпретации. Это было очень важное для реформаторов положение, главным образом, по двум причинам.

Во-первых, несмотря на попытку законодателя в статьях 33, 37 Общего положения и 159, 165 Положения о выкупе подчинить условия собственности для крестьян всеобщему российскому гражданскому праву, то есть положениям 10 тома Свода законов Российской империи²⁵, со временем распространилось и стало господствующим мнение о том, что собственность крестьян на землю принципиально отличается от собственности на землю других сословий. Согласно такому пониманию, земля, предоставляемая крестьянам, является имуществом, которое дается им для решения государственной задачи, то есть для того, чтобы обеспечить их существование именно как крестьян²⁶.

²⁴ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 221.

²⁵ См.: Высочайше утвержденное положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. (ПСЗРИ.- Собр.2-е.- Т.XXXVI- Отд.1 - № 36657); Высочайше утвержденные положения о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии в собственность полевых угодий от 19 февраля 1861 г. (ПСЗРИ.- Собр.2-е.- Т.XXXVI- Отд.1 - № 36659).

²⁶ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 201.

сток, нельзя считать вышедшими из общины⁸⁷. Было бы более правильным называть их вышедшими из участия в осуществлении переделной функции общины. Следовательно, полностью вышли из общины более 1 млн домохозяев, или только около 8-9% крестьянских дворов⁸⁸.

Несмотря на поддержку государства и безусловное право выхода каждого желающего, осуществить выход было нелегко, так как в 73% случаев выход из-за противодействия общины был сопряжен с конфликтом. Поэтому часть недовольных – 747 тыс. дворов, официально заявившая о выходе и укреплении земли в собственность, в конце концов осталась в переделной общине⁸⁹.

Были и другие причины, затруднявшие выход из общины. Одна из них состояла в том, что само по себе укрепление земли в личную собственность без землеустроительных работ в хозяйственном плане не давало «выделенцам» никаких преимуществ, ставя и общину зачастую в тупиковую ситуацию. С одной стороны, если «укрепленцы» не переходили на хутора или отруба, для них сохранялись все недостатки общинного землевладения (чересполосица, дальноеземье и т.д.), а, с другой стороны, становились затруднительными и даже невозможными переделы, возникали сложности с выгоном скота. Производство единоличных выделов вносило полное расстройство в земельные отношения и не давало каких-либо преимуществ вышедшим из общины, за исключением желавшим продать укрепленную землю (40% вышедших из общины)⁹⁰.

Размах же землеустроительных работ⁹¹ был явно недостаточным. За 1907–1915 гг. было подано 6174,5 тыс. заявлений о землеустройстве, а всего землеустроено – 2376,0 тыс. хозяйств⁹².

В результате землеустройства не удалось создать полноценные фермерские хозяйства, где вся земля была бы сконцентрирована вместе, на одном участке. Дело в том, что больше половины хуторян и

⁸⁷ См.: Островский А.В. Выступление. Материалы дискуссии «Столыпинская аграрная реформа» // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургское общество историков и архивистов – СПб., 2000. – С.21-22.

⁸⁸ См.: Чернышев И.В. Община после ноября 1906 г. – Пг., 1917. – С.12.

⁸⁹ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – С. 481.

⁹⁰ См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 285, 287.

⁹¹ См.: Именной Высочайший Указ, данный Сенату 4 марта 1906 г. «Об учреждении: а) Комитета по землеустроительным делам при Главном Управлении Землеустройства и Земледелия и б) Губернских и Уездных Землеустроительных Комиссий и об упразднении Комитета по земельным делам» (ПСЗРИ.- Собр. 3-е.- Т. XXVI -Отд.1- №27478).

⁹² См.: Отчет о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. – Пг., 1916. – С.2–3.

сельчан, вышедших из общины, поджога их домов и даже убийства давали достаточные основания для таких предположений

Рассмотренные идеологические подходы к буржуазной аграрной модернизации и указанные противоречия в полной мере проявились в ходе осуществления столыпинской реформы.

До начала реформы в 1905 г. в общинном владении находилось 91,2 млн. дес. земли, которую обрабатывали 8,7 млн. крестьянских дворов. Подворные общины владели 20,4 млн. дес. земли, закрепленными за 2,7 млн. дворов⁸⁴.

Всего за 1907–1915 гг. в ходе реализации указа 9 ноября 1906 года и закона 14 июня 1910 года общинную землю укрепили 2008,4 тыс. домохозяев с общей площадью земли 14,1 млн. дес. и еще 469,8 тыс. членов беспередельных общин получили удостоверительные акты на свои наделы. Наибольшая доля укрепивших общинную землю приходилась на южные губернии – 40,3%, так как здесь община еще не успела пустить глубокие корни, а социальное расслоение в деревне было наиболее глубоким. По другим регионам ситуация с выходом из общин была следующей:

Черноземный центр и Поволжье	– 22,2% домохозяев
Центрально-промышленный район и Северо-Запад	– 17% домохозяев
Северные и приуральские губернии	– 7,3% домохозяев

Всего на основе указа 9 ноября общинную землю укрепил 21,8% общинников, укрепивших в собственность 13,9 млн. дес., то есть 14% всей наделной земли.⁸⁵ При этом надо обязательно учитывать, что во 2-й и 3-й статьях указа специально подчеркивалось, что речь идет лишь о тех общинных землях, которые находились между общими переделами в «постоянном» пользовании отдельных семей. А статья 4 уточняла: «Домохозяева, за коими укреплены в личную собственность участки общинной земли, состоящей в постоянном пользовании (ст. 1-3), сохраняют за собой право пользования в неизменной доле теми сенокосами, лесными и другими угодьями, которые переделываются на особых основаниях... а также право участия в пользовании, на принятых в обществе основаниях, непеределываемыми угодьями»⁸⁶. Отсюда следует, что всех крестьян, закрепивших за собой уча-

Желание закрепить сословный статус крестьян через предоставление им земли выступало инструментом противодействия весьма распространенным опасениям и страхом перед мобильностью юридически свободного крестьянства и распадом однородной крестьянской массы. Поэтому в осмыслении крестьянского права земельной собственности возобладала парадигма «крепости» крестьян наделной земле в идеологическом обрамлении мифа об исторической нерасторжимости земледельца и почвы²⁷.

Тем самым реформаторы не сумели (или не захотели) выработать единой надсословной концепции частной земельной собственности. Уже на ранних стадиях законотворчества был упущен шанс опереться на целостное, свободное от категории сословности, представление о частной земельной собственности. В своем качестве земле-владельцев помещик и крестьянин виделись реформаторам сосуществующими в разных правовых пространствах.

В предоставлении крестьянам права присвоения земли большую роль сыграли финансовые задачи выкупной операции, которые поначалу порождались поиском путей спасения казенных банков, поставленных на грань банкротства массовым отливом вкладов, а затем приобрели более комплексный и стратегический характер. Выкуп, раньше или позже, закреплял за помещиками и крестьянами их функциональные свойства: за первыми – держателя долгосрочных ценных бумаг и получателя рантье-ского дохода, а за вторыми – заемщика казны и плательщика процентов по государственным кредитным обязательствам²⁸. Все это привело к тому, что ввиду необходимости выплачивать выкупные платежи и проценты за ссуду государству, зависимость от него бывших помещичьих и удельных крестьян в экономическом отношении даже увеличилась по сравнению с дореформенным периодом²⁹.

Выполнить финансовые задачи было легче, переведя крестьян на положение должников казны целыми селениями, с коллективным ручательством за долговые взносы. Круговая порука общины, следовательно, была подключена к формированию нового рынка государственных кредитных обязательств и оттого приобрела в глазах рефор-

⁸⁴ См.: Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 337.

⁸⁵ См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 285.

⁸⁶ ПСЗРИ – Собр. 3-е. – Т. XXVI – Отд. I – № 28528.

²⁷ См.: Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 150–151.

²⁸ См.: Там же. – С. 136.

²⁹ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 391.

маторов дополнительную «легитимность», которую ей не могла дать экономическая концепция общинного землевладения сама по себе³⁰.

Парадигма прикрепления крестьян к надельной земле и одновременное лишение их субъективного права собственности на нее возникла из двойственного опасения. С одной стороны, власть считала, что если бы крестьянин получил право распоряжаться своим наделом, он мог бы его продать и стать пролетарием, а это по представлениям того времени, было главной опасностью нравственным и политическим устоям государства.³¹ С другой стороны, признание за крестьянами права частной собственности в инверсионном сознании крестьян приняло бы модернизированную форму права крестьян на всю землю помещиков.

Исследование показало, что государственная власть в ходе Крестьянской реформы создала новую форму крепостничества - государственно-корпоративное давление на крестьян, при котором государство посредством традиционных институтов обеспечило перекачку прибавочного, а иногда и необходимого продукта непосредственных производителей в государственно-капиталистический, капиталистический и помещичий уклады. Российское крестьянство при этом выполнило функцию «внутренней колонии» – периферийной сферы собственно капиталистических укладов, которые могли успешно развиваться только при наличии зон, их обслуживающих³². *Россия, не будучи классической колониальной империей, могла развивать капитализм только посредством архаизации части собственного общества*, ибо капитализм не может существовать без более или менее крупной буферной «архаической» части, соками которой он питается. И прежде всего объектом этой архаизации стало крестьянство. Именно после реформы 1861 г., открывая простор для развития капитализма, само царское правительство укрепляет крестьянскую общину.

Царизм, начав в деревне буржуазную модернизацию в феодально-крепостнической оболочке³³, вынужден был искать и соответствующее идеологическое обоснование. Оно было найдено в построении дуалистической мифологемы: с одной стороны, перед нами мудрый законодатель, неуклонно и беспристрастно проводящий реформы на фоне исторически сложившейся реальности, а с другой – любимый

ний (Псковской, Петербургской, Новгородской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Московской, Владимирской)⁷⁹. Незадолго до начала первой мировой войны целые уезды с преобладающей общинной формой землепользования переходили на более прогрессивную плодосменную систему⁸⁰. Поэтому не случайно, немецкий профессор Г. Аухаген, посетивший в 1911–1913 гг. ряд российских губерний с целью выяснения хода реформы, будучи приверженцем последней, все же отмечал, что община не является врагом прогресса, что она вовсе не противится употреблению усовершенствованных орудий и машин, лучших семян, введению рациональных способов обработки полей, причем, производит эти улучшения сразу всем обществом⁸¹.

Таким образом, в аграрной сфере страны возникло серьезное противоречие. С точки зрения мировых достижений общинное землевладение было непродуктивной архаикой, но с точки зрения непосредственных носителей этой системы переход к более сложным формам хозяйства представлялся неоправданным и в значительной степени невозможным.

Второе препятствие состояло в том, что буржуазные реформы не ослабили, а скорее усилили массовое стремление законсервировать архаичные локальные формы жизни, основанные на натуральных отношениях, создать мир без начальства, парализующий всякую попытку ослабить уравнительность.

Столыпинская аграрная реформа принесла новый этап раскола. Крестьянское большинство стало отождествлять тех, кто выходил из общины, с начальством и помещиками. Наиболее красноречиво выразили эту трансформацию сами крестьяне. А. Кропотков: «Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября – это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков, помещиков, а из бедняков – батраков, вечно голодных работников... Этот закон восстанавливает нас друг против друга»⁸². И. Болтышев: «Закон 9 ноября производит страшную пертурбацию в среде крестьян, и, по моему убеждению, в законе 9 ноября зарыто начало очень серьезной будущей всеобщей революции»⁸³. Многочисленные факты избияния одно-

³⁰ Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 135.

³¹ См.: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995. – С. 216.

³² См.: Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск, 1992. – С. 97.

³³ См.: Захарова Л.Г. Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 г. // История СССР. – 1976. – № 4. – С. 63–64.

⁷⁹ См.: Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. – 1997. – № 6. – С. 46.

⁸⁰ См.: Маслов С. Новый закон о крестьянском землевладении. – СПб., 1910. – С. 19.

⁸¹ См.: Аухаген Г. Критика русской реформы / Пер. с нем. и примеч. члена Комитета по землеустроительным делам А.А. Кофода. – СПб., 1914. – С. 21.

⁸² Цит. по: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 307.

⁸³ Цит. по: Там же.

Однако реформаторы не учли серьезные объективные обстоятельства, препятствующие реализации их планов. Одним из них был уровень развития сельского хозяйства в России. Он «был столь низок, что в чисто экономическом плане община, как это ни парадоксально, не изжила себя»⁷⁵. Факты не подтверждали, что на общинных землях хозяйство велось хуже⁷⁶.

По анкетным данным Вольного экономического общества хозяйства хуторян и отрубников в массе своей мало чем отличались от общинных. По свидетельству П.Н. Першина, переход к участковому землепользованию далеко не везде вел к агрикультурному прогрессу. Например, на юге и юго-востоке трехполье часто сменялось неурегулированным пестропольем, нередко с залежью, без какого-либо чередования культур, что вело к интенсивно-хищническому ведению хозяйства⁷⁷.

Община была очень выгодна крестьянам в хозяйственном отношении: чересполосица и принудительный севооборот имели позитивную сторону, так как пар и освобождающиеся после снятия урожая земли представляли собой обширные площади для выпаса скота; наличие полос разного качества обеспечивало относительную устойчивость хозяйства, лучшую, чем при дроблении земли при подворном владении; большую выгоду крестьянам приносили общинные луга, леса и другие угодья.

Община на том уровне не исключала и определенного прогресса земледелия. Еще до столыпинской аграрной реформы крестьянство «выдвинуло» свой план смягчения чересполосицы при сохранении общинного землевладения: начался переход на «широкие полосы». Сокращая количество конов, крестьяне разбивали поля на меньшее число полос. В результате в некоторых селениях Московского уезда после переделов 1901 г. чересполосица уменьшилась в 2,5 или даже в 4–6 раз. Появилась возможность пахать землю не только вдоль, но и поперек⁷⁸.

Кроме перехода на «широкие полосы», община противопоставила столыпинской реформе также коллективное введение многопольных севооборотов с высевом кормовых трав. С конца XIX – начала XX в. это движение распространилось в ряде нечерноземных губер-

монарх и отец, который дает щедрый дар и осчастлиливает обожающих его поданных, чем устраняет все межсословные раздоры. Вполне понятно, что без некоторых шагов навстречу крестьянству вся эта помпезная конструкция могла рухнуть.

По всей видимости, реформаторы в определенной мере осознали, что вектор истории пошел в обратном от авторитарного идеала направлении. Если образованное общество в целом основным ориентиром избрало либеральные ценности, то рост утилитаризма, самосознания, активности крестьянства парадоксальным образом привел к тому, что оно отслаивалось от государственности, отпихивалось от нее, пытаясь построить свою жизнь на принципах догосударственности.

На повестку дня встал вопрос о новом идеале, гибридном по своей структуре, так как он включал в себя, как ипостаси исходные нравственные идеалы, различие между которыми этот идеал и должен был скрыть. Такими ипостасями явились вечевой и либеральный идеалы, взятые в усеченном одностороннем виде с определенным уровнем взаимонедопонимания и взаимного страха, с нападками со стороны носителей классических идеалов. Следовательно, такой гибридный идеал мог существовать только тогда, когда различия двух его сторон не достигали некоторого порогового состояния. А это стало возможным только благодаря напряженной социальной и психолого-идеологической деятельности правящей элиты по созданию такой конструкции, которая, опираясь на некоторую культурную потребность общества в интеграции, «отводила глаза» от реального раскола и строила его иллюзорный образ³⁴.

Ярким примером воплощения созданного гибридного идеала явилось отношение общественного сознания к Манифесту 19 февраля 1861 г. Характеризуя его в своей докладной записке, губернатор Могилевской губернии контр-адмирал Зарин писал, что манифест принят в Могилевской губернии в целом со спокойствием: «Помещики... Положением... довольны: многие из них открыто высказываются, что ожидали гораздо больших усечений своим интересам, с другой стороны крестьяне еще не могут понять своего будущего; в настоящем же они видимо ожидали больших льгот»³⁵. Двойственность общественного сознания зафиксировал в своей записке и П.А. Валуев, когда указал на крайне затруднительное положение мировых посредников,

⁷⁵ Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 303.

⁷⁶ См.: Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. – М., 1919. – С. 147.

⁷⁷ См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 292–293.

⁷⁸ См.: Зырянов П.Н. Указ. соч. – С. 189; Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 70–71.

³⁴ См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 254–257.

³⁵ ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 342, л. 2.

которые «поставлены между крестьянами, часто не понимающими нового своего положения, и помещиками, часто не желающими понимать нового порядка вещей или медленно и с трудом к нему привыкающими»³⁶.

Не менее значительным шагом антиавторитарной волны явился организованный самой же властью рост реальной социальной силы общины, блокирующей во многих случаях проявления крестьянами личностного начала или же направляющей его в русло освобождения от обременительной обязанности воссоздавать большое общество и государство. Реформаторы при этом не смогли спрогнозировать многие последствия своей преобразовательной деятельности.

Между крестьянами и государственным аппаратом исчез амортизирующий слой помещиков. Это означало, что раскол между народом и властью пришел к более глубокой стадии. Реформаторы сами вложили в руки локальных общинных структур потенциальное оружие борьбы с государственной властью – санкционированные свыше властные полномочия. В результате, соединение традиции с общественной функцией в условиях поворота массового сознания крестьян к соборному идеалу превратилось в материальную силу этой инверсии. Ренессанс общины привел к консервации традиционного крестьянского менталитета, с особенностями которого был связан следующий шаг социокультурной инверсии. Он заключался в разрушении в народном сознании мифического представления о царе-тотеме, превращении его в антитотем, разоблачение его как оборотня, носителя зла.

Во второй половине XIX в. в России был выбран курс на проведение форсированной индустриализации. Он объяснялся попыткой правительства ликвидировать стадильное отставание общества, вырваться из межсекторного разрыва, обусловленного нарастающим аграрным перенаселением и тупиковостью российского земледелия и, тем самым, укрепить самодержавие.

Ситуация была весьма противоречивой. С одной стороны, индустриализация, осуществляемая достаточно быстро, давала России шанс стать равноправным членом группы великих держав, фактически поделивших к началу XX столетия мир на сферы влияния. С другой стороны, при осуществлении такого курса надо было преодолеть

³⁶ Записка П.А. Валуева Александру II «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 г.» от 15 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.85-86.

выделения ему участка наделной земли в личную собственность соразмерно с долей внесенного выкупного платежа⁷⁰.

Исследование показывает, что за фасадом острой политической необходимости стояли и более глубокие причины. Они были связаны со взглядами правящей элиты на дальнейшие пути развития страны. Социально-экономический аспект этой проблемы был зафиксирован в известной «Записке по крестьянскому делу» С.Ю. Витте. В ней он утверждал, что община является исторически преходящим институтом, исчерпавшим свое прежнее назначение и несовместимым с современной капиталистической стадией развития общества. Она не решает социальных проблем, так как не предохраняет крестьян от социального расслоения, пролетаризации и измельчения наделов. В экономическом отношении она, по взглядам С.Ю. Витте, является непреодолимым препятствием к улучшению земледельческой культуры, ибо временность владения воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли. Не может она служить и основой для создания кооперации⁷¹.

Задача правового характера виделась реформаторам в том, чтобы общественно-юридическое право на обеспечение землей заменить субъективным правом собственности. А это предполагало устранение института семейной собственности, то есть подворного имущества, превращение его в частную собственность домохозяина в некоторых случаях и других членов двора⁷².

Столь радикальный правовой шаг был необходим по взглядам реформаторов для того, чтобы, во-первых, поднять экономическую эффективность крестьянского хозяйства, «как наиболее действенное средство улучшения частновладельческих имений»; во-вторых, развить у крестьян «инстинкт» собственности⁷³, и, в-третьих, устранить саму юридическую основу (общественно-юридическое право на обеспечение землей) революционного правосознания, которое включает требование обеспечить землей и решимость его реализовать. Очевидно, если крестьяне превращаются в собственников, тем самым такие требования в отношении государства теряют всякое правовое и психологическое обоснование. Тем самым теряются и все предпосылки для революционного подхода к положению⁷⁴.

⁷⁰ См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 274.

⁷¹ См.: Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб., 1905.

⁷² См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 289.

⁷³ См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 254.

⁷⁴ Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 289.

реанимирована тенденция, охарактеризованная еще в 1861 г. П.А. Валуевым в записке Александру II: «...Постепенный переход от общинного или душевого начала к участковому, или подворному, важен не только в хозяйственном отношении, но и в видах охранения общественного порядка. На разряд самостоятельных домохозяев легче действовать, чем на всю массу сельского населения, и в них легче находить опору охранительным мерам правительства». На эту мысль П.А. Валуева Александр II сделал на полях помету: «Справедливо»⁶⁵.

Новый курс аграрной политики окончательно сформировался на I съезде уполномоченных дворянских обществ 29 губерний, открывшемся 21 мая 1906 г. Данный съезд сформировал ясную позицию дворянства, предложив ее в качестве программы правительству: «Переход от общинной к личной собственности, расселение крупных деревень, уничтожение внутри-надельной чересполосицы, переход к хуторской системе»⁶⁶. Что касается П.А. Столыпина, то он давно был готов к осуществлению такой программы и даже подготовил соответствующее идеологическое обеспечение. Представляя указ 9 ноября 1906 года⁶⁷ на рассмотрение Думы, П.А. Столыпин подчеркивал, что насаждение «крепкого личного собственника в деревне» необходимо для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях, для создания преграды развитию революционного движения»⁶⁸. Это подкреплялось и формально-правовыми доводами – тем, что манифестом от 3 ноября 1905 г. (имевшим вынужденный характер) отменялись выкупные платежи⁶⁹ и поэтому вступали в силу заблокированные законом 14 декабря 1893 г. статья 12 Общего положения о крестьянах и статья 165 Положения о выкупе 1861 г., согласно которым каждый член сельского общества мог требовать

⁶⁵ Записка П.А. Валуева Александру II «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 г.» от 15 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.

⁶⁶ Цит. по: Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. – 1997. – № 6. – С. 48.

⁶⁷ См.: Именной Высочайший Указ от 9 ноября 1906 г. данный Сенату «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». (ПСЗРИ – Собр. 3-е. – Т. XXVI – Отд. I - № 28528).

⁶⁸ См.: Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. – М., 1991. – С. 179.

⁶⁹ См.: Именной Высочайший Указ, данный Сенату 3 ноября 1905 г. «Об уменьшении и последующем прекращении выкупных платежей с крестьян бывших помещичьих, государственных и удельных» (ПСЗРИ.- Собр. 3-е.- Т. XXV-Отд. I- №26872).

и немало серьезных препятствий, чреватых социальными потрясениями³⁷. Главными проблемами, стоящими на пути индустриализации России были относительная слабость частного предпринимательства, отсутствие значительных капитальных ресурсов, действенной системы аккумуляции и межотраслевого перелива капитала (через банки и фондовые биржи)³⁸. К этому следует добавить также узкий внутренний рынок страны и ограниченный доступ на внешний³⁹.

Все это предопределило исключительную роль государства в решении задач индустриализации, что, однако, не означает, что существовала безальтернативность ее форсированного варианта. Государство тогда могло пойти и по-другому пути – реализовать народническую модель «народного производства»⁴⁰.

В модели форсированного развития ведущая роль отводилась отраслям тяжелой промышленности, которые, «как правило, обслуживали не массовый рыночный спрос, а отличались весьма концентрированным сбытом, работая в значительной мере на казну и железнодорожное хозяйство»⁴¹. И поэтому именно эти отрасли в первую очередь развивались «под сенью правительственного протекционизма и усиленной таможенной охраны, что обеспечивало высокий уровень цен на внутреннем рынке и огромную предпринимательскую прибыль, способствовавшую быстрому накоплению капитала»⁴². Динамика изменения стоимости продукции по основным подразделениям промышленности показывает, что с 1887 по 1900 г. рост этого показателя в тяжелой промышленности (361%) значительно опережал таковой в легкой промышленности (179%). В результате, удельный вес стоимости продукции тяжелой индустрии за указанный период изменился с 30% до 46,5%⁴³.

По мере развития и дальнейшего укрепления капиталистического товарного производства становилось все более очевидным, что без твердой денежной валюты стране не обойтись. Выразителем этой идеи стал министр финансов Н.Х. Бунге. Но непосредственно денежная реформа была осуществлена под руководством следующего ми-

³⁷ См.: Мау В. Реформы и догмы. 1914–1929. – М., 1993. – С. 14.

³⁸ См.: Там же. – С. 14–15.

³⁹ См.: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998. – С. 197–207.

⁴⁰ См.: Там же.

⁴¹ Лившин Я.И. Монополии в экономике России (Экономические организации и политика монополистического капитала). – М., 1961. – С. 20.

⁴² Там же.

⁴³ См.: Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. – М., 1955. – С. 187.

нистра финансов – С.Ю. Витте. В январе 1895 г. Госбанк, в качестве эксперимента, получил право покупать и продавать золотые монеты по биржевому курсу. При заключении других торговых сделок оплата могла производиться золотом или кредитными билетами. В 1897 г., несмотря на возражения широких финансовых кругов, по указу императора «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет» действовавший до этого временный курс обмена кредитных денег (1:1,5) был закреплен бессрочно в соответствии с фактически установившимся курсом за последнее десятилетие перед реформой⁴⁴. В результате «к концу 1901 года в обращении находилось золотой монеты на 695 млн. руб., серебряной – на 161,6 млн., новых кредитных билетов – на 630 млн., в том числе, в кассах Госбанка – 88 млн. В это же время запасы золота в Государственном банке и казначействе достигли 830 млн. руб., запасы серебра – 62 млн⁴⁵.

В целом российская денежная система, основанная на золотом стандарте, характеризовалась устойчивостью и основательностью. Золотой запас почти всегда был выше суммы выпущенных кредитных билетов, а право на эмиссию 300 млн. руб. без покрытия, как правило, оставалось не использованным, Государственный банк в предшествующие Первой мировой войне годы имел излишек золота от 240 до 300 млн руб.⁴⁶.

Последствия введения золотого обращения для развития капитализма были достаточно противоречивы.

С одной стороны, упрочился государственный кредит России за границей и возникла устойчивая база для внешней торговли, финансовых и кредитных отношений с другими странами. Особенно облегчился приток иностранных капиталов, которые, проникая в основные отрасли тяжелой промышленности, способствовали процессу индустриализации. Средний ежегодный приток иностранных инвестиций в России до введения золотого стандарта (1885–1897 гг.) составлял 43 млн. руб.; в период золотого стандарта (1897–1913 гг.) он составлял 191 млн. руб., то есть увеличился почти в 4,4 раза⁴⁷. В России к

⁴⁴ См.: Белоусов Р.А. Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд.- М., 2001. – С. 48–49.

⁴⁵ Там же. – С. 49.

⁴⁶ См.: Тюшев В.А. К вопросу о состоянии и особенностях денежного обращения России в конце XIX – начале XX века // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд.- М., 2001. – С. 60.

⁴⁷ См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. – М., 2003. – С. 41

Вопрос о земледельческих артелях поднимался в 1895 г. на заседаниях Вольного экономического общества, в 1901 г. на съезде деятелей агрономической помощи местному хозяйству, созванном под контролем Министерства земледелия и государственных имуществ, в 1902 г. на заседании Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, проходившего под председательством С.Ю. Витте⁶¹. Не смотря на то, что большинство местных комитетов Особого совещания высказалось против устройства земледельческих артелей, юридически они были включены в Положение о трудовых артелях и пользовались поддержкой созданного в 1905 г. Министерством финансов Общества содействия артельному делу в России⁶².

Однако эти артельные начинания встретили противодействие со стороны большинства представителей правящих верхов и *власть пути постепенного кооперирования села предпочла депрессивный путь, то есть через резкую социальную дифференциацию, пролетаризацию и пауперизацию деревни, разрушение общинного строя, попытку централизации производства в руках зажиточных крестьян*. Такой выбор был вызван несколькими причинами.

На поверхности лежал чисто политический мотив: до и во время революции 1905–1907 гг. община возглавила крестьянские беспорядки и поэтому, потеряв веру в ее лояльность, правительство сделало ставку на индивидуальные крепкие хозяйства и ради этого приняло ряд мер, стимулирующих выходы из общины⁶³. Постулат о социально-политической лояльности общинного крестьянства впервые был подвергнут сомнению С.Ю. Витте в одном из своих выступлений на заседании Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по итогам волнений в Константиноградском уезде Полтавской губернии весной 1902 г.⁶⁴. К 1906 году эта позиция приобрела еще более сильное звучание. Тем самым была окончательно

⁶¹ См.: Земледельческие артели Херсонской губернии. – СПб., 1896; Труды съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству. 10-19 февраля 1901 г. – М., 1901. – Ч.1; РГИА, ф.1233, оп.1, д.7 (Проект программы занятий Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, 15 февраля- 17 мая 1902 г.)

⁶² См.: Положение об артелях трудовых от 1 июня 1902 г. // ПСЗ РИ. – Собр.3-е. – Т. XXVI. – Отд. I; Устав Общества для содействия артельному делу в России от 18 августа 1905 г. // ПСЗ РИ. – Собр.3-е. – Т. XXV.

⁶³ См.: Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 → 1917–1922 гг. – М., 1997. – С. 170–200.

⁶⁴ См.: Корелин А.П. Корелин А.П. Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности // Собственность на землю в России: История и современность. – М., 2002. – С. 255.

более 30 тыс. кооперативных объединений различных видов с числом членов свыше 10 млн. человек. Такое чрезвычайно быстрое распространение кооперации было не только защитной реакцией общинно организованной деревни на усиление рыночных отношений и развитие капитализма, но и способом их использования в попытке проведения «свободно-вертикальной» модернизации деревни⁵⁷.

Результаты были впечатляющими. Сибирский союз маслодельных артелей, возникший в 1909 году, включал в сферу своей деятельности не только переработку и сбыт масла на внутреннем рынке, но и непосредственные отношения с внешним рынком. Такой же размах деятельности был и у другого сибирского союза потребительской кооперации – Закупсбыта. Эти крупнейшие организации успешно конкурировали с частным капиталом, интенсивно, легко, «без боли» вытесняли его в период первой мировой войны⁵⁸.

Выгодной кооперацию считали не только миллионы крестьян, но и крупная российская буржуазия, которая видела в ней эффективного посредника между финансовым и промышленным капиталом, с одной стороны, и мелкотоварным укладом, с другой. Густая сеть кооперативов представляла для фирм и заводов огромный и надежный рынок сбыта товаров.

В правящих кругах существовало течение, представители которого считали возможным покровительствовать развитию земледельческих артелей. В первую очередь это сделала правительственная и околоправительственная печать: «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Журнал министерства государственных имуществ», «Земледельческая газета», «Труды императорского вольного экономического общества»⁵⁹. Так, «Вестник финансов, промышленности и торговли» был одним из тех изданий, которые в 1890-х годах приняли участие в рекламе шадринских артелей и артелей Н.В. Левицкого, которые пользовались покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны⁶⁰.

⁵⁷ См.: Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 342–343.

⁵⁸ См.: Кабанов В.В. Кооперация как канал взаимодействия различных социально-экономических укладов // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 102.

⁵⁹ См.: Гриценко И.Ф., Меркулов А.В. Систематический указатель русской литературы по кооперации. 1856-1924. – М., 1925.

⁶⁰ См.: Островский А.В. Царизм и проблема земледельческих артелей в конце XIX – начале XX веков // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский тематический сборник научных трудов. – Калининград, 1987. – С.78.

концу столетия имелось 115 иностранных акционерных обществ, и их капиталы составляли 52% от всех акционерных капиталов в стране⁴⁸. Российская свободно конвертируемая денежная единица превратилась в одну из самых авторитетных и стабильных валют на мировом денежном рынке⁴⁹.

С другой стороны, денежная реформа С.Ю. Витте практически вела к замораживанию огромных сумм в Государственном банке в виде золотого фонда, совершенно ненужного в таких размерах для обеспечения беспрепятственного размена, особенно в стране с активным торговым балансом, какою неизменно являлась Россия с 1880-х годов. Политика насильственного внедрения в оборот золотой монеты вместо банкнот обошлась государству в несколько сот миллионов рублей, тезаврированных населением во время Первой мировой войны: к концу 1916 г. в обращении оставалось 436 млн. руб., которые так и не вернулись в кассы Государственного банка. В результате, реформа отвлекла от индустриализации огромные средства, принеся в жертву идее конвертации рубля интересы внутреннего рынка, увеличила вдвое внешний долг и побудила к увеличению вывоза зерна и других сырьевых товаров⁵⁰.

Сравнение плюсов и минусов реформы показывает, что «увеличение ежегодного прироста производства составило 0,5%, а потери равнялись 0,1%» и поэтому «уровень экономического роста после 1897 г. намного превышает те потери, которые связаны с созданием золотых резервов»⁵¹.

Осуществленная денежная реформа, несмотря на всю свою видимую рыночность, в первую очередь, отразила довольно высокую степень вмешательства государства в экономические процессы страны.

К началу XX в. состояние раскола российского общества вступило в свою зрелую форму. Ее особенностью явилось добавление (и переплетение) к старым направлениям раскола новых, вызванных к жизни индустриализацией и монополистическим капитализмом. И теперь разрешение возникших противоречий требовало еще более взвешенных решений власти, чем прежде.

⁴⁸ См.: Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. – М., 1955. – С. 202.

⁴⁹ См.: Тюшев В.А. Указ. соч. – С. 59.

⁵⁰ Амосов А.И. Эволюция денежной системы России // Вопросы истории. – 2003. – № 8. – С. 94–95.

⁵¹ Грегори П. Указ. соч. – С. 43.

В связи с этим весьма спорным представляется тезис о том, что политические требования общественности обгоняли готовность народа к демократии и реформам⁵². Сельские и городские низы по-разному относились к различным реформам. Те из них, которые шли на встречу их нуждам и чаяниям находили в их среде полное одобрение и понимание⁵³. Кроме того, говорить о том, на что ориентируются народные массы, можно только при условии предоставления им условий в реализации своих планов. Однако власть на протяжении императорского периода своими действиями (или бездействием) тормозила формирование этих условий и, в первую очередь, задерживала просвещение и гражданско-политическое воспитание народа.

Власть понимала, что ключом в реформировании социально-политической жизни страны является разрешение крестьянского вопроса и что господствующее положение в деревне в экономическом и социальном отношениях занимало «среднее» крестьянство, ведущее полунатуральное, потребительское, семейно-трудовое хозяйство. Однако выводы из этого руководством страны, хоть и после некоторого колебания, были сделаны в рамках лишь одной альтернативы - либеральной.

Однако небуржуазное содержание крестьянского хозяйства могло обеспечить возможность свободной недепрессивной формы модернизации крестьянского уклада в виде кооперации, «потому, что в России благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в нацио-

⁵² См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 227.

⁵³ Так произошло с учреждением мировых судов, которые дали народу уникальную публичную трибуну для выражения его взглядов. Истцы из простонародья сознательно старались использовать публичность или, так сказать, театральность слушания дела и прилагали усилия, чтобы утвердить свое достоинство и право на уважение. При чем, «вопреки господствовавшему среди членов современного им общества мнению, рабочие не только использовали суды, но и продемонстрировали, что они в состоянии разобраться в процессе судопроизводства...» Противоположную картину мы наблюдаем в страховании промышленных рабочих. Когда в 1912 г. был принят пакет законов о государственном страховании рабочих, то реализация этих законов затянулась по причине изначального бойкота больничных касс рабочими, которые считали установленную систему взносов несправедливой. См.: Нюбергер Дж. Власть слова: Рабочие против хозяев в мировых судах // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. – СПб., 1997. – С. 263, 266. Ашмарина С.В. Страхование рабочих Урала накануне Первой мировой войны // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность / Под. ред. А.В. Бузгалина и др. – М., 2002. – С. 140–146.

нальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современной капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через его ужасные перепады»⁵⁴.

При кооперации, то есть при свободной «вертикальной» концентрации аграрного производства происходит расщепление производства как бы на два яруса: мелкое крестьянское хозяйство служит основой для крупного агропромышленного производства, организованного на кооперативных началах. Мелкий производитель в полной мере сохраняет свою собственность, выступая собственником в двух лицах – и как собственник индивидуального хозяйства с его уменьшившимися производственными функциями и как член коллектива собственников кооператива. Это сообщество собственников выполняет коллективно производственные функции, отщепленные от прежде целостных индивидуальных крестьянских предприятий. В результате традиционная по преимуществу экономика с ее потребительскими в основном установками экономической деятельности приобретает новое качество, преобразуясь в экономически более эффективную форму производства (с меньшими издержками производства), ориентированную на работу на широкий рынок⁵⁵.

Воплощая данную тенденцию, российская кооперация возникла в середине XIX в. и в отличие от Англии, она действовала в основном в деревне. В первую очередь, стали создаваться производственные кооперативы, главным образом, артельные сыроварни. Вслед за ними началось учреждение потребительских обществ и ссудосберегательных товариществ. Эти товарищества имели неограниченную ответственность, отвечали за долги личным имуществом и потому им доверяли и вкладчики, и кредиторы. Особенно выгодными кредитные товарищества оказались средним крестьянам. Они могли получить в год до 50 рублей по 5–7% годовых. С 1895 г. Они перешли на беспаяное начало, получая деньги для создания капитала из Госбанка⁵⁶.

Всего на 1 января 1901 года число кооперативов составило: кредитные – 837, потребительские – 600, сельскохозяйственные общества – 137, маслодельные артели – 51. С началом Столыпинской реформы рост кооперативов резко ускорился и к 1914 г. насчитывалось

⁵⁴ Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. – Первый набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1961. – Т.19. – С.401.

⁵⁵ См.: Чайнов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // Чайнов А.В. Избранные произведения. – М., 1989. – С. 190.

⁵⁶ См.: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 15.